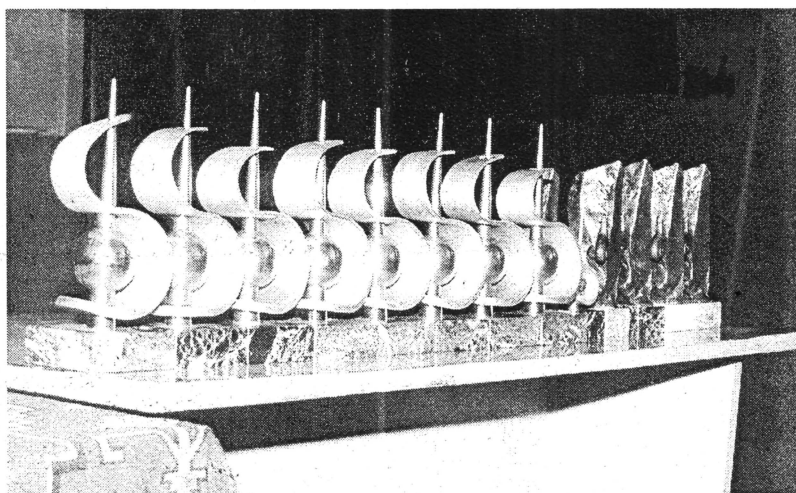

«ИНТЕРПРЕССКОН-99»

Е. Лукин и Б. Стругацкий

Премии «Интерпресскон»
и «Бронзовая улитка»

С четвертого по седьмое мая 1999 года в пансионате Министерства обороны РФ «Разлив» под Санкт-Петербургом состоялся юбилейный, десятый «Интерпресскон», на который съехались ведущие специалисты стран СНГ в области фантастики. Среди участников конференции были представители издательств «АСТ», «Северо-Запад», «Азбука», «Махаон», «Лань», «Сталкер», ведущие книготорговые фирмы России и СНГ.

В числе гостей также присутствовали писатели: В. Головачев, С. Лукьяненко, Э. Геворкян, А. Громов (все — Москва), А. Больных (Екатеринбург), Б. Стругацкий, Н. Романецкий, С. Логинов, В. Рыбаков, А. Первушин, А. Измайлов (все — Санкт-Петербург), Е. Лукин (Волгоград), М. Дяченко (Киев), В. Васильев (Николаев), Л. Вершинин (Одесса), Д. Трускиновская (Рига), Ю. Брайдер, Н. Чадович, Е. Дрозд (Минск).

Пятого мая состоялось вручение премий «Бронзовая Улитка», присуждаемой лично Б.Н. Стругацким и «Интерпресскон», обладатель которой выявляется путем голосования всех

Памятник «6.05»

УЧРЕДИТЕЛИ —
СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ,
ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ ЖУРНАЛА.

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1935 ГОДУ.

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

В номере: 7 '99

Пять дней на стыке континентов

Юний ГОРБУНОВ ----- 2

К юбилею Е.И. Стерлиговой ----- 4

Победитель дракона

Ольга КОЛОТОВА ----- 6

Лето сухих гроз

Василий ЩЕПЕТНЕВ ----- 7

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ «АЭЛИТА»

Человек последнего круга

Сергей ОРЕХОВ ----- 25

ЗАОЧНЫЙ КЛФ

О «легковесном Лукьяненко»

Татьяна СУВОРОВА ----- 57

Интерпресскон-99 ----- 59

Столица пушкинской культуры

Людмила ГУСТОВА ----- 61

Екатеринбургская «квартира» князя Львова

Иван ПЛОТНИКОВ ----- 67

Краеведческая копилка ----- 70

«Там живут мои детские тайны...»

Татьяна АЛЕКСЕЕВА ----- 73

Школа Дмитрия Скогорева

Андрей ПОДИСТОВ ----- 74

Как вершины обретают имена

Маргарита КУПРИЯНОВА ----- 77

Как я синтезировал человека

Герман ДРОБИЗ ----- 78

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ А.С. ПУШКИНА

Николай Васильевич Кузьмин.
Род. 1890.

Пушкин с женой на прогулке. 1957.

Тушь, кисть. 36,7x28,3 см

Всесоюзный музей А.С. Пушкина, Ленинград

Адрес в Интернете: <http://uralstalker.ekaterinburg.com/>

УралРелком

Юний ГОРБУНОВ

ПЯТЬ ДНЕЙ НА СТЫКЕ КОНТИНЕНТОВ

Апофеоз клуба

Судьба распорядилась так, что именно на Урале, в его историческом центре — Екатеринбурге проснулся и дал о себе знать мощный гейзер культурной инициативы: юнесковские клубы.

Клуб как форма общественной инициативы известен давно. Но клуб как действенный рабочий механизм постановки и решения разномасштабных культурных проблем заявил о себе впервые.

Судьба только на первый непосвященный взгляд слепа. Не случайно, а после многолетних творческих метаний нашел свою тропу бывший «следопыт» Юрий Борисихин, ныне вице-президент Российской федерации клубов ЮНЕСКО и президент Урало-Сибирской ассоциации клубов. Ни где-нибудь, а именно на стыке континентов и культур, на евразийском пространстве, открытом эксперименту и фонтанирующем инициативами, как грибы после обильного дождя возникают клубы под флагом ЮНЕСКО — смелые, разные, друг на друга не оглядывающиеся. Наконец, именно в Екатеринбурге нашлись политики, взявшие на себя смелость поставить на юнесковскую карту.

Эта цепочка отнюдь не случайных условий и привела к следствию: пятому всемирному конгрессу федераций, ассоциаций и клубов ЮНЕСКО, собравшему в разгар лета 1999 года в уральской столице более 200 делегатов из разных стран мира. Конгресс в Екатеринбурге «освятил» своим участием генеральный директор Федерико Майор. Красной нитью прошла по его докладу мысль о клубах как мастерках в строительстве культуры мира. Отныне клубы будут не на обочине, в том числе и финансовом, а на магистральном направлении деятельности ЮНЕСКО.

Парад уральских инициатив

Действо было вполне в духе нашего российского рынка: каждому президенту клуба отвели кресло, четвертинку стола и самый минимум

рекламных средств. Кресла и столы расположили вдоль стен зала. Именитые гости и, прежде всего, генеральный директор ЮНЕСКО поочередно обходили столики с «товаром», знакомились с клубами. Кто удостоился вежливой улыбки, кто рукопожатия, а кто и длительной беседы на смеси французского со среднеуральским.

А как иначе представить более 40 клубов ЮНЕСКО одной только Свердловской области? За плечами каждого три, пять, а то и все десять лет работы на ниве культуры, работы, соотнесенной с идеями и принципами ЮНЕСКО.

Вот взять хотя бы наш бывший клуб «Уральский следопыт», ныне именуемый «Содружество павленковских библиотек» — один из первых в уральской ассоциации клубов ЮНЕСКО. Возник под крышей и при поддержке журнала. Объектом своей заботы взял сельские библиотеки — учреждения, попавшие в ситуацию парадоксальную. Они сегодня одновременно самые востребованные и активные в культурном сообществе и в то же время самые обделенные вниманием.

Клуб взял под свою опеку те из них, у которых один крестный отец — русский меценат и просветитель Ф.Ф. Павленков, чьими стараниями и средствами эти читальни появились на свет божий сто лет назад. Вот они и объединились в Содружество под эгидой ЮНЕСКО.

Что сделал наш клуб за восемь истекших лет? Разбудил краеведческую работу в библиотеках. Организовал в областях региона смотры-конкурсы библиотек за право носить имя своего крестного отца. Стал инициатором всероссийских Библиотечных павленковских чтений и семинаров-практикумов для сельских читален. Начал издавать книги для библиотек. Учредил библиотечную газету «Павленковская книжная лавка»... Поднял, словом сказать, общественную значимость библиотек в провинции. Но самое главное в том, что клуб своими инициативами повернул лицом к провинциальной культуре предприятия, учреждения, общественные организации само-

го разного уровня и профиля. В их числе авторитетная на Урале корпорация «ЯВА» Валерия Афонасьевича Язева и им же инициированная общественная организация «Демидовский конгресс». Совместный спецпроект клуба ЮНЕСКО «Содружество павленковских библиотек» и «Демидовского конгресса», символически названный «Не дать свече погаснуть», насчитывает уже десяток крупных акций в пользу сельской читальни.

А ведь наш клуб только один из сорока. И все прочие тоже не льком шиты. Не случайно презентация уральских клубов стала кульминационным событием в программе конгресса. И слова о значимости клубного движения под эгидой ЮНЕСКО уже не сходили с уст выступающих с его трибуны.

В одной лодке

Если сейчас не брать во внимание обширную культурную программу участников конгресса, всякого рода выставки, концерты, приемы и фуршеты, театрализованные представления, экскурсии и еще многое другое, то эпицентром собственно работы всемирного форума стали, конечно же, четыре круглых стола. В сжатом выражении их темы звучали так: «Воспитание в духе мира и толерантности», «Охрана окружающей среды», «Культурное наследие», «Демократия и права личности».

Вот где гости и хозяева ощутили себя в одной лодке, несмотря на различие языков и географическую удаленность друг от друга. Суденьшке углом, подчас швыряемом волнами и ветрами. Но одном. Для меня так это было самое острое ощущение. Шарик наш — Земля — так мал и так кругл, что не понимать друг друга для его обитателей слишком дорогое «удовольствие». Оказывается, проблемы, коими живут, скажем, маленькая центральноамериканская страна Гаити, пожалуй, самая юная во всемирной федерации клубов ЮНЕСКО, и большая Россия, говорят на

одном языке — языке культуры мира.

Вот почему представители более чем тридцати языков поняли и приняли идею екатеринбургских архитекторов, названную «Вознесенский колокол», — создать средствами дизайна и передовых научных технологий принципиально новый тип духовного пространства, исключаящий любое насилие.

На круглых столах пролился живительный «грибной» ливень проектов и предложений. Никакой бумаги не хватит, чтобы все назвать. Скажу только еще об одном вошедшем, кстати сказать, в окончательный текст резолюции конгресса. Он исходит от клуба ЮНЕСКО «Содружество павленковских библиотек»: провести в ближайшее четырехлетие всемирный или всероссийский конгресс библиотек, поставив в центр его книгу как универсальный инструмент общения и взаимного обогащения мировых культур. То, что книга — инструмент универсальный, — спору нет. Но ясно также и то, что инструмент этот, особенно после крушения «железного занавеса», нужно обоюдно совершенствовать. Нас не может, например, не тревожить низкий уровень информативной оснащенности провинциальных библиотек и малодоступность книги. А чита-

телей запада — не беспокоить волна бездуховности, захлестнувшая книжный рынок.

Символично то, что наше предложение тотчас же нашло отклик. Вице-президент европейской федерации клубов ЮНЕСКО и генеральный секретарь ассоциации клубов Италии Мария-Луиза Стринге, посетив после конгресса Пермь, тоже высказалась за совершенствование библиотечных коммуникативных связей и в частности — за совместный проект ассоциированных библиотек ЮНЕСКО и Содружества павленковских библиотек. Результатом такого сотрудничества и может стать всемирный библиотечный форум.

Содружество, журнал «Уральский следопыт» могли бы стать у его истоков.

**Федерик Майор и Ю.С. Борисихин,
Президент Урало-Сибирской
ассоциации клубов ЮНЕСКО**

У ЕВГЕНИИ ИВАНОВНЫ СТЕРЛИГОВОЙ — ЮБИЛЕЙ

Казалось бы, что тут трудного — написать о человеке, которого больше двадцати лет назад взял в приемные матери. Двадцать четыре года назад, если быть точнее. Большая часть моей жизни. Да и у приемной матери часть жизни немалая. Мы неоднократно могли познакомиться в «Каравелле» — тогда в отряде как раз снимался фильм про Робин Гуда, и Евгения Ивановна помогала разрисовывать рыцарские щиты, — но я предпочла знакомство дома. У нее дома. Позвонила и напросилась. Меня позвали в гости, выразив лишь сомнение, смогу ли я найти улицу с интересным названием «Народной Воли» и нужный дом на ней — хитрая это была улица, и нумерация домов на всем ее протяжении у нее и сейчас непростая. Разумеется, я нашла. Особого следопытского дара у меня не было, но любопытство — штука мощная: что такое писатель, я уже знала, знакомых художников у меня не было. Мне нужно было своими глазами увидеть, что это такое. Тут меня ничто бы не остановило.

...Вот так, значит, и живут художники. Кисти, краски, карандаши. Цветная тушь, перья. И много книг. Монстера в углу с огромными резными листьями. «Вы тоже знаете немецкий язык?» — приветствовала я хозяйку комнаты, потому что многие из книг, смотревшие на меня с застекленных полок, были на немецком языке. «Кто это — тоже?» — воскликнула она, и состоявшееся по телефону знакомство закрепилось. Навсегда.

Через какое-то время, на очередной выставке в Доме художника, кто-то в очередной раз спросил: «Евгения Ивановна, это ваша дочка?» Евгения Ивановна открыла было рот, чтобы в очередной раз объяснить, что это — Галька, сущий змееныш, не обманывайтесь ее косой и вообще видом, и... «Да, — ответила она, — дочка».

На самом деле, у нас действительно было много общего. И по мелочам, и не по мелочам. Евгения Ивановна младше своей матушки на двадцать два года — и я ее на столько же. У наших матерей дни рождения — по десятым числам. У нас с ней — тоже. Евгения Ивановна и моя мать родились вообще в один день — десятого июля. И каждый раз обе мои матери ждут меня в этот день к праздничному столу... Евгения Ивановна по первому образованию — биолог, ботаник. Моя старшая сестра — тоже. Диплом они обе защищали у одного и того же руководителя. Это — мелочи. Мы читали одни и те же книги, читали и перечитывали, и не могли без этого жить. Это — не мелочи.

Когда мы познакомилась, я как раз пи-

сала первую в своей жизни повесть. Повесть о мальчишке, поразившем мое воображение. Я приносила очередную порцию тетрадных листов Евгении Ивановне. «Работать ты умеешь, — сказала она. — Кто бы мог подумать, что под фарфоровым обличем кроется железобетонная конструкция. Змея, Галька, змея!» Ну, если я и умею работать, то до Евгении Ивановны мне все равно далеко. Вот уж кто работает! Сидя на столе, гоняя кошку, которая желает непременно на незаконченной работе лежать, отвечая запыхавшимся голосом по телефону...

Значит, я змея. Доросла. Выросла из змеенышей. Смею вас уверить, более значительного и емкого комплимента за свою жизнь я не получала. Конечно, я выросла. И без Стерлиговой — и без Крапивина! — моя жизнь была бы иной. Разумеется, я и до знакомства с ней знала, что женщина должна быть умна, заниматься делом и уметь говорить по-немецки, а там посмотрим. Моя настоящая мама прививала мне несколько иные понятия — ей бы хотелось, чтобы я умела котлеты жарить, а писать — что ж, после Толстого, что ли? Да и после Крапивина... Евгения Ивановна моей матери вовсе не перечила. Тем более, что жизненные понятия наших матерей во многом совпадали. Но то, что жить, только существуя, — скучно, — это она облекла в слова. И в линии. Точки. Черточки.

Евгения Ивановна, мы наверняка проживем еще много лет. И сделаем много-много работы. И скучать — не будем.

Галина ЦВЕТКОВА

Владислав Крапивин. «Полосатый жираф Алик»

Ольга КОЛОТОВА

ПОБЕДИТЕЛЬ ДРАКОНА

Средневековые рыцарские романы пестрят историями о том, как сильные и смелые воины доказывали свою отвагу победами над кровожадными драконами. Но эти события относятся к незапамтным временам, а их герои, как правило, вымышленные. Совсем другое дело, когда речь идет о реальном историческом лице, а дату появления дракона можно определить довольно точно.

Дракон завелся в первой половине XIV века на острове Родос, в 1310 году перешедшем под власть Ордена св. Иоанна Иерусалимского, или рыцарей-госпитальеров. Он устроил себе логово у подножия горы св. Стефана южнее города Родоса и, как и полагается чудовищу подобного рода, стал похищать окрестных крестьян. В особенности он был неравнодушен к деревенским девушкам. Не раз храбрые рыцари-иоанниты выходили на поединок с драконом, но гибли один за другим. Монстр проглатывал их вместе с оружием и доспехами. В конце концов великий магистр Ордена Элион де Вилленев (1319-1346), обеспокоенный потерей своих лучших бойцов, отдал распоряжение оставить зверя в покое.

Но нашелся один юный рыцарь, который ослушался приказа великого магистра. Не силой и храбростью, а умом и хитростью решил он победить чудовище. Этого рыцаря звали Дьедонне де Гозон, он был родом из Прованса.

Задумав избавить Родос от опасности, Дьедонне расспросил людей, которым довелось видеть дракона, и узнал, что спина и бока чудовища покрыты непроницаемой чешуей, а вот брюхо его уязвимо. Согласно этим описаниям, он изготовил чучело зверя и обучил двух своих гончих псов нападать на него.

Когда обучение закончилось, Дьедонне вместе с двумя оруженосцами и выдрессированными собаками отправился на битву с драконом. Псы яростно напали на чудовище, а Дьедонне, воспользовавшись тем, что внимание зверя было отвлечено, отсек ему голову. Правда, не обошлось без казуса. Дьедонне упал с лошади и был придавлен телом мертвого дракона. Когда оруженосцы извлекли рыцаря из-под туши чудовища, тот был без со-

знания. Впрочем, серьезных травм он не получил.

Элион де Вилленев обрушился на Дьедонне де Гозона с градом упреков. «Послушание — главная добродетель христианина», — указывал он. Но Дьедонне оставался непреклонным. «Мужества и послушания не достаточно, чтобы бороться с подобной опасностью», — твердил он. За нарушение приказа великого магистра Дьедонне был лишен орденских одежд и брошен в тюрьму. Но даже великий магистр не мог пойти против общественного мнения, которое, впрочем, в глубине души и сам разделял, что такой умный и храбрый воин не может быть осужден. Спустя некоторое время Дьедонне не только был освобожден и восстановлен в Ордене, но даже удостоился великих почестей, а после смерти Элиона де Вилленева, в 1346 году был избран новым великим магистром.

Остается загадкой, как же возникла легенда о драконе и вообще была ли она легендой в полном смысле этого слова или же имела под собой какую-то реальную основу. Одни исследователи полагают, что на Родос могла попасть большая змея или даже нильский крокодил, благо Египет не так уж далеко. Другие справедливо возражают, указывая на то, что на Родосе нет подходящих условий для обитания крокодила (больших рек или других крупных водоемов), а морская вода едва ли пришлась бы ему по вкусу. К тому же ни один крокодил никогда не смог бы проглотить рыцаря в полном вооружении.

Тем не менее, эту историю трудно отнести к чистому вымыслу, потому что еще при жизни Дьедонне де Гозон пользовался славой победителя дракона, а на его могильном камне были высечены слова: «Здесь покоится борец с драконом». Думается, ответ нужно искать в другом. Чудовищем, которое на несколько столетий приковало к себе внимание рыцарей-иоаннитов, было все возраставшее могущество турок, разбойничавших на море. В течение нескольких веков Орден св. Иоанна Иерусалимского оставался едва ли не единственной силой, бескомпромиссно противостоявшей мусульманской агрессии. Кстати, именно под предводительством Дьедонне де Гозона рыцари одержали внушительную победу над турецким флотом около малоазийского города Смирны.

Рисунок на 3-й странице обложки.

Колотова Ольга Евгеньевна. Аспирант кафедры древнего мира и средних веков Уральского гос. университета. Живет в Екатеринбурге.

ДЕТЕКТИВ

Василий ЩЕПЕТНЕВ

ЛЕТО СУХИХ ГРОЗ

Рисунки Натальи ЕРМОЛАЕВОЙ

Щепетнев
Василий
Павлович.
Основная
профессия —
врач.
Постоянный
автор
«Уральского
следопыта».
Лауреат премии
«Бронзовая
улитка»
(С-Петербург).
Живет в
Воронеже.

— Определенно, Лондон уснул. Всеобщее царство сна, — Холмс педантично поместил «Таймс» на стопку других сегодняшних газет.

Мне это не понравилось: аккуратное обращение с газетами предвещало Большую Хандру со всеми ее атрибутами — раздражительностью, ночным музицированием.

— Холмс, вы немилосердны к бедным обывателям. Могут же они хоть недолго пожить без сенсационных убийств и грабежей.

— Могут, дорогой Ватсон, разумеется, могут. Я не могу, — он внезапно смолк, дотянулся до каминной кочерги и начал бесцельно вертеть ее в руках.

Когда работы было много, Холмс являл собой образчик деятельного, бодрого человека, но стоило наступить паузе, и настроение его в корне менялось. Он страшился оказаться ненужным: это влекло за собой нужду, нищету. И с годами беспокойство росло.

Это чувство знакомо и мне. Чего скрывать, преуспевающего врача из меня не получилось. Люди с удовольствием (надеюсь!) читают мои рассказы, но лечиться предпочитают у других, не отвлекающихся на посторонние дела, врачей.

Купленную практику я растерял моментально — что это за доктор, постоянно оставляющий пациентов ради участия в расследовании жутких преступлений?

Мое участие в расследованиях Холмса объясняется не только связавшей нас дружбой. Подлинные случаи служили основой моих рассказов, питали мою фантазию и воображение; в свою очередь, благодаря этим рассказам известность Шерлока Холмса распространилась далеко за пределы королевства, что обеспечивало более-менее постоянный приток клиентов. Но порой, увы, бывали и дни штиля, как сейчас. Десять дней — ни одного стоящего дела.

— К вам посетитель, мистер Холмс, — заглянула в гостиную Мэри, племянница миссис Хадсон, помогавшая ей по хозяйству — годы брали свое...

— Хорошо, — Холмс не выказал особой радости. — Дело о пропаже любимой кошки.

— Полноте, Холмс, — укорил я его.

— Здравствуйте! — перед нами предстал молодой, румяный человек, средний-средний класс, таких в нашем районе двенадцать на дюжину. «Пожалуй, спортсмен» — я попробовал на посетителя метод Холмса.

— Позвольте... Позвольте мне самому... — молодой человек напряженно переводил взгляд с Холмса на меня.

Холмс молчал. Я тоже.

— Вы — мистер Шерлок Холмс, — наконец решил вошедший, шагнул к Холмсу и затряс его руку. — А вы — доктор Ватсон.

— Совершенно верно. Так что же привело к двум английским детективам, (О, Холмс! Он знал, что званием детектива я гордился еще больше, чем званием литератора, и никогда не упустил случая похвалить мне) к двум детективам проницательного русского студента-химика? Вероятно, вы выполняете поручение родных? Получили телеграмму?

— Как... Как вам это удастся? — студент выглядел скорее восхищенным, чем озадаченным. — Я, конечно, много читал о вас, но... Это непостижимо!

— Всего лишь умение видеть и делать выводы, — Холмс порозовел от удовольствия. — Русский — у вас определенно славянский тип лица, затем произношение — слишком безупречное, академическое, и, наконец, шнурки не заправлены в туфли. Студент — возраст и галстук; химик — пятна от реактивов на руках, в свое время у меня было довольно таких отметин.

— А родственники? Телеграмма?

— Вы не производите впечатление человека, у которого случилось несчастье, значит, выполняете чье-то поручение. Срочные поручения обыкновенно передают телеграфом, и порез на вашем указательном пальце свидетельствует о том, что вы недавно распечатывали депешу — с некоторых пор их заклеивают липкой лентой с острыми, как бритва, краями. Порез, конечно, пустячный, но если на края ленты нанести бациллы азиатской лихорадки...

— Да? — студент осмотрел свой палец, затем поспешно опустил руку. — Позвольте представиться: Фадеев, Константин Фадеев.

— Так что же привело вас сюда?

— Вы совершенно правы — телеграмма, — и он вытащил из кармана лист бумаги. — Я получил ее сегодня от дяди. То есть, он мне не дядя, а дальний родственник... Впрочем, это не важно. Разрешите, я зачитаю?

— Сделайте одолжение, — Холмс откинулся в кресле, прикрыл глаза. Старый конь почувал битву.

— «Константин, постарайтесь убедить мистера Шерлока Холмса приехать в наш летний замок для консультации по весьма важному вопросу. Дело крайне срочное. Браун уполномочен оплатить расходы». Подпись — П. Браун — представитель дядиной фирмы в Лондоне. Сахар и конфеты.

— А сам дядя?

— О, дядя... Он — принц Ольдбургский, Петр Александрович.

— Принц?

— Самый настоящий. И праправнук императора Павла.

— Высшие сферы.

— Еще бы. Его жена, принцесса Ольга — великая княжна, — русский выдержал паузу, — сестра ныне здравствующего императора Николая Второго.

— Да, — Шерлок Холмс не склонен был восторгаться или выражать какие-либо иные чувства. Принц, ну и принц. — Что именно послужило причиной обращения ко мне, вы, полагаю, знаете?

— Совершенно нет. Ничего. Телеграмма — единственное, чем я располагаю. Ну и, разумеется, чек. Он — ваш, если вы согласны ехать.

Холмс, мельком взглянув на чек, положил его на стол. Я скосил глаза. Сумма была не безумная, но более чем удовлетворительная.

— Следовательно, принц ждет, что я поеду в Россию, не имея представления о сути дела?

— Получается, так. Вы и доктор Ватсон.

— Обо мне в телеграмме нет ни слова, — мне казалось, что парень знает больше, чем говорит.

— В этой — нет, но дядин поверенный, Браун, получил указание оплачивать расходы двух человек.

— Где вы остановились? Я... Мы дадим ответ

завтра, — Холмс вернул чек посетителю.

— Очень хорошо. Вот мой адрес. Мы могли бы отправиться — если вы, конечно, принимаете предложение, — завтра вечером.

— Вы тоже едете в Россию?

— Да. Вакации. К тому же вам потребуется переводчик, не так ли? Я и буду этим переводчиком.

Константин Фадеев откланялся.

— Боюсь, в моей картотеке Россия остается белым пятном.

— Самое время вывести его, — я видел, что Холмс колеблется.

— Ватсон, Ватсон... Десять лет назад я бы, не задумываясь, тронулся в путь, — он взял кочергу, отложенную на время визита русского. — Я как эта кочерга, еще годная в дело, но далеко не новая. Помните, нам ее попортил доктор Ройлотт? Я тогда выправил ее довольно небрежно, а сейчас... — он напрягся, и едва заметный изгиб исчез.

— Вот видите, Холмс!

— Пустое, — но видно было, что Холмс доволен.

— Так мы отправляемся, Холмс?

— Ватсон! Я не решался вас просить. Россия далековата...

— Пустое, — вернул я словцо Холмсу. — Если едете вы, еду и я.

— Тогда собирайте чемодан, Ватсон. Едем туда, где мы нужны! — Хандра исчезла. Холмс

К ЮБИЛЕЮ ЕВГЕНИИ СТЕРЛИГОВОЙ

Владислав Крапивин. «Летчик для особых поручений»

вновь был заряжен бодростью, лучшим видом энергии. Он нужен! Его позвали!

Описывать подробно дорогу я не стану. Поезда двадцатого века променяли романтику на комфорт. С точностью хороших часов пролетали мимо города и страны, пролетали и уходили в прошлое, во вчера.

Наш Вергилий, Константин Фадеев, рассказывал о работодателе. Мы действительно направлялись в самые высшие сферы русской аристократии. Итак, «дядя» — принц Ольдбургский Петр усердно занимается свекловодством и сахароварением в поместье матери, Евгении Максимилиановны, великой княгини, племянницы Александра Первого. Ее муж, отец нашего клиента, принц Александр Ольдбургский — любитель и покровитель наук, известен в ученом мире как археолог, химик и оптик. Жена «дяди», принцесса Ольга, — сестра ныне царствующего императора Николая Второго. Имение Рамонь — это семь тысяч десятин пахоты — около пятнадцати тысяч акров; лес, замок, сахарный завод, кондитерская фабрика. Ольдбургские-старшие живут в замке, Ольдбургские-младшие — неподалеку, в имении «Ольгино».

На четвертые сутки мы добрались до места. Почти добрались. На небольшой станции покинули экспресс.

— До имения десять миль, — Константин огляделся. К нам спешили двое. — Это за нами.

Встречающие подхватили наш багаж.

— Я надеюсь, нам не придется идти пешком все десять миль?

— Что вы. Уже пришли, — Константин подвел нас к небольшому составу; паровозик и вагон. — Дядя построил ветку до Рамони.

Вагон оказался роскошным салоном — специально для встреч дорогих гостей, пояснил Константин. Его одного так бы не встречали.

— Как-то будут провожать, — рассмеялся Холмс.

Лес подступал прямо к полотну, казалось, еще немного, и ветви деревьев заколотят по вагону.

Потянуло дымом, гарью.

— Никак, пожар, — я выглянул наружу. Недалеке горел подлесок — трава, кустарник, а несколько мухиков пытались сбить огонь.

Константин поговорил со слугой.

— Засуха. С Мокия нет дождя.

— С Мокия?

— Народная традиция — отмечать дни именами святых православной церкви. С середины мая. Если в скором времени не приударит дож-

дик, пакала свеколка. Сухие грозы землю жгут, говорят мужики.

Поезд замедлил ход. Напротив вагона стоял экипаж. Нам не пришлось даже прикоснуться к багажу: все сделали слуги.

Меж деревьев голубела вода.

— Это наша речка, Воронеж. Проблемы с мостом — надо строить каменный, под тяжелый состав.

Мост и вправду был неказист: деревянный, на сваях, выкрашенный в темно-зеленый цвет, он напоминал замшелого дракона, притворявшегося спящим, в надежде на рассеянного путника, который примет его за настоящий добропорядочный мост.

А дальше, дальше и выше, стоял замок, словно сошедший с детских книг — с кокетливыми зубчатыми башенками, стрелчатыми окошками и всеми прочими финтифлюшками времен Короля Артура.

— Замок Ольдбургских, — сообщил Константин делано-равнодушно, даже не поворачиваясь к замку лицом. У нас-де этих замков — девать некуда.

Нам удалось миновать непроснувшийся мост. Деревья правого берега надвинулись, заслоня собой добрую старую Англию, на смену видению пришел аромат — тоже из детства, аромат сластей, рождественских даров, счастья.

— Конфетная фабрика. Видите, между ветлами, трехэтажная. А дальше — завод. Завод осенью заработает, а фабрике круглый год без роздыху. Золотые медали парижской и лондонской выставок.

Экипаж въехал во двор. Фонтан перед замком бодро шипел водяными струями, а сам замок вблизи обретал объем, вес, сущность, и уже не казался ненастоящим, сказочным.

Нас поселили не во дворце, а рядом, в большом флигеле, называвшемся «Уютное». И действительно, жилище наше было весьма милым, более того, роскошным, но роскошью не броской, а добротной и скромной — если такая возможна вообще. Дубовые панели, ковры, красное дерево. Самого Константина поселили рядом, сорок шагов от «Уютного», в «свитских» номерах. Ничего, очень даже неплохо. Свитские номера — значит для лиц, сопровождающих высших гостей, для свиты.

Мажордом передал, что принц Петр ждет нас через три часа, желая, чтобы мы сначала отдохнули с дороги. Ужин в семь пополудни, по случаю лета одеваться без формальностей.

Принц встретил нас радушно.

— Располагайтесь, пожалуйста, — он указал на кресла.

Мы сели, а его высочество зашагал по ковру, большому, но изрядно потертому.

— Благодарю, господа, что вы смогли откликнуться на мою просьбу. Дело, которое заставило прибегнуть к вашей помощи, на первый взгляд может показаться мелким, но поверьте, для меня, для всей нашей семьи оно имеет исключительно важное значение. Сигару? — спохватился принц Петр.

— Я предпочитаю трубку, — Холмс полез в карман.

Сигару взял я, не знаю уж зачем. Я не сторонник курения вообще, а сигары пробовал редко. Однажды, если мне не изменяет память. Наверное, действовала атмосфера: принцы, замки, Россия.

— Здесь, в этом кабинете — мой рабочий сейф. Неделю назад я заметил, что из него исчезли драгоценности моей жены: кольцо с бриллиантом и пара рубинов. Пропажа неприятна и сама по себе, но особенно из-за некоторых обстоятельств, связанных с камнями.

— Каких же? — Холмс наслаждался своей трубкой, а я безо всякого удовольствия пускал дым в потолок — тоже не простой, облицованный деревом, по которому были выжжены десятки миниатюр. Шахрезада, тысяча и одна ночь.

— Камни — приданое жены и весьма редкие. Бриллиант — двенадцать карат, а рубины просто уникальны — они светятся в темноте. По преданию, это камни египетских фараонов, и их потеря особенно огорчительна.

— В сейфе хранились только эти драгоценности?

— Да. Собственно, жена держит свои украшения в нашем имении Ольгино, а эти камни я принес исследовать на радиоактивность. Я подозреваю, что свечение является следствием содержания в рубинах примеси радия, и хотел повторить опыт доктора Беккереля — положить на фотопластинку, обернутую светонепроницаемой бумагой. Так вот, я их принес, а на следующий день, когда намеревался провести эксперимент, они пропали.

— А почему вы не стали делать опыт в своем имении?

— Хотел воспользоваться лабораторией отца. Да и ему было любопытно проделать с камнями несколько экспериментов по оптике. Собственно, это была его идея — насчет радия.

— Следовательно, о том, что драгоценности здесь, знали вы и ваш отец, принц Александр. Кто-нибудь еще?

— Жена. Я, разумеется, взял драгоценности с ее согласия.

— Позвольте взглянуть на сейф.

Принц подвел Холмса к стене.

— А, сейф Майера. Солидный ящик. — Холмс осмотрел дверцу. — Сколько ключей от этого сейфа?

— Один.

— Где он?

— Здесь, в конторке, — принц открыл ящик. — Вот он.

— Вам не кажется бессмысленным заводить отличный сейф, а ключ держать там, где его может отыскать и ребенок?

— В сейфе обычно не хранится ничего особенно ценного. Ключ же лежит в секретном отделении конторки. К тому же кабинет в нашем отсутствие всегда заперт.

— Заперт? Но ведь кто-то его убирает?

— Да. Да, разумеется. Но в доме никогда не было краж.

— Позвольте ключ.

Холмс подошел к окну, под увеличительным стеклом рассмотрел бородку.

— Хорошая работа. Откройте, пожалуйста, сейф, — он вернул ключ принцу.

Дверца, дюймовая сталь, бесшумно открылась. В глубине виднелись бумаги, конверты, папки.

— Где находились драгоценности?

— Видите, здесь дополнительное отделение, с шифром.

Действительно, в правом верхнем углу был еще один ящичек, сейф в сейфе, с четырьмя рукоятками.

— Камни хранились в нем?

— Да. Как видите, опасаться чего-либо причины не было.

Холмс рассмотрел рукоятки.

— Буквенный шифр. Свыше двухсот тысяч комбинаций. Кому известно слово?

— Мне. И отцу.

— Оно где-нибудь записано?

— Нет, мы его помним, оно простое: «зеро».

Холмс несколько минут внимательно изучал сейф.

— Видите ли, мистер Холмс, — принц положил в пепельницу сигару, не нскуренную и наполовину. Нервничает. Годы, проведенные вместе с Холмсом, не прошли впустую: я подмечал и беспоконное шевеление пальцев, и бледность лица. Пульс, наверное, под восемьдесят. — Главная неприятность заключается в том, что камни — рубины — просит на время Александра Федоровна.

— Простите, кто?

— Это я должен извиниться. Снобизм — называть запросто ее императорское величество. Но она — жена шурина. К тому же произносить титул — верный способ привлечь внимание посторонних. Мы стараемся этого не делать.

— Зачем императрице понадобились камни?

— Видите ли... Сейчас в моде увлечение оккультными науками: спиритизм, месмеризм, что там еще. А рубины якобы упоминаются в «Книге Мертвых», древнеегипетском папирусе. Возможно, это действительно те самые камни. Императрице они понадобились для спиритических сеансов. Ольга, конечно, согласилась исполнить проьбу. Поэтому я и поспешил с опытами, кто знает, на сколько рубины понадобятся Александре Федоровне. И вот — они пропали. Очень неудобно, неловко.

— Когда вы получили просьбу императрицы?

— Письмо от нее передал полковник Гаусгоффер, он свой человек при дворе. Полковник и должен был отвезти камень.

— Гаусгоффер? Я где-то слышал это имя.

— Он полковик германской армии, сейчас в длительном отпуске. Известен путешествиями в Гималаи.

— Да, да, вспомнил. Экспедиции восьмого и двенадцатого годов, — Холмс прикрыл дверцу сейфа. — Когда полковник прибыл в имение?

— Неделю назад.

— А камни пропали...

— На следующий день.

— Полковнику известно о пропаже?

— Нет. Никому не известно, кроме нас с отцом. Я очень рассчитываю на вашу помощь.

— Я приложу все силы.

— Только... Дело предельно деликатное, вы понимаете?

— Я приложу все силы, — повторил Холмс...

Ужин, верно, по случаю лета, имел место быть на террасе, с которой виднелись река, станция, лес и невеста какая даль за лесом.

Все произошло довольно мило — нас представили их высочеству — ее императорскому высочеству принцессе Евгении, ее императорскому высочеству принцессе Ольге, принцу Ольденбургскому Александру (без титулов, без титулов, у нас в Рамони летом запросто), молоденькой девушке Лизе (воспитаннице Александра), и полковнику Гаусгофферу. С Константином мы уже были знакомы. Разговор завязался оживленный — о ланкастерской системе взаимообучения, о сравнительных достоинствах немецкой и французской метод извлечения сахара из свеклы, о полифонических монетах (по-мое-

му, реверанс в сторону Холмса), и еще, и еще. Беседа шла на очень недурном английском, и Константин мог отдохнуть. Он и манкировал обязанностями, ведя приятную беседу с молоденькой, лет семнадцати, воспитанницей.

Признаться, я был несколько разочарован, не найдя роскоши арабских сказок — золотой посуды, гор икры, танцующих невольниц, гуляющих павлинов и медведя на вертеле. Довольствоваться пришлось мейсенским фарфором, стерлядь по-казацки. И игристыми донскими винами. Правда, где-то неподалеку слышались противные крики, и студент уверял, что это павлины.

Когда дамы покинули нас, стало полегче. Или просто потянуло прохладой реки. На смену игристу пришел серьезный портвейн. Холмс раскурил трубку. Я не замечал никаких признаков погруженности в раздумья, казалось, мой друг просто отдыхал, наслаждался вечером. Впрочем, порой я замечал и признаки неудовольствия, легкие, едва заметные даже для меня, прошедшего бок о бок с Холмсом многие (и лучшие!) годы. Я бы сравнил настроение Холмса с настроением великого хирурга, которого спешно пригласили к коронованной особе удалить бородавку.

Журчала вода каскада, бежавшая вниз, я, благодухный, умиротворенный вином, следил за прихотливым разговором.

— Материализм, идеализм — слова, ярлыки. Наука отличается от суеверия прежде всего терминологией, — старый принц вел главную тему, остальные подыгрывали ему, впрочем, не без изящества. — Возьмем открытия в медицине. Материалисты, если не ошибаюсь, объясняли раньше причину холеры дурными испарениями, миазмами. Не так ли, доктор Ватсон?

— Э... Совершенно верно.

— Колдуны же и знахари считали, что дело в демонах холеры. Теперь, после открытий профессора Коха, наука установила: причина холеры — микроб, невидимое глазу существо, вселяющееся в человека и доводящего до болезни. Чем отличается микроб от демона?

— Но, ваше высочество, — полковник не забывал титуловать принца. Наверное, и потому, что обращаться по имени и отчеству, как это принято у русских, гораздо труднее. — Вы не можете отрицать того, что наука являет собой могучую силу.

— Именно. Именно, Herr Oberst. А у нашего народа есть поговорка: сила есть, ума не надо. Ученые все более используют руки, а не голову, наука бьет тараном там, где нужно найти ключик, вставить в скважину и повернуть.

— Найти! То-то и оно! Они, ключики, под ногами не валяются.

— И не должны вылиться, Herr Oberst. Ибо втопчут их во грязь. Или, что хуже, откроют дверь.

— Почему же хуже?

— Дверь пропускает в обе стороны.

Я сидел и слушал знаменитую русскую беседу. Солнце успело закатиться, принесли лампы.

— К счастью или несчастью, дверь эта потаенная и непостоянная, покажется и исчезнет надолго, на всю жизнь, превращая ключик в безделицу, в ничто — до следующего раза в другое поколение.

Длинная дорога, незнакомое место, новые люди, вино — все это вместе создало во мне странное состояние благодати, восторженного покоя. Я потягивал портвейн, постепенно пьянея, но ничуть не тревожась этим. Такие милые люди, такой спокойный, уверенный Холмс, да и дело выходило хоть и загадочным, на мой взгляд, но не страшным, не кровавым. Приятное дело, приятное место, приятные люди.

— Ах, что это я разболтался, — спохватился принц Александр. — Время позднее, а вы с дороги. Доброй ночи, доброй ночи всем. А завтра, я уверен, все трудности разрешатся.

Холмс вежливо поклонился.

Все поднялись.

— Всего... Всего восьмой час! — запротестовал я.

— В Лондоне, Ватсон. В Лондоне, — Холмс взял меня под локоть и твердо повел по дорожке вокруг замка.

Яркая, полная луна светила лучше всяческих фонарей.

— Я... Я вполне трезв, Холмс.

— Не сомневаюсь.

— Но я действительно трезв. А вот вы, Холмс, не пили почти ничего. Ни вы, ни другие, — сейчас до меня дошло. Что стаканы остальных оказались лишь пригубленными.

— Отдаю должное вашей наблюдательности, Ватсон.

— Тогда почему мы ушли?

— Потому, что с нами попрощался хозяин.

— Ах, да. Водопроводчики, верно? — мы успели дойти до нашего пристанища, когда Холмс, наконец, отпустил мою руку.

Мы сели в кресла около столика (Людовик Шестнадцатый).

— Наши хозяйева заботливы, — Холмс указал на бутылку. — Ваш любимый портвейн. Желаете?

— Нет, — хмель потихоньку таял, искушение росло, но я удержался.

— Отлично, — он вернул бутылку на стол. — Ну, каково ваше впечатление, Ватсон?

— Просто загадка. Сейф с шифром, а драгоценности исчезли. Невообразимо!

— Да, — Холмс грустно улыбнулся.

— Вы... У вас есть гипотеза?

— Думаю, мне известно, кто взял драгоценности.

— Неужели?

— Полагаю, что это известно и принцу Петру.

— Тогда зачем...

— Думаю, и похититель знает, что я знаю, и что знает принц Петр.

— Погодите, Холмс, погодите. Он знает, что вы знаете, что знает... Нет, это слишком запутанно. Зачем вообще было звать вас, если всем все известно?

— Грязная работа, Ватсон. Грязная работа. Вы тоже можете протереть пол в приемной после визита больного, но держите для этого санитарку, не так и?

— Да, — я вздохнул. — Держал, когда практиковал. Но все же...

— Семья Ольдбургских может себе позволить пригласить экспертов из Англии. Это богатая семья, Ватсон, очень богатая.

— Кто же похититель?

— Завтра, Ватсон, все завтра. Вы ведь помните — самым деликатным образом. И переведите часы, или лучше дайте их мне. Вот, Ватсон, теперь вы окончательно в России.

Мы разошлись по спальням. Окна моей комнаты выходили на парк. Кроме луны, нигде не виднелось ни огонька. И тишина, полная, почти абсолютная тишина.

Безмятежный, убаюканный покоем, я заснул с мыслью, что более легкого дела я не знал за все годы знакомства с Холмсом.

Как может человек ошибаться!

Стук в дверь разбудил меня, стук и настойчивый зов:

— Ватсон, Ватсон, вставайте!

— Холмс, это вы? — я посмотрел на часы. Господи, даже здесь четверть шестого, а в Лондоне?

— Быстрее одевайтесь, Ватсон, я жду вас.

Если Холмс будит так рано, значит не без оснований. Я пренебрег бритьем, ограничусь умыванием. В холл я спустился через десять минут, но Холмс уже ушел — на столе лежала записка — «Идите к левому крылу замка». Видно, дело не терпело отлагательств. Странно. Я-то думал, что Холмсу осталось положить

руку на плечо похитителя и сказать «верните драгоценности», а это совсем не обязательно делать так рано.

Холмса я нашел сразу, Холмса и еще несколько человек — принца Петра, полковника Гаусгоффера и Константина.

— Доктор, взгляните. Может быть... — принц выглядел растерянным, смятым. Подойдя ближе, я понял причину волнения — за кустами в траве лежала мисс Лиза, воспитанница старого принца. Восковая бледность ее лица настораживала, а когда я попытался отыскать пульс, холод тела подтвердил — девушка мертва. Рука ее вывернулась под невыносимым углом, а, приподняв туловище, я понял окончательно — сломана шея.

— Она мертва, — сообщил я очевидное присутствующим.

Холмс кивнул.

— Ее нашел садовник. Он сообщил мажордому, тот — принцу Петру, а затем подошла и моя очередь. Какова, по-вашему, причина смерти, Ватсон?

— Возможно, падение с высоты, — я задрал голову вверх, и все остальные — тоже. Там, наверху, на высоте около пятидесяти футов, виделось открытое окно башни.

— Выпала оттуда, — предположил полковник.

— Ваше высочество, вы, я полагаю, должны сообщить о случившемся властям? — Холмс вопросительно посмотрел на принца.

— Да. Я телеграфирую в город.

Через четверть часа к замку подъехала телега, пара санитаров осторожно положили на нее тело бедной девушки. Пришел и доктор. К сожалению, он не знал английского, а Константин был настолько потрясен, что использовать его в качестве переводчика, да еще в столь специфическом деле, не представлялось возможным. Пришлось объясняться на дурном французском и скверной латыни.

Я опушу подробности — в работе врача хватает малопривлекательных моментов. Окончив обследование, мы передали тело санитарам обряжать в одежду, доставленную из замка. Пожелав успехов коллеге, я направился по пыльной дороге назад, к замку. Вернулась жара, тянуло гарью, опять, наверное, горел лес.

Холмс был в «Уютном», в холле, успев выкурить несколько, судя по плотности дыма, трубок. Вместе с Холмсом, напротив в кресле, сидел Константин.

— Располагайтесь, Ватсон. Сейчас нам пода-

дут бутерброды. Или желаете чего-нибудь поосновательнее?

— Нет, — я и бутербродов не хотел.

— Итак, Константин, вы виделись с мисс Лизой после ужина?

— Да, мистер Холмс. Недолго. Она... Она должна была помогать принцу Александру в приготовлениях к какому-то эксперименту.

— Ночью?

— Да... Что-то связанное с лунным затмением. У принца Александра разносторонние интересы, а к этому затмению он готовился особенно тщательно. Лиза говорила, что принц очень волнуется. И поэтому она должна немедленно идти в лабораторию.

— Лабораторию?

— В замке под нее отведено несколько комнат, в башне и в нижних этажах. Химические, оптические опыты, фотография...

— И мисс Лиза помогала ему?

— Иногда. Это было знаком особого доверия со стороны принца Александра.

— Спасибо, Константин.

Студент что-то пробормотал и, задев по дороге мебель, вышел.

— Ну, Ватсон, что скажете вы?

— Смерть девушки наступила после падения с высоты. Определяются переломы костей, вероятны разрывы органов.

— Вероятны?

— Мы не производили вскрытия. Это не принято здесь по религиозным мотивам. Я сужу по тому, что грудь и шея девушки имели значительные раны — она упала на куст, сучки, а крови, как вы сами видели, возле тела практически не было, следовательно, кровотечение было внутренним.

— Спасибо, Ватсон.

— Холмс. — я откусил-таки бутерброд, — а что говорит старый принц?

— Его не могут найти.

— Он исчез?

— Вы совершенно точно охарактеризовали ситуацию.

— Но почему вы сидите здесь?

— Ватсон, мы с вами находимся в России, стране со своими законами и обычаями. Я не могу действовать без ведома властей. Кража драгоценностей — частное дело. Смерть — нет. С минуты на минуту ожидают следователя из губернского города.

Я посмотрел на часы. Ого! С момента пробуждения минуло три часа.

Слуга на странном французском передал, что нас ждут в замке.

Ставшей привычной дорога мимо фонтана, гулкая прохлада замкового холла, паркет, массивные двери — все воспринималось мной ясно и резко, отпечатываясь в памяти высококлассным дагерротипом.

В кабинете нас ждали принц Петр и незнакомец — мужчина средних лет, с бородой и усами, в чесучевом свободном костюме.

— Мистер Холмс, доктор Ватсон — Свиридов Олег Юрьевич, следователь, — принц прибавил какой-то длинный чин.

— Весьма, весьма рад! — усердно начал трясти руку следователь. Похоже, все в России говорят по-английски. Совсем неплохо. Или семья Ольдбургских жалуется англоманов. — По какому же делу пожаловали в наши палестины, мистер Холмс?

— Мне поручено отыскать некую... пропажу.

— Пропажу? — следователь был невысок и, скорее, тщедушен, но голос, басовитый, глубокий, невольно заставлял относиться к его владельцу со всей серьезностью. — Ох, уж эти пропажи. Мой совет, если не побрезгуете — ищите среди прислуги. Девяносто шансов из ста. Девяносто девять.

— Я приму это к сведению.

— Осмотрим место происшествия, господа! — следователь энергично повел нас наружу. Ничего не оставалось, как идти за ним.

— Значит, здесь нашли тело. Вы, мистер Холмс, вероятно все тщательно осмотрели?

— Да, — и Холмс подробно рассказал об утренних событиях, а я — о результатах обследования тела.

— Падение с высоты, да... Бывает. Кто последним видел мисс Лизу?

— Вероятно, отец. — принц Петр выглядел наиболее уставшим из нас, хотя был тщательно выбрит, причесан и одет.

— Принц Александр? Тогда мне нужно переговорить с ним.

— Его... Его нет.

— Нет? Он что, куда-то уехал?

— Все лошади в конюшне, а на станции он не появился.

— У него в привычке вот так... Уходить?

— Нет. — с каждым «нет» принц все более мрачнел.

— Тогда, может быть, вам известно, чем именно собирались заняться ваш отец и мисс Лиза?

— Лиза ассистировала... помогала отцу в его опытах. Один из них отец собирался провести этой ночью — сфотографировать лунное затмение каким-то совершенно особым способом.

— И где проходил этот опыт?

— В лаборатории. Я покажу.

Мы вернулись в замок боковым, неглавным ходом, и поднялись в башню.

— Это верхняя лаборатория, — проговорил принц, открывая дверь.

К ЮБИЛЕЮ ЕВГЕНИИ СТЕРЛИГОВОЙ

Виталий Бугров. «Второе путешествие Филеаса Фогга»

Мы вошли. Следователь сразу направился к полураскрытому окну.

— Ага! — он выглянул, посмотрел вниз. — Понятненько. Из этого окна и выпала мисс Лиза, — он начал изучать подоконник.

Комната напоминала мастерскую оптика — зеркала, линзы, призмы.

— Любопытно, — Холмс обратил внимание на большую, футовую линзу, закрепленную на массивном штативе.

— Осторожно! Бога ради, не сдвиньте! Здесь очень чувствительный часовой механизм, — шагнул к Холмсу принц.

Холмс стал перед линзой, заглянул в нее.

— Луч из окна, пройдя сквозь линзу, попадет на призму, — он указал на призму, укрепленную в нише стены. — Судя по всему, дальше луч пойдет вниз. Видите?

Действительно, в нише под призмой начиналась небольшая, около квадратного фута, шахта.

— А это что?

Прямо под призмой еще на одном штативе было закреплено серебряное кольцо.

— Похоже, в кольцо вставлялась какая-то линзочка, нечто вроде окуляра.

— Вы думаете, эта оптическая, хм, система, имеет отношение к случившемуся? — русский следователь скептически посмотрел на Холмса. Вот, мол, за какие туры на колесах получают некоторые гонорары.

— Я просто пытаюсь понять, что происходило ночью. Каково ваше мнение?

Следователь встал на низкий, около полуярда от пола, подоконник.

— Я без труда достаю верхнюю задвижку, но мисс Лизе пришлось бы подняться на цыпочки.

— Зачем? Зачем ей подниматься на цыпочки? — меня задел отход Холмса на задний план.

— Чтобы закрыть окно. Думаю, когда принц Александр закончил фотографировать небесные светила, он ушел. А мисс Лиза привела в порядок свои записи или что она там вела, захотела закрыть окно. Потеряла равновесие и упала. Кто-нибудь слышал крик? Надо спрашивать людей.

Тут я вспомнил:

— В три часа ночи я просыпался. Что-то, не знаю точно, что, меня разбудило. Не исключено, что это был крик или шум падения.

— В три пятнадцать, Ватсон, — Холмс встал рядом со мной.

— Возможно. Я лишь мельком взглянул на часы.

— И вы слышали крик, мистер Холмс?

— Нет. Как и доктор Ватсон, я не могу сказать точно, что именно меня разбудило.

— Понятно. Значит, время нам известно, — следователь походил на ученика, успешно решившего у доски первое действие сложной задачи.

— Ваше высочество, — обратился к принцу Холмс, — вы упомянули, что это — верхняя лаборатория. Мне думается, стоит осмотреть и нижнюю. Ведь она есть, нижняя лаборатория?

— Да, — нехотя согласился принц. — Наверное, мы должны ее осмотреть. Отец категорически возражает против проникновения в нее посторонних, но в сложившейся ситуации... — он подошел к стене. — Причуда архитектора, — принц утопил декоративный выступ, и часть стены превратилась в невысокую узенькую дверь. — Прошу, господа. Осторожно, винтовая лестница.

Ступени круто уходили вниз, ход едва освещался откуда-то сверху. Становилось все темнее, все глуше.

— Сколько, Ватсон? — спросил Холмс, когда мы отновились на площадке в самом низу.

— Сто шестьдесят четыре ступени, — с давних пор у меня вошло в привычку измерять лестницы.

— Следовательно, мы в подземелье.

В сгустившемся мраке с шипением разгоралась спичка. Принц Петр взял с подставки трехсвечный канделябр.

— Сейчас, господа.

Подземелье меня не удивляло. Если человек, богатый человек, строил на исходе девятнадцатого века средневековый замок, значит, он романтик, и в замке обязательно будут и «норка священника», и подземелье, и потайные ходы, все, о чем мечталось в детстве.

Тяжелая дверь раскрылась бесшумно. Строили хорошо, воздух свеж и сух.

Мы оказались в зале; высокий, футов пятнадцать свод поддерживался колоннами, толстыми и грубыми.

— Нижняя лаборатория, господа, — принц зажег еще несколько свечей, расставленных в пристенных подсвечниках, и они отразились многократно: большую часть стен зала занимали огромные зеркала, создавая иллюзию бесконечного пространства. Зал оказался не столь уж велик: пятиугольной формы (еще одна причуда архитектора?) он в поперечнике составлял не более двадцати футов. И он был пуст, лишь в центре стояло возвышение, постамент, формой повторяющий зал.

— Поверхность серебряная, — Холмс нахло-

нился к постаменту. Я присмотрелся. Действительно, серебро. А в центре возвышения виднелась небольшая, около дюйма, выемка.

— Похоже, и сюда вставлялась маленькая линзочка. Или что-то еще.

— Какое это имеет значение? — следователь, дюжинами повторенный в зеркалах, не мог скрыть раздражения.

— Может быть, никакого.

— Темна вода во облацех, — пробурчал следователь.

— Отец разрабатывает способ многомерной фотографии и не хочет преждевременной огласки.

— Скажите, здесь есть другой выход, прямо наружу? — следователь загорелся новой идеей.

— Да, — после некоторой заминки ответил принц. — Им почти не пользуются.

— Все-таки позвольте его осмотреть.

— Пожалуйста, — согласился не без досады принц. Лаборатория выглядела как плод прихоти чудака, сумасброда, и демонстрировать ее посторонним вряд ли нравилось его высочеству.

Рядом с одним из зеркал оказалась еще одна дверь.

Принц толкнул ее.

— Не заперта. Странно.

— Позвольте! — следователь взял канделябр из рук принца и, наклонясь, шагнул в темный проем.

Ход оказался низким, приходилось пригибаться. Он заканчивался другой дверью, тоже массивной, прочной, и тоже не запертой. Дверь открывалась в каменное пустое помещение.

Холмс со следователем поджидали нас.

— Полагаю, и эта дверь обыкновенно бывает заперта? — спросил следователь.

— Да. Это амбар — снаружи. Мы его обычно держим пустым.

Следователь пошел к выходу из амбара.

— Третья дверь, и опять только прикрыта, — он распахнул ее, и солнечный свет загасил свечи.

— Смотрите, мистер Холмс! Это, несомненно, следы! — следователь не скрывал торжества.

Я заглянул через плечо Холмса. Перед нами была река. Амбар располагался на высоком склоне, к воде вел каменный спуск, но между спуском и дверью оставалось несколько ярдов земли, поросшей сорной травой.

— Поломанные стебли указывают на то, что здесь кто-то проходил.

На спуске след потерялся, зато у реки, на песке...

— Какие четкие следы! Прямо со страниц учебника!

На песке виднелись две бороздки. Неглубокие, они тянулись параллельно друг другу.

— Здесь явно волокли тело. По характеру следов ясно, что направление движения — к реке.

— Смелое предположение! — холодно сказал Холмс.

— Это очевидно, мистер Холмс. Некто дотащил тело до данного места, затем достал лодку, подогнал сюда, погрузил в нее тело, отплыл, вероятно, ниже по течению и утопил тело в каком-нибудь омуте.

— Чье тело вы имеете в виду? — так же холодно спросил Холмс.

Следователь замялся.

— Учитывая, что следы ведут от лаборатории, а принца Александра никто не видел со вчерашнего вечера, можно сделать определенные выводы. Впрочем, давайте пройдем к причалу.

Ярдах в ста выше по течению на воде качалось несколько лодок; крестьяне возились вокруг одной, вытасченной на сушу, верно, конопатили.

Мы подошли. Мужики, оторвавшись от дела, поклонились, ломая картузы. Следователь о чем-то спросил. Один из мужиков, бородатый старик, степенно ответил.

— Он говорит, что действительно пропала лодка, Фрола Щеглеватых. Сроду не бывало такого. Разые из озорства?

— А весла? Уключины? — Холмсу, похоже, не нравилась версия следователя.

— В шалаше, рядышком, был шест. Без присмотра. Фрол — мужик легкомысленный. Да и не думал, что на его лодку кто позарится. Дрянь лодчонка, если честно. Если по глупости угнали, из озорства, то найдется. Куда ей деться.

Следователь кончил переводить, поговорил с мужиками еще, затем повернулся к нам.

— Я распорядился, чтобы они прошли вниз по реке. Может быть и отыщут лодку. Тело-то вряд ли, если притопили, придется прочесать реку баграми, — и, спохватясь, добавил:

— А ваше мнение, мистер Холмс?

— Я восхищен вашей энергией, — сухо ответил мой друг.

Мы вернулись к амбару.

— Ищите женщину, говорят французы. Были у нее друг сердца?

— Она находилась в определенных отношениях с Константином Фадеевым, моим крестником, — принц Петр явно устал. Мы все устали

— за исключением следователя. А тот бодро продолжил:

— Когда его видели в последний раз?

— Утром. Утром у тела, потом он пошел к себе. Константин тяжело переживает случившееся, — принц, которому было лет сорок, выглядел старше своего отца.

— Я должен видеть его.

— Господа... Господа, вы проводите?.. Мне нужно побыть одному.

— Разумеется, — кивнул Холмс.

Принц остался у входа в подземелье, мы же, не сговариваясь, предпочли идти верхом. Тропа привела нас к широкой гранитной лестнице, поднимавшейся прямо к замку, водяной каскад освещал путь, но я заливался потом. Да и следователь непрерывно утирался огромным клетчатый платком. Один Холмс бесстрастно поднимался вверх.

— Константин живет в «свитских номерах», — на середине подъема мы остановились перевести дух. — Я разговаривал с ним незадолго до вашего приезда. Он утверждает, что виделся с мисс Лизой вечером, коротко, всего несколько минут. И все.

— Ну, мистер Холмс, люди иногда говорят правду, иногда — лгут, — сказал следователь, когда к нему вернулся голос. — Он один живет? Я имею в виду, кто-нибудь может подтвердить, что он ночью не покидал своей комнаты?

— Там же живет полковник Гаусгоффер.

Из вежливости следователь не торопил нас, но видно было его нетерпение. Он походил на фокс-терьера у норы, охваченного ожиданием предстоящей схватки.

Мы одолели оставшиеся ступени, — признаться, на сей раз я пренебрег счетом, — и, обогнув замок, подошли к «номерам».

У входа нас нагнал полковник.

— Знакомьтесь, — я представил его следователю.

— О принце Александре нет известий? — следователь стремительно вцепился в Гаусгоффера.

— Нет, и это тревожит.

— Вы ночью... не слышали ничего необычного?

— Нет. Я сплю крепко.

— А Константин Фадеев? Он всю ночь провел в доме?

— Вероятно. Пришел он минут двадцать после меня. Мы выпили по бокалу вина в гостиной и разошлись.

— Вы слышали, он лег спать?

— Помилуйте, каким образом? Даже если

Константин печатал на машинке, стоило ему плотно закрыть дверь, как треск проклятого механизма пропадал напрочь. Это отлично построенный дом, превосходно!

— Печатал на машинке?

— Ну да. Он признался, что пробует себя в литературе, да еще студенческая работа — рефераты...

— Замечательно, — нетерпение следователя гнало его дальше. — Вы не покажете комнату господина Фадеева?

По лестнице, покрытой ковровой дорожкой, — не такой роскошной, как в «Уютном», — мы поднялись на второй этаж. Следователь постучал — громче, громче и громче.

— Не отвечает.

— Дверь не заперта, — Холмс потянул ее на себя.

Можете назвать это предчувствием, можете — дедуктивным выводом, но то, что я увидел, меня не удивило. Похоже, каждый был к этому готов, кроме, может быть, полковника.

Пока я поддерживал тело за ноги, следователь поставил опрокинутый стул, влез на него и ножом перерезал веревку у крюка люстры.

Я ослабил петлю и освободил шею.

Тело было еще теплым, но это уже было именно тело, а не Константин.

— Доктор, можно что-нибудь сделать? — без надежды спросил следователь.

Я покачал головой.

— Он мертв не менее получаса. Скажем так: от двадцати минут до получаса.

— Самоубийство?

— Борозда удавления показывает, что он был жив, когда затягивалась петля. Но... — я колебался.

— Что, Ватсон? — глаза Холмса блеснули, старая ищейка чуюла след.

Я потрогал голову Константина.

— Определенно, имел место ушиб. Он ударился, или его ударили, довольно осовательно. Череп не проломили, но оглушить могли.

— Ага, ага... — следователь отчаянно тер подбородок, — ага... — он прошелся по комнате и остановился у стола. — Ну конечно. Это все решают. Вот оно, признание студента.

— Признание? — полковник Гаусгоффер опираясь от неожиданности.

Мы подошли к следователю. На письменном столе стояли рядышком два «ремингтона». Один — с обычным шрифтом, другой, похоже, с кириллицей. Рядом с пишущими машинками лежали листы бумаги.

— «Мистер Холмс, — напечатано было на одном, — я совершил непоправимое. Узнав о связи принца Александра и Лизы, я убил обоих. Сейчас, когда гнев оставил меня, я понял безумие поступка. Жить с этим невозможно. Прощайте».

— Какой ужас! — полковник, военный человек, был потрясен.

— Все указывало на это, — следователь обращался прежде всего к Холмсу. — Молодой человек, студент, возвращается после длительной отлучки и узнает, что девушка ему неверна — так это или нет — неважно. В припадке гнева он убивает ее, выбрасывает из окна башни — дело происходит ночью во время опытов принца. Затем безумный ревнивец опускается в нижнюю лабораторию, и та же участь постигает принца Александра. В борьбе с ним убийца получает удар по голове. Потайным ходом он выносит тело и топит в реке, украв для этого лодку. Состояние аффекта проходит, утром он видит убитую им девушку, страх и раскаяние охватывают его, и студент вешается. Вы согласны с такой версией, мистер Холмс?

— Звучит убедительно, — смиренно согласился Холмс.

Следователь полистал другие бумаги на столе.

— Литературные опусы. О! Мистер Холмс, доктор Ватсон, он писал о вас, — с этими словами следователь поднял один из листков. Что-то скатилось с него и со стуком упало на паркет.

— Недурно, — следователь поднял предмет. — Такой бриллиант у студента? Скорее, это... — он замолк, но сдержаться не смог, — скорее, это подарок принца девушке. Залог, знаете ли, чувств. Надо будет спросить Петра Александровича, не знаком ли ему сей перстень.

Мы с Холмсом переглянулись. Пропажа драгоценностей!

— Мне предстоит тяжелая обязанность — уведомить о случившемся семью принца. Мистер Холмс, вы не составите мне компанию?

— Заслуга в столь быстром и энергичном расследовании целиком принадлежит вам, — поклонился Холмс. — Я лучше воздержусь.

— Я пойду с вами, — вызвался полковник.

Из окна мы видели, как они шли к замку.

— Быстро, Ватсон, быстро! Зарядите в машинку чистый лист!

— Зачем, Холмс?

— Быстрее!

Я повиновался.

— Печатайте, — он продиктовал текст, несколько строк. — А теперь дайте сюда! — он сложил лист вчетверо и спрятал в карман. — Возьмемся к себе.

В недоумении я шел за Холмсом.

— Задайте себе вопрос, Ватсон, почему письмо написано не от руки, а на «ремингтоне», по-английски, а не на родном Константинову языке?

— Потому, что адресовано вам.

— Именно, Ватсон, именно! Адресовано мне! Вы уловили суть!

Трапезничали мы в «Уютном» — произошедшие события отменили общий обед. Холмс, не переставая, курил, а я отдыхал в удобном кресле, положив ноги на скамеечку.

Следователь заскочил поделиться новостями. Покрусоваться.

— Видите, мистер Холмс, и мы в наших палестинах не лаптем щи хлебаем. Кое-что умеем. Но какой удар семье! Полковник Гаусгоффер готовится уезжать. Семье требуется покой.

— Он уезжает? Когда?

— Прямо сейчас. Уже переносят в коляску багаж.

Холмс достал из кармана лист бумаги.

— Это я нашел под дверью своей комнаты. Послание Константина.

Следователь развернул лист и начал читать вслух:

«Мистер Холмс! Пытаясь отвести от себя подозрения и запутать следствие, я спрятал драгоценности среди вещей полковника Гаусгоффера. Сейчас, когда я решил, что не стоит жить после содеянного, мне бы не хотелось бросать тень на честного человека. Константин».

Он перечитал второй раз, молча, затем обратился к Холмсу:

— И вы только сейчас показываете мне это письмо?

— Я поднялся в свою комнату буквально десять минут назад. Нашел письмо. Решил подумать.

— Нужно спешить, — следователь решил не сердиться. Англичане — что с них возьмешь!

Опять мы шли к «свитским номерам». У порога кучер хлопотал у экипажа.

В дверях с чемоданом показался слуга. Следователь что-то ему сказал, и тот остановился, поставил чемодан на крыльцо.

— Вы ко мне? — окликнул сверху полковник.

— На минуту.

Мы поднялись.

— Открылись новые обстоятельства, — следователь подал полковнику письмо. — Прочтите.

Полковник, сдерживая нетерпение спешащего человека, начал читать, держа лист в вытянутой — дальноркость! — руке.

— Чуть! В моих вещах ничего нет!

— Видите ли, полковник. — мягко, сочувственно проговорил Холмс, — камушки настолько маленькие, что их легко не заметить.

— Но я все уложил лично и очень тщательно.

— Тем не менее, бедняга сознался, что подбросил драгоценности вам. Зачем ему лгать перед смертью?

— Неслыханно!

— Совершенно с вами согласен, — следователь осмотрел комнату. — Один чемодан внизу, и два здесь. Это все?

— Все.

— Придется осмотреть.

— Позвольте несессер, — Холмс снял несессер со стола, раскрыл его, начал выкладывать флакончики и коробочки. Одну, квадратную, серебряную, он предпочел другим.

— Что в ней?

— Порошок для чистки зубов. Осторожно, не рассыпьте, он очень маркий.

— Постараюсь, — Холмс поднял крышечку. — В самом деле, маркий, — он запустил в порошок пальцы и через мгновение извлек нечто вроде карамельки. — Вот один! — он обтер карамельку платком, и мы увидели, что это красный прозрачный камень. Рубин.

— А вот и второй!

— Замечательно, — следователь даже прищелкнул языком. — Как вы догадались, что именно сюда студент спрятал драгоценности?

— Психология преступника. Будь у меня талант доктора Ватсона, я бы написал совершенно новый учебник криминалистики.

— А, дедуктивный метод!

— Не только. Побудительные мотивы преступника, страх разоблачения, чувство загнанности, или наоборот, неуязвимости... Видите, полковник, мы вас задержали ненадолго, — Холмс вернул ему несессер.

— Благодарю. — поклонился Холмсу полковник, поклонился строго и чопорно. — Я едва не увез краденую вещь. Теперь я ваш должник.

— Поскольку заявления о пропаже драгоценностей не было, они не будут фигурировать в деле. Это самое малое, что можно сделать для семьи. Потому — никаких протоколов! — следователь затем прокричал что-то вниз, и слуга вернулся за чемоданами.

Через несколько минут экипаж выехал за ворота, увозя полковника Гаусгоффера и его багаж. Но без рубинов.

Расставшись со следователем, — «мне теперь над рапортом вечер коротать. Не люблю, страсть», — мы с Холмсом наведались в замок.

— Я доложу его высочеству, — лакей оставил нас в холле, прохладном даже в этот душный вечер.

— Его высочество ждет вас в кабинете.

Ждет — сказано слишком сильно. Принц едва шевельнулся в кресле.

— Узнали что-нибудь?

Холмс пересек комнату и положил на стол камни.

— Это они?

— Где? Где они были? — никогда не думал, что пара рубинов может так взволновать.

— В несессере полковника Гаусгоффера. В серебряной коробочке с зубным порошком. Полковник уехал.

Принц кивнул, словно ожидал услышать нечто подобное.

— Пусть так. Пусть так, — принц осторожно, нежно поместил камни в маленькую полированную шкатулку; глаза его блестели блеском игрока, принц суетился, потирал руки, ходил по комнате из угла в угол. Наконец, он остановился перед нами.

— Мистер Холмс, вы блестяще подтвердили репутацию лучшего частного сыщика. Здесь, в чужой вам стране, вы вернули пропажу спустя двадцать четыре часа после того, как взялись за дело, и это несмотря на события, которые так внезапно вторглись в нашу жизнь. Безусловно, вы заслужили дополнительное вознаграждение. Предпочитаете наличные?

— Удобнее через Лондонский банк.

— Как вам будет угодно. Я телеграфирую своему поверенному. Вы когда отправляетесь?

— Ваше высочество не желает, чтобы мы...

— Занялись сегодняшними событиями? О, нет! Такие дела в России находятся в ведении государственных служб. У нас с этим строго. Закон!

— Тогда завтра мы покинем замок.

— Что ж, надеюсь, мы увидимся утром. Увы, обстоятельства сделали меня не самым гостеприимным хозяином.

Нам оставалось откланяться.

Ни я, ни Холмс, не сказали ни слова до тех пор, пока не оказались в холле «Уютного». Более того, Холмс успел выкурить трубку, а я выпить чашку чая (слуга принес шумящий самовар и блюдо разных сладостей), прежде чем молчание было нарушено.

— Итак, Ватсон, нас рассчитали.

— Можно подумать, вы мечтали стать замковым детективом и поселиться здесь навечно, — признаться, я был немного задет невниманием принца. — Тайны раскрыты, порок наказан, добродетель торжествует, чего же более?

— Нет, Ватсон, нет! Раскрыт самый поверхностный, очевидный слой дела! Господи, судить о запутаннейших событиях лишь на основании отпечатка ботинка или по сломанной ветке — само по себе преступление.

— Какой ветке?

— Это я так, к примеру.

— А ваш знаменитый метод? «Капли грязи на плаще сидятелствуют, что вы полковник Кольриджа»»

— Не утрируйте, Ватсон. Метод помогает голове, дает ей факты, иначе оставленные бы незамеченными, но он не заменяет дальнейшую работу этой самой головы. Кто-то находит пуговицу в траве, и считает, что он работает, как Шерлок Холмс, а если пуговиц две, то он превосходит Шерлока Холмса! Скакать по очевидным, бросающимся в глаза уликам и не дать себе труда заглянуть в суть явлений — нет ничего более далекого от моего метода, Ватсон.

— Но Холмс, этот русский следователь нашел убийцу и обнаружил мотив. Преступление раскрыто по всем статьям.

Холмс не ответил.

— Ну, полноте, друг мой. Случившееся никак не умаляет вашей славы. Молодой щенок поднял кость лишь потому, что она была ближе к нему, да еще на виду. Помните дело о баскервильской собаке? Так вот, представьте, что, приехав в Баскервиль-Холл, вы узнаете, что чудовище подстрелил какой-нибудь местный охотник.

Холмс, наконец, рассмеялся.

— Право, в этом что-то есть. Скажите, Ватсон, а почему вообще вам пришел на ум случай с баскервильской собакой?

— Ну... подсознательные ассоциации. Нынешний случай чем-то схож с тогдашним: замок, старый вельможа, молодой вельможа, удаленность от города. Согласитесь, сходство немалое, словно зеркальное отражение.

— Вы совершенно правы, — серьезно, даже торжественно произнес Холмс. — В который раз я убеждаюсь в пронизательности ваших суждений. Вы спать хотите? — неожиданно спросил он.

— Я все время хочу спать. С самого утра. Но вот так, чтобы лечь в постель — нет. В Лондоне сейчас пьют пятичасовой чай.

— А мы будем вечерять.

Я знал — бесполезно спрашивать Холмса о чем-либо. Он не любил незавершенности, торопливой, дешевой работы. Преждевременный вывод может подмять под себя новые факты, порой дающие делу иной поворот. Нет, Холмс

ждал последнего факта, каким бы незначительным он не казался, и только тогда, трижды, четырежды проверив цепь умозаключений, он ошеломлял блестящим, феерическим финалом.

Сейчас он выжидал. И ему, возможно, понадобится моя помощь.

Поэтому я заказал слуге побольше крепкого кофе и приготовился бодрствовать.

— Который час, Ватсон? — вопрос выдавал его напряжение. Часы, большие напольные часы стояли позади него, стоило лишь обернуться, но он предпочел — подсознательно, разумеется, — переложить ответственность за время на меня.

— Четверть одиннадцатого.

— Рано, Ватсон. Как рано.

На наше счастье, в холле нашелся шахматный столик и фигуры.

Сегодня ни я, ни Холмс не вкладывали страсти в игру. К полуночи мы только-только сделали по дюжине ходов.

Пробило полночь, давно ушел отосланный слуга; *samovar* остыл; уснули, кажется, обязательные шорохи деревенского дома; редкий стук передвигаемых фигур являл гармоничную принадлежность наступившей ночи.

Выпитый кофе заставлял сердце мое стучать быстрее обыкновенного. Холмс то и дело отирал бисеринки пота с висков. Раскрытые окна плохо спасали от духоты, а ночные мотыльки, если и залетали в комнату, то лишь затем, чтобы броситься под потолок и, распластав крылышки, притвориться листочком. Пламя наших свечей их не влекло.

Пока Холмс раздумывал над ходом, я, кажется, задремал, поскольку слышал и вой баскервильского чудовища, и тяжелый запах трясины, и рыдания миссис Степлтон, и мои утешения, жалкие и нелепые.

— Ватсон, Ватсон, проснитесь! — Холмс тряс меня за плечо.

Я взглянул на часы — половина третьего, и, наверное, покраснел.

— Сам не знаю, как заснул.

— Ничего, Ватсон, зато отдохнули.

Случайно я поднял глаза. Комната была драпирована живой тканью. Сотни, тысячи мотыльков усыпали потолок и верхнюю часть стен.

— Любопытно, не правда ли? Я нарочно не закрывал окно. — ни следа сонливости не было на бодром лице Холмса. — А теперь, Ватсон, готовы ли вы сопровождать меня?

Мы осторожно, стараясь не шуметь, покинули «Уютное». На фоне белесого от луны неба замок высился черной громадой.

Холмс подвел меня к малозаметной дверке.

— Ход для услуги — горничных, водопроводчиков, частных сыщиков. Запирается на замок, но не на засов. — Холмс несколько минут колдовал отмычками. — Заходите. Я взял свечи, но постараемся обойтись без них, — он вел меня по темным переходам. Спортивная обувь, в которой мы были, и ковры делали наше продвижение бесшумным, призрачным.

— Осторожно, ступени.

Мы поднимались.

— Узнаете, Ватсон?

Я шагнул за Холмсом и огляделся. Без сомнения, мы находились в верхней лаборатории принца Александра.

Окно, то самое, было раскрыто настежь. Я выглянул. Ночь оставалась по прежнему светлой, но у горизонта, куда ни глянь, скапливалась тьма, плотная, вязкая, и тьму на мгновение пронзали багровые зарницы.

— Гроза идет, — сказал я Холмсу, и, подтверждая правоту моих слов, низкий раскат грома донесся, нет, скорее, докатился до нас, коротко дрогнули оконные стекла, словно дынул огромный зверь, обдав волной тяжкого воздуха.

— Обратите внимание на оптическую систему, — привлек мое внимание Холмс.

Лунный свет из окна собирался линзой в пучок и, преломленный призмой, падал на светящийся камень в серебряном зажиме.

— Вот он, рубин! Концентратор!

Луч, тонкий и яркий, уходил от камня в нишу стены и исчезал в шахте.

— Идемте вниз.

Дверь в нижнюю лабораторию оказалась открытой.

— Часовой механизм компенсирует движение луны, но все равно это рискованно, — Холмс почти бежал по крутым железным ступеням; я, как мог, поспевал за ним.

Нижняя лаборатория была освещена, но настолько слабо, что я едва видел силуэт моего друга.

— Осторожно, господа! — резкий голос молодого принца заставил меня вздрогнуть. — Не подходите к зеркалам!

Я, наконец, разглядел его. Принц стоял рядом, всего в трех шагах от входа.

— Вижу, мистер Холмс, что вы стремитесь расставить точки над *i*. Что ж, смотрите.

Луч из верхней лаборатории пронзал воздух нисколько не рассеиваясь, не расходясь, — и упирался во второй рубин в центре пятиугольного пьедестала. Где и исчезал. Зеркала светли-

лись едва заметно, пепельным светом темной стороны луны, зато над постаментом роился туман, светящийся, малиновый, искры костра, разожженного неведомо где.

Прошло несколько минут. Туманное свечение начало нарастать, усиливаться, словно ветер раздувал тот самый костер. Теперь это было клубящееся, меняющее форму облачко. На миг оно вспыхнуло по настоящему ярко.

— О, Господи, — принц отшатнулся, но свет начал меркнуть, быстро и неудержимо. До нас опять донесся раскат грома, по странной особенности архитектуры мы его не столько слышали, сколько чувствовали, ощущали физически, почти осязаемо; и вместе с этим раскатом исчез огненный шнур, соединяющий рубины.

— Но луна еще не зашла! — принц робко, как к старшему, обратился к Холмсу.

— Вероятно, существуют и другие необходимые факторы.

Холмс зажег свечу. Зал обрел знакомый прежний вид. Никакого тумана, ничего.

— Поднимемся, — предложил Холмс.

Принц обвел взглядом зал, ища что-то, но без уверенности, без надежды.

— Поднимемся, — повторил Холмс.

Свет луны действительно по прежнему падал на линзу, мезанизм работал исправно, но этот свет больше не оживлял рубин, не порождал огненный шнур.

Зато снаружи башни огня было предостаточно. Горели крестьянские жилища, на глазах пожар расплозлся шире и шире, стремясь охватить замок в кольцо. Слышались крики — людей, и, еще более страшные, животных.

Забил колокол.

— Замку ничего не грозит, но завод в опасности, — прокричал принц.

Дальнейшие события ночи смешались и спутались в моей памяти. Мы с Холмсом ничем не могли быть полезными — два пожилых человека. Пожарные насосы не пустили огонь к замку, но завод, конфетная фабрика, крестьянские постройки выгорели дотла, выгорели быстро, жарко. Гроза оказалась сухой, дождь и не думал начаться.

С тяжелым чувством покидали мы замок. Дым и зола кружили в воздухе, проникая в одежду, волосы, казалось, в саму нашу плоть. В купе пульмановского вагона я извел не один флакон ароматической воды, пока Холмс не посоветовал:

— Запах, Ватсон, преследует вас изнутри.

— Изнутри? — поезд мчался по Франции, и тысячи миль отделяли нас от замка, где, возможно, еще тлели угли.

— Да, Ватсон. И все духи мира не помогут, пока вы не изгоните его из головы прочь.

Я удивленно посмотрел на друга.

— Холмс, похоже, вы хорошо знакомы с психоанализом?

— Дорогой Ватсон, я давно уже не тот самоуверенный и самовлюбленный тип, с которым вы встретились Бог знает сколько лет назад. У меня было время, много времени после гибели профессора Мориарти, и в своем добровольном изгнании я его потратил не зря. С тех пор следить за достижениями человеческого разума стало моей обязанностью — ведь и преступный мир все более широко пользуется плодами науки, — некая высокопарность, торжественность тона Холмса свидетельствовала, что дело подошло к концу. Следует финал.

— Итак, Ватсон, раскройте свой блокнот. Задача, поставленная принцем, из тех, что принято считать щекотливыми. Пропали некие фамильные драгоценности и требуется их вернуть. Доступ к сейфу, обратите внимание, Ватсон, к сейфу с шифрованным замком, кроме принца Петра имеет только один человек — его отец. То, что он и есть искомый похититель — очевидно. Сыну неудобно уличать отца в воровстве, и он достаточно состоятелен, чтобы призвать на помощь эксперта, то есть меня. Сын знает, что вор — отец, отец знает, что это знает сын. И для обоих очевидна моя роль: вернуть камни, не разоблачая виновного. Такие случаи уже встречались в нашей практике, Ватсон.

— Но зачем отцу красть драгоценности?

— Полагаю, не для того, чтобы дарить мисс Лизе. Камни, особенно рубины, играли роль в некоем эксперименте, который проводил принц Александр, и ему не хотелось, чтобы этот эксперимент проводили другие, — вспомните разговор во время ужина. А камни — не его, кстати, камни, — требовались не кому-нибудь, а самой императрице! Мне ничего не оставалось, как дожидаться утра, когда принц Александр, закончив опыт, вернул бы камни.

Не так думал убийца. Ночью он проникает в лабораторию. Наверху ход эксперимента контролирует мисс Лиза — часовой механизм нужно страховать, вероятно, были и другие обязанности. Убийца безжалостно выбрасывает бедную девушку из окна и вмешивается в работу оптической системы. Извлекает первый рубин. Затем спускается в нижнюю лабораторию и довершает дело.

— Убивает принца Александра?

— Ватсон, вы совершенно точно подметили, что этот случай — зеркальное отражение дела

в Баскервиль-Холле. Помните? Там убийства маскировались вмешательством неких потусторонних сил, inferнального монстра. Здесь же — поверьте, друг мой, мне нелегко было прийти к подобному заключению, — здесь же убийства совершались во имя того, чтобы отвлечь нас от проявления сил потустороннего мира.

— Холмс!

— Ватсон, если вас смущает слово «потустороннего» — я буду говорить «параллельного». Мы находим трупы — Лизы, Константина, само собой подразумевается, что и принц Александр тоже мертв, убит. Все развивалось настолько стремительно, что никому и в голову не приходит узнать достоверно, чем же действительно занимался в ту ночь принц-отец.

— Фотографированием затмения?

— Может быть, он начинал именно с этого. Знаете, Ватсон, когда я путешествовал по Тибету, тамошние жители не хотели фотографироваться: по их понятиям, при этом терялась часть души. Но! Не успевают остыть трупы, как мы узнаем разгадку. Я имею в виду письмо-признание Константина.

— Вот видите, Холмс.

— К счастью, Ватсон, я не считаю признание подозреваемого высшим доказательством. Да и было ли признание? Вы в который раз сделали удивительный по верности вывод: письмо написано — напечатано! — по-английски потому, что адресовано мне. Или, как предположил, продолжая вашу мысль, я, письмо адресовано мне потому, что напечатано по-английски. Человек, писавший его, не владел русским, во всяком случае, не владел, как родным.

— Но Константин...

— Константин был убит. Убит человеком, знакомым ему человеком, которого он не опасался. Убийца сначала оглушил его, а затем повесил.

— Но с какой целью?

— Поскорее закрыть дело, предлагая нам виновника, признание и мотив.

— Кто же убийца?

— Это человек, знакомый и Лизе и Константину, желающий завладеть камнями и не русский по национальности. Кроме себя и вас, Ватсон, — уж позвольте исключить нас из списка подозреваемых — остается один человек.

— Полковник Гаусгоффер!

— Совершенно верно. Тут мы с вами, Ватсон, используем его же трюк — мнимое признание Константина. Только на этот раз — о камнях. Если считать правдивым первое признание, то правдиво и второе. И мы находим рубины в багаже полковника.

— Но почему вы отпустили его? Не арестовали, не передали суду?

— Ватсон, я всего лишь частный сыщик. Иностраный эксперт. Система моих доказательств не убедит присяжных, не убедит следственные органы. Более того, она с трудом убеждает меня самого.

— Но почему?

— Эксперимент, Ватсон, эксперимент принца Александра! Он — главное звено в дедуктивной цепи. Мы никогда не сможем оставить эксперимент в стороне. Принц говорил о «ключиках к двери». Ключики — рубины. Дверь — сложная оптическая система. Но куда, куда ведет эта дверь? Я думаю, в пресловутый параллельный мир. И когда принц Александр открыл эту дверь и шагнул за порог, полковник Гаусгоффер захлопнул ее и вытащил ключ из замочной скважины.

— Но мы видели следы! У реки! Волокли тело!

— Прекрасные следы. Как из учебника — помните замечание русского следователя? Полковник Гаусгоффер умело сотворил их, хотя и слишком педантично. Он же угнал лодку, чтобы объяснить отсутствие тела.

— А на самом деле...

— А на самом деле принц Александр остался там, в параллельном мире. И вы это знаете не хуже меня, просто не хотите — или не можете — признаться в этом.

Я ничего не ответил.

— Помните, на следующую ночь сын повторил опыт отца. Накануне было истинное полнолуние, Ватсон, истинное — то есть лунное затмение. Луна, Земля и Солнце выстраиваются строго на прямой, и, помимо света, вероятно, играют роль силы тяготения. На следующую ночь взаиморасположение планет изменилось, и опыт удался лишь частично. Вы видели, Ватсон... А что вы видели?

— Мне... Я до сих пор думаю, что это была иллюзия, кошмарное видение усталого мозга.

— Говорите, Ватсон.

— Ну... В том клубящемся малиновом тумане мне привиделся принц Александр и... Я даже не знаю...

Казалось, его опутывают лианы... или гигантские гусеницы... щупальца...

— Я видел то же самое, Ватсон, и, уверен, принц Петр — также. Вы знаете мой метод: если все объяснения, кроме одного, исключаются, оставшееся, каким бы невероятным оно не казалось, и есть истина. Принц Александр нашел дверь в параллельные мир, прошел в нее и остался там. Кажется, это не слишком уютное место. Но сейчас меня тревожит другое.

— Другое? — Холмс высказывал то, в чем я боялся признаться самому себе.

— Боюсь, что нечто из того мира проникло в наш. Дай Бог, чтобы пожар, испепеливший селение, был следствием обычной молнии, и дай Бог, чтобы за селением не занялось еще что-нибудь.

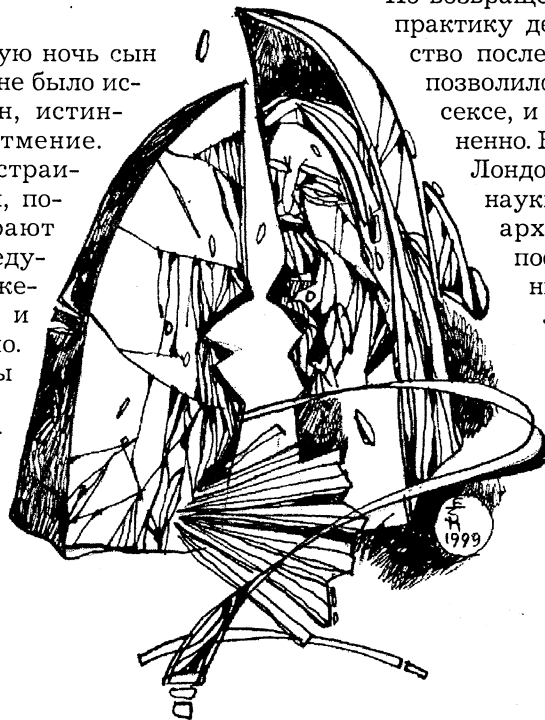
— Вы считаете?..

— Не знаю, Ватсон. Не знаю.

Я перебирал листки.

— А бриллиант? Зачем принцу понадобилось похищать бриллиантовое кольцо?

— Тут остается только гадать. Возможно, бриллианту отводилась своя роль в оптической системе. Или принц это сделал для того, чтобы придать краже вид банального воровства. Или он действительно нуждался в деньгах, личных деньгах? Для загадок простора достаточно.

По возвращении в Лондон Холмс оставил практику детектива. Небольшое наследство после смерти бедного Майкрофта позволило ему купить усадьбу в Сассексе, и он живет там довольно уединенно. Впрочем, изредка он навещает Лондон, где встречается с людьми науки — этнографами, физиками, археологами; несколько раз он посещал сеансы самых известных медиумов. Война помешала ему организовать экспедицию в Египет, но терпения Холмсу не занимать.

Я отошел от детективной темы, пишу романы — авантурные, бытовые, фантастические, — и жду, когда Холмс позовет меня закончить дело, начавшееся летом тринадцатого года, летом сухих гроз.

Дорожный саквояж всегда наготове.

АЭЛИТА-99

Сергей ОРЕХОВ

г. Барнаул

ЧЕЛОВЕК ПОСЛЕДНЕГО КРУГА

Рисунок Юлии МЕНЬШИКОВОЙ

*И тяжел, и далек путь за три горных края Ба
По опасным тропам, где идти десять тысяч ли.
Средь неравных вершин на проталине снежной в ночи
С одинокой свечой из иной страны человек.*

Мэн Хао-жань (689 — 740)

«МОИ ЧУВСТВА В ПОСЛЕДНЮЮ НОЧЬ ГОДА»

- Как я умру?
- Через повешенье.
- А кто меня?..
- Люди в военной форме...

В ту ночь ОНИ больше не отвечали, видимо, посчитали порцию выданной информации достаточной. В последующем ОНИ еще не раз появлялись, окликаая по имени, вели разговоры, отвечали на вопросы, давали советы. Но именно этот разговор я вспоминаю чаще других. Где же ОНИ теперь? С месяц, наверное, не появляются. Попытаться еще раз самому поискать? Надо сосредоточиться, представить себя выскальзывающим из собственного тела, пробиться сквозь упругую темноту барьеров в пространство, попытаться найти ИХ — два слепающих белых огня в космической пустоте, или мысленный луч, ведущий к НИМ, даже мысленного эха будет достаточно... Космос!.. Непостижимо бездонный космос!..

Звезды, звезды, звезды — далекие колючие огненные точки. Блуждаю в пустоте один. Можно возвращаться и открывать глаза.

Облупившиеся серо-зеленые стены одиночной камеры; под низким, давно не беленым потолком тускло светит не выключаемая ни днем ни ночью зарешеченная лампочка, нестерпимо воняет прогнувшийся поролоновый матрац, из угла несет парашей — невозможно привыкнуть к тюремному смраду. Кран умывальника мерно отстукивает каплями по нервам. Зимнее солнце трепетно рисует на полу клетчатое поле — хоть сейчас играй в крестики-нолики.

Осторожно, чтобы не потревожить саднящий бок, пробую лечь на спину. Не получается — больно... Потихоньку... Вот так, устроюсь, подложив руки под голову, и опять закрою глаза. Боль в боку не отпускает...

Нет, как они, сволочи, меня били! Курсанты-то ладно

— сопляки, ничего еще не понимают в жизни, а капитан — вот кто сука! Капитан — он от этого дела прямо-таки кейф ловил: автомат за ствол и прикладом сплеча по ребрам... Да еще руки приказал держать, чтобы не закрывался. Но бил с расчетом — не убить. Значит, я им живой понадобился, не то забили бы.

Бок стих. Можно попытаться заснуть. Сон не идет. Вспомнилась младшая дочь, пеленающая куклу Катю, вид из лоджии на осенний парк, кухонный стол, заваленный рукописями... Похоже на то, что предсказание сбывается. Зачем, в таком случае, ОНИ курировали мою жизнь? А может, и сейчас курируют? Когда все это началось?.. Я почему-то до сих пор не задумывался: как давно?.. Действительно, даже не пытался выяснить... Странно, очень странно... Значит, пришло время подведения итогов?..

Лязг дверного замка, неожиданный и громкий.

— Щербинин, выходи на допрос!

Черт, напугал меня своим замком! Вот и продолжение началось. Какой странный голос у охранника. Не могу понять, в чем странность голоса...

Спускаю ноги с нар и стараюсь не скрипеть от боли зубами. Выхожу в коридор. Все-таки это не настоящая тюрьма, это что-то спешно перестроенное под тюрьму, и значит... Ну что ж, пойдем потихоньку, пока не получил в спину прикладом. Наверняка бить будут. Хоть одного бы зацепить, если удастся. Чтобы часа два не вставал.

Коридор длинный, и слепящие плоские ванны светильников под потолком. Можно подпрыгнуть и сорвать светильник на голову охраннику... Нет, это не настоящая тюрьма... Лестница обычная, без решеток... Кажется, мне в подвал? Угадал. Стены бетонные, обычный подвал с канализационными трубами... Где же меня держат?.. Мне в эту дверь? Благодарю за любезность, но можно и не толкать. В комнате накурено. Передо мной за столом трое. Сколько сзади — чтобы узнать, надо оглянуться. Как пристально рассматривают. Сигареты курят. Эх, мне бы одну.

— Будете курить?

Традиционное начало? Господа офицеры отличались благородством? Предлагавший закурить — в очках. Что там на погонах? Подполковник. Сидит. Остальные стоят. Наверное, он будет вести допрос. И в самом деле, пачку «LM» пододвинул.

— Буду. Отчего же...

Спички вредные... Пальцы плохо слушаются. Трое суток не покурил, и уже от первых затяжек голова кругом. Сесть не предлагают. Забыли, товарищ подполковник?

Подполковник кашлянул в кулак.

— Помолясь, начнем пожалуй. Я у тебя, сукин ты кот, не спрашиваю ни имени, ни отчества, ни прочей ерундистики. Я о тебе и так все знаю. Ты, Щербинин, вот тут пишешь... Всякую хреновину пишешь...

Что там у него в руках? А-а, ясно, сборник моих рассказов.

— ...Ты же много написал...

— Щербинин, скажите мне, Щербинин, — неожиданно заговорил стоящий у окна военный, и что-то за окном разглядывающий. У военного был хорошо поставленный уверенный голос диктора и, словно для контраста, женоподобная фигура. Но он смотрит в окно, и за окном что-то видно, значит мы в полуподвальном помещении.

— Скажите-ка, дружок, — он говорит, не оборачиваясь, — почему вы ненавидите торжество идеалов?

Это он о чем? О коммунизме?

— Я не понимаю, о чем вы.

— О вере в светлое будущее, дорогой мой человек.

— Вы спрашиваете о вере, о религии? Как можно ненавидеть религию? Религия — это система определенных взглядов, определенных убеждений. У меня своя система взглядов.

— То есть, своя вера? Почему?

— В чем убежден, в то и верю.

— Вы же были членом сталинского потока, главой ячейки. Почему вышли?

Все-таки они о компартии. Теперь, значит, так они ее называют — сталинкой? Гвозди бы делать из этих людей!..

Подполковник бросил читать книгу, поднял глаза.

— Ты почему, дятел сибирский, вышел из движения?

— Когда вступал — был дураком, а потом очень быстро поумнел... Кое-что узнал, взгляды мои изменились...

Тот, с женским задом, перестал в окно пялиться, сбоку подошел.

Словно черный шар врезался в лицо. И сигарета с кровью на зубах, искры, стул запутался в ногах. Боль в плече — падая, зацепил угол стола... Сапоги перед самым лицом. Начищенные, блестят. Сейчас пнет. Нет, отходит. Ух, а испугался-то я как, чуть не обделался. А почему испугался-то? Знал, куда ведут.

— Вставайте, Щербинин, поговорим.

Скотина! Как он меня звезданул, я даже замаха не увидел! А у самого задница женская... Где он ее так насадил? На улице типы с подобными седалищами — сама вежливость, никогда не догадаешься, кто перед тобой. Другое дело здесь — и откуда что берется? Власть, абсолютная власть...

— Садись, Щербинин. Подними стул и садись

Стулом, что ли, кого наверхнуть? Губы все разбил, сука. Сплюнуть на пол, прямо на ковер? Ну уж! Зашибут, мордой моей вытрут. К губам невозможно прикоснуться. Перетерплю... На пальцах кровь с табаком. Вытру о пиджак. Так, сажусь. Ну, что ему надо? Опять задасый сзади подходит...

— Щербинин, ты меня слушаешь, нет?

— Слушаю, товарищ подполковник, почему же...

— А я вижу, что не слушаешь. Аркадий Абрамович

не сдержался, но так он человек душевный, очень мягкий человек. Он у нас политработник опытный... Ты, Щербинин, я думаю, не станешь на него обижаться. Или обижаешься?..

Задастый Аркадий Абрамович стоит напротив, на носках качается, крыса политотдельская! Ха! Вот где он задницу деформировал — на лозунгах насидел, работничек идеологического фронта! А рожато как лоснится. Им где такие рожи штампуют? — с плакатным выражением справедливости и торжества разума над темными силами. И тусклые рыбы глаза с затаенной в самой глубине злобой ко всем, кто строем ходить не умеет. Где ты, орел, гадить будешь, если я вмажу разок по лощеной харе твоей?.. И город, и вся страна на голодном пайке сидят, а тут такие прямо-таки кабаньи щеки...

— Слушай, п'сатель...

Подполковник явно пытается унижить...

— Ты не согласен с классиками? Ты не согласен с теорией экономических формаций? Ты что, самый умный? Ты что-нибудь дельное, кроме своей хреновины межпланетной... — Швырнул книжку в угол. — Ты придумал что-нибудь дельное? Если ты такой умный, то почему без денег? У тебя же в квартире два шкафа, забитых книгами, и телевизор; у тебя же нет ни одной приличной вещи! Если ты такой умный, почему ты нищий?

— Потому что я — гений! Я не занимаюсь деньгами.

— А чем же ты занимаешься!!!

— Я занимаюсь музыкой, литературой.

— Короче, анонимом ты занимаешься!..

— Слушайте, товарищ подполковник, а почему вы не верите во Христа? Что вам не нравится в его проповедях?

— Ты православие не лапай!..

Опытный задастый политработник взмахом руки обрывает подполковника:

— Вы не верите во всеобщее равенство?

— Всеобщее равенство так же невозможно, как невозможна абсолютная истина.

— О вас говорили, что вы вульгарный материалист, а вы, оказывается...

Задастый говорит, а подполковник ухмыляется, и очки блестят по подлому. Спиной чувствуется, что у тех, кто сзади — а их там четверо, не меньше — сейчас такое же, подполковничье, выражение на лицах. Еще бы: писаку, этакого мастера пера в грязь втоптывают.

Почему стало тихо? Задастый! Опять замахивается. Жаль, на стуле сиду, не вернуться. Ладно, этот удар мы с покорным видом примем. С другой руки бьет. Слабый какой-то удар. Да он же бить не умеет! На мне отработать ударчики решил, сука! Ногой размахивается, думает, раз я согнулся, значит вырубил. В детстве, наверное, от пацанов под маминой юбкой прятался... Вот она, его нога, поднимается, уже перед глазами... Все происходит, как в замедленном кино. Давай-ка ножку сюда,

недоносок политический. Так, а теперь я встану и, не выпуская ноги, накося тебе по шарам, а теперь сверху казанками по переносице, а теперь снизу по самым ноздрям, а теперь ножку твою в сапожке зеркальном выше головы поднимем, и ты затылочком об пол. Красиво! А теперь я тебе, радость моя, пяточкой да промежду ножек... Ты же мне больно хотел сделать, хотел ведь... О-о! А это уже твоя компания подлетела, те, сзади. Какой удар — чуть по стене не размазало! Мастер бьет!.. Жаль, не успел задастому на морду подошвой наступить... Ребра, мать вашу!.. Ну, начался обмолот!.. Грудь локтями закрыть, чтобы дышалку не сбили. Как бьют, ублюдки... Всё, темно в глазах, сейчас отключусь...

Где это я? Как болит, как болит все... Даже глаза открыть больно. Ага, знакомый пейзаж вокруг. Облезлые зеленоватые стены плывут куда-то, свет лампочки режет глаза. Елки, всю рожу разбили. Зеркала нет, а то бы полюбовался. Где же они меня держат? Ведь не в тюрьме, в каком-то здании держат... Сколько же они меня били прежде, чем уволокли в камеру? Похоже, мои ребра никогда не заживут. А что с правой кистью? Ясно — два пальца сломали. Это чтобы бить не мог? Ох, и сволочи же! Ну что за люди?! Да люди ли они? А почему же нет? Как раз люди и есть. Вот такие мы все люди и есть. Ладно, надо кости на пальцах правильно поставить, да стянуть чем-нибудь...

Черт, даже сознание потерял. Второй палец страшно вставлять, боль непереносимая. Э-эх, сейчас бы мне автомат, да рожка два патрона: ох, и погонял бы я их тут! Уж по крайней мере, лоск с их рож слетел бы в один момент... Если бы Настя тогда, в тростниках, не заплакала, черта с два они меня взяли бы! А старшая — Женя — молодец! Вокруг мины рвутся, а она зажмурилась, кулачки сжала, аж пальчики побелели, видно, что боится, но молчит. Рукавички где-то умудрилась потерять, растеряшка...

Теперь второй палец... Фух, еле очухался. Скоты! Кажется, всё. Если не трогать, бог даст — срastутся, но играть на гитаре как прежде, не смогу, это точно. Да я уже и разучился. Раньше считался одним из первых гитаристов города, на конкурсах побеждал... Раньше... То было раньше... Раньше много чего было... Опять чуть не забыл! Я ведь хотел определиться со сроками, сколь долго ОНИ со мною работают. Просто для себя определиться... Возможно, все началось в детстве? В очень далеком детстве... Перед глазами яркий, пронизанный солнечным сиянием коллаж осенних листьев — таким детство запечатлелось в памяти. В какую группу детского сада я тогда ходил, в третью или четвертую?..

Наша семья тогда занимала комнатку в двухэтажном кирпичном доме. В доме были длинные коридоры и много комнаток, и в каждой — по семье. А коридоры были большие — два встретившихся трехколесных ве-

лосипеда разъезжались без помех... Наверное, у нас в квартире шла генеральная уборка: отец выдвинул ящики дивана, забытые до отказа журналами... А может, это началось в другой квартире, в двухкомнатной «хрущевке», в которую мы переехали?... Много-много журналов. А в них, конечно, много-много картинок, всяких-всяких. Но одна буквально приковала к себе — цветная вкладка с пейзажем иного мира. Разумеется, в том возрасте я не знал таких слов — «пейзаж», «иные миры». Я просто чувствовал, что вижу... Именно вижу!.. Словно волшебной палочкой взмахнули перед глазами. «Папа, что это такое?» — спросил я. Не вспомнить, что ответил отец, скорее всего — ничего, но картинку я забрал себе.

Я забрал ее и часто разглядывал, испытывая неведомое ранее ощущение, и, чтобы еще раз пережить это неведомое, рассматривал вновь и вновь. Мне и сейчас не совсем понятно свое тогдашнее состояние, вылившееся в неожиданный поступок — я начал картинку срисовывать. Разумеется, ничего не получалось, лист отбрасывался, брался новый, но каждый раз, когда карандаш выводил грани кристаллических деревьев, я был там. Я стоял в их тени и смотрел, как плывут неспешно над зеркальной гладью океана загадочные облака голубого инея. Карандаш рисовал шар восходящего красного светила, и я знал, что огромные темные пятна на его поверхности — признак скорой смерти; и светящиеся шлейфы двух улетающих прочь звездолетов говорили о полном равнодушии улетающих к этому миру — им была безразлична скорбная красота обреченной планеты, их не интересовала судьба кристаллических деревьев... А я там был один и ничем не мог помочь. Я там был один, маленький мальчик с планеты Земля. «Кристаллическая жизнь» — узнал я название картины, когда научился читать, и имя художника — Андрей Соколов... Дело в том, что через несколько лет я встретил эту картину под другим названием — «Красный вечер», и у нее появились продолжения: «Синее утро» и «Зеленый полдень». То есть звездная система стала трехкратной, а кристаллические деревья превращаются то в пузыри, то в пеньки, в зависимости от времени суток. Новый триптих мне следовало понимать в том смысле, что, мол, не надо волноваться, все в порядке, этому миру ничего не грозит, ты видел небольшой период жизненного цикла, срок катастрофы отдален в бесконечность... Вранье! Я не поверил двум новым картинам тогда и не верю сейчас. Художник их высосал из пальца, он сам себя хотел успокоить. Но — стоп... Не слишком ли далеко вперед я забегаяю в своих воспоминаниях? Никак не могу приучить себя последовательно мыслить, завидую шахматистам... Вернемся в детство. Итак, на протяжении нескольких лет срисовывалась одна и та же картина. Зачем? А кого я спрашиваю? Себя, что ли? Нашел, кого спрашивать. Спросить надо у НИХ, а где ОНИ — неизвестно... Мои рисунки отец рвал пачками и выбрасывал в мусорное

ведро. А я продолжал рисовать, рисовать, рисовать...

Фантастика — слово, считавшееся в нашей семье синонимом полного идиотизма. О фантастике в литературе я узнал в девять лет. «Восходы» давно бороздили просторы Большого космоса, но в книжке, взятой случайно в библиотеке...

— Папа, смотри, тут космонавт там-то и там-то делает то-то и то-то, — не помню деталей, к сожалению.

— Ерунда, — говорит отец. — Не может быть.

— Почему? Вот тут же, в книжке, написано!

— Ну, принеси эту книжку. Что там написано? Где?

— Вот, посмотри.

— Что за книжка? А-а, это вранье, это — фантастика.

— А что такое фантастика?

— Это — вранье, этого никогда не бывает. Иди, не мешай...

...Ах ты, весь бок свело судорогой! Ребра. Надо полагать, сколько-то сломано. Паскуды! Осторожнее при вдохе, плавно, не спеша... Вроде отпустило...

Вернемся в детство. Картинка, книжка — ну и что? Этапы большого пути? Картинка еще туда-сюда, а книжку за уши притягиваю. Если бы не картинка, не было бы и альбомов. Альбомы — мне одиннадцать лет. Я уже неплохо рисую, не только заимствую сюжеты из журнальных иллюстраций, но и сам кое-что придумываю. И день тот я хорошо помню: зима, за окном яркое солнце, почему-то совсем расхотелось рисовать, абсолютно ничего интересного не идет в голову, в сон какой-то клонит. Я прилег на кровати, глаза сами закрылись, я начал засыпать. И вдруг перед глазами на глубоком черном фоне появился и раскрылся альбом фантастических картин. Я никогда раньше не видел ни такого альбома, ни таких картин. И в голове пронеслась мысль, даже не мысль, а словно кто-то прошептал: «Можешь посмотреть, если хочешь». Страницы альбома стали сами собой переворачиваться. Какие в них были картины! Какие пейзажи! Когда в альбоме перевернулась последняя страница, он исчез, но появился другой, и тоже переворачивались страницы... Я вскочил с кровати, схватил карандаш и принялся набрасывать то, что успел запомнить. Эти наброски до сих пор хранятся в синей папке на верхней полке книжного шкафа, если, конечно, убудки из спецпода после обыска не вышвырнули мой архив на улицу...

Два альбома. Те два альбома, наверное, вроде творческой подзарядки были, что-то вроде толчка, стартового импульса. Да, но ведь к десятому классу я уже почти бросил рисовать, я уже всюю терзал на гитаре «битлов» в группе себе подобных. А баловаться литературным сочинительством когда я начал? В седьмом, восьмом или девятом классе? Точно не помню, но в десятом на дне моего портфеля завелась секретная толстая тетрадь — бесконечная история о бесконечной вой-

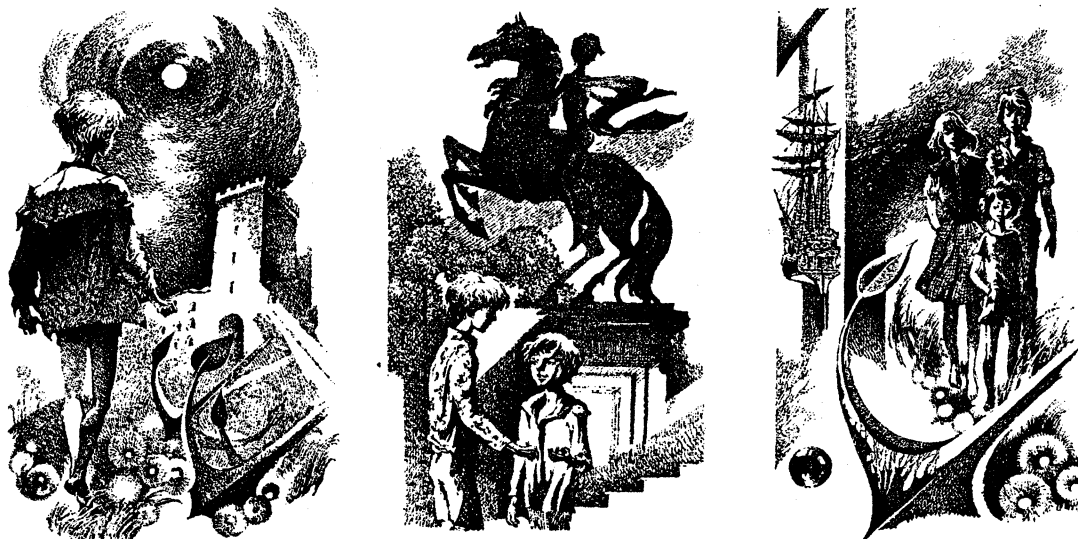
не между двумя идиотами. Как там было? «...За окном оголтело заахало и заохало — то начиналась снежная буря. Джон-Железная пятка взял автомат и пошел чинить расправу над Харвеем-Метким глазом. Тихо шелестя, падали деревья...» Юмор школьника. Попытки трансформировать его во что-нибудь стоящее так и не увенчались успехом. Да я особо и не выделял баловство пером. Больше на тексты для своих песен наваливался, «строгал» в день по тексту, а то и по два. Однако непосредственно контакта еще не было. Или я не помню? Может, и был, а я не понимал, что это контакт, и поэтому не запомнил? Надо провести ревизию памяти, ревизию детства, отрочества, юности, устроить памяти допрос с пристрастием...

А вот случай в армии хорошо помнится. Я тогда решил написать симфонию, не меньше. Уж очень хотелось написать симфонию. И написал. Но не сразу. Сначала ничего не получалось, музыка «не шла», так себе — песенные попевки, мелочь, без масштаба. И вдруг я делаю неожиданное открытие — оказывается, надо просто послушать «у себя внутри», сосредоточиться, сделать небольшое усилие, убирая лишние мысли, и тогда словно шлюз открывается...

Стоп-стоп-стоп! Только сейчас обратил внимание — оказывается, в воспоминаниях я наблюдаю себя со стороны!!! Почему?.. Ну, не больной ли?! Идиот! Прекрасно знаю, почему, и прямо как дитя... Знать-то знаю, но чье это, откуда оно — приобретенное в процессе развития или подаренное?.. Впервые это произошло в наряде, «на тумбочке». Время — 23 часа, вся казарма спит, самого в

сон клонит, но наряд есть наряд. Как-то так получилось, но представилось: якобы внутри головы сфера, и сознание находится внутри этой сферы. Внутренняя поверхность ее морщинистая, как печеное яблоко, и надо мысленно эти морщины разгладить снизу-вверх, снизу-вверх... Дальнейшее трудно описать. Глаза открыты, все вижу, продолжаю стоять «на тумбочке», но меня там нет... Стало страшно, что так может и остаться: тело само по себе, сознание само по себе... Второй случай чуть не стоил мне жизни. На полу лежал распределительный щит с розетками, рядом сетевой шнур с вилкой, который надо включить в этот щит. Надо — так надо. Беру вилку... Никто не знал, что она под напряжением. В ладони вспыхнуло пламя. Боль не сразу почувствовал, но вот судороги — они сковали кисть и медленно поднимались по мышцам предплечья... Это мне казалось, что медленно, на самом деле — какие-то мгновенья... И тут произошло разделение: я-второй на расстоянии трех метров оказался в стороне и наблюдаю, как трясет током меня-первого. И между нами обоими есть какая-то связь, потому что я чувствую, как у того судороги сковывают мышцы. Судороги поднялись выше локтя, охватили плечо... А тот трясется. А рука — всё, как чужая, не подчиняется, не могу разжать кулак, чтобы отбросить вилку. До сердца осталось совсем чуть-чуть... Еще полсекунды... И тогда я-второй говорю: «Ну, всё, хватит. Пора бросать». Мы непонятным образом соединяемся и совместным усилием отбрасываем вилку. И уже я опять единый, целый, стою и разглядываю страшную горелую рану на своей ладони. А все люди вокруг словно находились в стоп-

К ЮБИЛЕЮ ЕВГЕНИИ СТЕРЛИГОВОЙ

Владислав Крапивин. «Застава на Якорном поле»

кадре, и только я вилку отбросил, они пришли в движение, кто-то кинулся ко мне... В руке-то ой-ей-ей как полыхало... После армии кому ни рассказывал, не верили. Меня же интересовало, кто был я-второй, наблюдавший меня-первого со стороны? Теперь-то я знаю ответ, но тогда... А с симфонией... Оказывается, можно услышать целый океан музыки, и даже увидеть — сплетения ярко-зеленых, желтых, синих струй... Постепенно пришел навык слушать эту музыку. Причём этой музыкой можно было управлять, выбрать лучшие куски, менять их местами. Достаточно было подумать: «Вот эти такты не нравятся. Стоп-стоп-стоп, это не пойдет!» И тотчас с указанного места начинался второй вариант. «Вот это тоже надо заменить», — думал я, и словно кто мне отвечал: «Ради бога, есть масса вариантов!» Но музыки было очень много, столько много, что запомнить удавалось небольшие отдельные отрывки... А я все эти штучки принимал за игры подсознания...

Чертов кашель! В пойме, наверное, простудился. Этот кашель меня доконает, он переворачивает мои бедные многострадальные внутренности. Дышать-то больно, а тут кашель... Черт вас всех поберит!.. Надо не думать, вообще ни о чем не думать...

Я, наверное, уснул или потерял сознание. Сколько времени прошло? Что там, за окном — ночь или день? Попробую повернуться. Э-эх, боль! Нет, не повернуться. Черт с ним, с переворотом. Мамонту на турнике легче перевернуться, чем мне. Кисть распухла и похожа на надутую резиновую перчатку. Если сейчас поведут на допрос и начнут бить, могу не выдержать. Но задастый меня долго помнит будет. Что-то на допрос не вызывают. Наверное, не до меня...

А где же ОНИ? Почему так долго нет контакта? Обиделись? Или что-то происходит? Не бросили же они меня? Если бросили — это конец, моя личная катастрофа. Неужели я им больше не нужен? Почему я решил, что если бросили, значит — всё, трагедия, я обречен. С какой стати я решил, что со мной все кончено? Что, за хлюпик?! Сопли еще распустить и разреветься, мать вашу всех!.. Не-ет, что-то происходит. Когда у нас был последний контакт? За месяц с небольшим до путча, в начале ноября... Слякоть и первые заморозки... Вместе со свинцовыми тучами концентрировалось в воздухе непонятное напряжение, ожидание каких-то грозных перемен — тень Великой Депрессии, всеобщая нервозность. Все чего-то ждали. Мои земные надежды и планы последовательно рушились, и карандаш выводил на бумаге что-нибудь типа:

*Сорвали с Надежды
Цветные одежды.
И Надежда без одежд
Не манит, как прежде...*

Или рождалось что-нибудь типа такого:

*Перхоть старых козлов усыпает траву,
И однорогие быки, оперевшись рогом в землю,
Бурвят ее,
И не дадут нам опомниться и оглянуться...*

Жена с детьми уехала гостить к сестре, а на меня и пса породы ротвейлер по кличке Лорд была возложена охрана квартиры.

Настроение было препаршивым. А какое оно, настроение, может быть при полном человеческом сдичестве? Именно, что при человеческом... Жизнь откровенно дала трещину. И кто был тому виной — Темные ли, Светлые — искать виноватых не стоило. Скорее всего, виноватым был я сам. Только что толку от подобных признаний? Что-то надломилось в душе после житейских неурядиц, следовавших одна за одной, после всех этих баз, Трансплутонов, Венер с Марсами. Я взял бумагу, любимый карандаш «Кохинур» и попробовал писать, чтобы отвлечься от черных мыслей. Я хотел посмотреть, что делается у меня за спиной, но передумал. Ничего необычного там произойти не могло. Я что-то писал, страницу-две, потом положил карандаш, пробежал глазами по написанному — ерунда. Не удержался, посмотрел через плечо за спину. Два светящихся шара висели над холодильником. Они светились ровным белым светом, вокруг них сгущались тьма, и потому казалось, будто они высасывают эту тьму из воздуха. Их свечение никак не влияет на освещенность кухни, то есть, как горела настольная лампа, расстелив вокруг угловатые неподвижные тени, так и горит. А по идее, шары должны были бы залить, прямо-таки затопить кухню своим светом. Но вот поди ж ты, светятся себе в каком-то мрачном собственном пространстве. И, как всегда, шары читают мои мысли, а прятать мысли или просто не думать я еще не научился.

— И что же ты остановился? Почему бросил писать? — прозвучал в голове вопрос, причем задала его голосом пятилетнего ребенка.

Идиотский вопрос и идиотская манера разговаривать разными голосами, подумал я, отдавая отчет в том, что мысли мои тут же слышали. И, злясь на собственную беспомощность, закричал в темноту, нависшую над холодильником:

— Что, неземное отродье, висите, наблюдаете? А вот как я сейчас в вас чем-нибудь запущу? Не боитесь?

Два белых шара исчезли на миг и вспыхнули вновь. И не вспыхнули они даже, они проявились из тьмы, проступили сквозь нее, словно по квантам сконцентрировались со всего мироздания.

— Ты же знаешь, в нас бесполезно чем-либо кидать, — прозвучал в голове женский голос. — Ты почему опять

злисься? Мы только и заняты тем, что латаем твою энергоструктуру.

— А что вам еще делать? Довели меня до ручки... — И добавил уже мягче: — Я хочу побыть один. Мне необходимо побыть одному.

— Пожалуйста, мы это сделаем. Но ответь нам, почему ты решил, что мы тебе приносим вред, что мы виноваты во всех твоих неудачах? Мы столько раз тебя спасали...

Я не нашел, что возразить. Эти двое знали обо мне всё. Даже не эти двое — ОНИ все знали обо мне всё.

Я скомкал лист бумаги с написанным и швырнул в мусорную корзину.

— Да я видеть вас не могу. Вы мне воздуха не даете ни во сне, ни наяву, свет моих очей! Я просто не знаю, как от вас избавиться!..

Я хотел добавить еще что-нибудь едкое и ядовитое в адрес светящихся оппонентов, но шаров не было на их обычном месте. Над холодильником уже никого не было. Я поднялся, осмотрел всю кухню, даже на всякий случай заглянул за холодильник. Неужели ушли? Да ну, и леший с ними! Вернулся к столу и посмотрел в корзину на скомканный лист бумаги. Взял новый лист и написал: «Я умер, меня больше нет...» Сам не знаю, почему так написал.

Я выключил свет на кухне и начал готовить себе постель на диване. Когда я оставался один, я на нем спал (и даже ел, особенно тогда, когда не хотелось расставлять складной стол). Погасив свет, закрыл глаза и стал ждать, когда навалится сон. Последнее время сон именно наваливался, словно тяжелая темная волна. А сами сны... Их-то больше всего я и боялся. Потому как сны те были совсем не снами. Опять проявлялись параллельные жизни. Параллелей стало больше.

Я открыл глаза и, глядя в темноту комнаты, стал думать о своих снах, о том, что раньше я совершенно не задумывался об их содержании и никогда не старался вспомнить их. А вот после того, как мне объявили, что я — человек последнего круга, и эта жизнь у меня на Земле последняя... Зря я на НИХ сегодня наорал, подумал я. Нормальные ОНИ ребята. Ну и что, что не гуманоиды. Возили на свою базу, на полигон... А как славно я заблудился в пустоте, когда летели к краю Вселенной! Ведь ОНИ тогда не бросили меня, нашли, вытащили... Благодаря ИМ я столько узнал. И оружие дали, и применять его научили...

Я вздохнул и повернулся к стене. Толку от всех моих новых знаний было мало. Не мог я их применить в этой своей жизни. «А может, рано еще применять?» — подумалось мне. Меня же обучают азам. А практические занятия начнутся потом? Нет, определенно, ерунду я сморозил сегодня. Когда ОНИ вернутся, надо будет извиниться. Так я подумал, но честно признался, что наорал-то я по вполне известной причине: надоел постоянный

контроль, постоянный присмотр. То нельзя, так нельзя, так не следует поступать... И, конечно же... Да-да, именно это самое: кому понравится, что кто-то, пусть и из добрых побуждений, знает и изучает всю твою подноготную. Ничего нельзя утаить. В снах-тестах куда не спрятаться — какой ты есть, такой уж и есть. Ни один человек не захочет, чтобы кто-то залез к нему в самые тайные уголки души и анализировал тщательно скрываемые даже от себя мотивы поступков.

Всё это ерунда, думал я. Все мы видны, как на ладони. Только не даем себе в этом отчета, разве что глубоко и искренне верующие люди понимают: спрятаться человеку в этом мире можно лишь от человека и то при очень большом желании и соответствующем мастерстве. Как тогда я заснул, не помню, но хорошо помню, как проснулся.

Проснулся я от ужаса, охватившего вдруг меня. Что-то вокруг происходило, а я не мог открыть глаза, не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Ужас парализовал нервы, вызвав панический ступор. Я попытался шевельнуться, еще раз попытался. Мысль в голове только одна: надо открыть глаза, надо пошевелиться, чтобы вырваться из проклятых сетей страха. Ну же, еще рывок, еще один...

Я ощутил свое тело, повернулся. Тело очень плохо начиналось. С огромным усилием удалось открыть глаза.

С улицы сквозь шторы в комнату струился голубой свет. Лунный это свет или нет — было не до выяснений, потому что на лоджии двигалась тень. Тень приблизилась к балконной двери, и дверь беззвучно открылась, словно не было двух шпингалетов, запиравших ее. Черный человек вошел в комнату и оказался у дивана. Он стоял ко мне спиной, а потом стал поворачиваться, но делал он это, не сходя с места, не двигаясь, а как-то перетекая внутри себя. Вот он повернулся и стал наклоняться ко мне, и я увидел его лицо — оно было черным. Он склонялся ниже, ниже, неестественно перегибаясь в поясе...

Тёмный!!! Я закричал, но издал лишь надсадный хрип и, собрав всю волю, ударил в черное лицо кулаком. И тут все исчезло. Мне сначала показалось, что исчез мир, но потом сообразил, что исчез Тёмный, и вместе с ним исчез голубой свет, и в комнате царит обыкновенный ночной полумрак. Я сел, мокрый от пота, трясущийся. Я потерял кулак и понял, что суставы еще помнят удар. Тёмный был реальным. Волосы у меня встали дыбом.

— Ни хрена себе шуточки, — сказал я, и услышал свой голос, и посмотрел на кулак.

А ведь Тёмный меня застиг врасплох. Как только я со своими друзьями разругался, он воспользовался моментом...

Я лег, укрылся поплотнее одеялом и стал смотреть на лоджию, и думал, что теперь-то он меня так просто не возьмет, и не заметил, как уснул...

Быстренько же ОНИ меня приручили. Или я сам слишком быстро приручился... И поэтому меня бросили? Черт подери! Бросили — не бросили! Сам я что-нибудь могу? Сам, один, как человек, как отдельная единица биомассы, наделенная зачатками разума, могу я что-нибудь? Непременно! Разумеется! Должен мочь!.. А что, надо быть должным мочь?.. Ха! Вот я себя загнал в угол! Если только надо быть должным... А вдруг не надо? Кого или что я собой представляю? Человека — это раз. И, наверное, меня-второго — это два. Хотя, скорее всего, второго-меня еще рано считать чем-то отдельным. На Аудиенции ко мне обращались как к единому целому: «Человек, ты прошел первый порог...» Так и было сказано, именно Человек. Это потом, после смерти, первый останется здесь, а второй пойдет дальше. Может быть, меня поэтому и оставили, что я сам теперь должен... А что должен? Как-то действовать? Попробую другой метод выхода. Надо закрыть глаза и падать, падать в темноту, и стараться не удерживать себя от этого падения, вернее — движения, похожего на падение. Это не падение, это полет, и возникает страх пустоты, и появляется странное желание схватить себя руками и вернуть назад, в телесную оболочку; вот от этого страха и надо убежать. Итак, падаю...

Всё, вышел. Лечу. Пока никого и нигде... Серебристое, подсвеченное далеким солнцем, изъеденное кратерами брюхо астероида. Пролетаю под ним. Астероид остается далеко позади... Исполосованный кремовыми облаками серо-красный диск планеты в системе звезды без названия... Вот обитаемый мир. Призрачные конструкции. Сами хозяева планеты тоже какие-то неуловимо размывающиеся. Эти со мной никогда не разговаривают. Я у них обычно не задерживаюсь, я чувствую себя здесь очень и очень посторонним, посторонним в третьей степени — такое у меня возникает ощущение. Искать надо дальше. Лечу. Миры мелькают, словно нанизанные на нить. А вот здесь мне приходилось неоднократно останавливаться. Может быть, здесь знают, где ОНИ? Зеленые волокна водорослей, гирлянды пузырей. Черный глаз. Привет! И он меня узнал. Он умеет плавать и с удовольствием это демонстрирует. Черная роковица и белый зрачок — удивительно! Он любит пообщаться. Общение происходит на языке эмоций. Глаз жмурится, изгибается серпом, поднимает и опускает края. Видел ИХ? Нет, он не знает, где ОНИ. Опять космическая пустота, и в ней никого...

Что это? Кто это?!

— На допрос!

Понятно, прозевал появление охранника. Но на кой, спрашивается, на пол сбрасывать изувеченного человека, фашист! Терплю и встаю.

— Может, вас, господин писатель, на допрос на руках прикажете отнести?

Голос у него какой-то... Не шакалий и не козлячий, не

хриплый и не писклявый, чудной голос... Елки-палки, я понял какой — не запоминающийся! Я могу узнать человека по голосу через десять лет, а вот этого не узнал бы.

— Энергичнее шевелись, не заставляй ждать!

— Сейчас... Идем.

— Идем, ха! Да отведу уж...

Та же комната. Ковер убрали. Пол свежевывыт — кровь смывали. В комнате только двое. Очкастый подполковник и новенький: среднего роста, белобрысый, в гражданском. На кого он похож? На ученого? Аппаратчика? Бухгалтера? По наружности не поймешь. И лицо того типа, глядя на которое думаешь: где-то видел, где-то мы встречались.

Подполковник закурил, смотрит сквозь облачко дыма, как лаборант на инфузорию.

— Проходи, Щербинин, садись. Надеюсь, ты отдохнул? Больше двух дней мы не смогли тебе дать на отдых. Дело не ждет.

Оказывается, прошло два дня! Кажется, я не справился с лицом — выдал свое изумление.

— Ты объявил голодовку?

Это что, его реакция на мое удивление? Или я что-то не понимаю? Наверняка провокация.

— Почему ты не ешь?

— В смысле?

— В прямом смысле. После прошлого допроса ты ни разу не притронулся к еде, которую приносили в камеру. Точно — провокация!

— Я не видел никакой еды.

Переглянулись. Штатский хмыкнул и сказал на ухо подполковнику несколько слов. Тот кивает, глядя на меня поверх очков, ухмылочка прямо-таки садистская.

— Хорошо. Будем считать, что ты еду не видел. Перловый суп для тебя не еда, и ты его в упор не видишь.

Дешевый прием, подполковник, гнусный прием. Два дня, видите ли, они меня не трогали, к еде я, понимаете ли, не притронулся. Для кого он все это разыгрывает? Уж не для этого ли, в штатском? Извлекает из стола томик моих рассказов, разбухший от закладок. Чего он в нем ищет?

— В прошлый раз мы остановились на твоей писанине. Продолжим разговор, разоведем, так сказать, тему. Вот ты здесь пишешь: «...Человек находится на самой низшей ступени разума. На второй, промежуточной, ступени разума находятся те, кого в фантастической литературе называют сверхцивилизациями. На высшей ступени стоит тот, кого одни называют Богом, другие — Всеобщим Разумом Вселенной, третьи — Всеобщим Энергетическим Полем. Все эти определения лишь частично соответствуют действительности. Сущность, смысл, предназначение — можно сказать как угодно — нам сейчас не понять, но не потому, что это невозможно понять вообще. Постигнуть смысл Этого можно, лишь подняв-

шись на промежуточную ступень, то есть став субъектом сверхцивилизации. Мне самому ясно только одно: все движется оттуда. Я знаю Это как облако света, одновременно находящееся везде и в то же время сконцентрированное в одной точке...» — Оторвался от книги. — Ух, и длинная цитата... Мне хотелось бы узнать, что ты имел в виду, чучело сибирское, написав сие? Ты писал о Боге, бедолага? Ты занялся богоискательством, богостроительством, горемыка? Или ты просто мыка?

— Не то вы, товарищ подполковник, читаете. Есть у меня одна повестенка, в которой подробно, насколько было в моих силах, описана Аудиенция у этого облака света.

— Не то и не другое. Бога у нас и без меня нашли и построили, назвали его «цементирующей», «ведущей», «руководящей», «консолидирующей», ну и всякой другой силой...

— Вы понимаете, что вы сейчас подписали себе смертный приговор?

Вот и штатский заговорил. И нутро свое сразу показал. Так встречался я с ним раньше или нет?

— Да, понимаю. Ни о каком Боге я не написал. Я не знаю, что такое или кто такой Бог.

— Но ты же тут пишешь...

Ай да подполковник!

— Я так и написал, что я не знаю. К тому же в руках у вас сборник *фантастических* рассказов.

Смотрят оба на меня. Переглядываются. Как-то многозначительно штатский смотрит на подполковника. Похоже, подполковнику придется помолчать. Угадал, штатский начинает...

— Я очень хочу понять: вы или притворяетесь, или на самом деле не осознаете всю серьезность положения, всю серьезность ситуации в...

Обо что запнулся-то, закончить не может?

— ...В мире.

Н-да, концовочка неплохая. И закурить мне сегодня не предложат. Почему они на меня так смотрят, козлы? Серьезное положение, видишь ли. Хунта захватила власть в Сибири, какого хрена тут непонятно! Простой люд, на чьей бы стороне он ни был, по обыкновению остался в проигравших. Положение в мире! Неужели Америка ввязалась? Или ФРГ? Но тогда при чем здесь сборник моих рассказов?

— При чем здесь сборник моих рассказов?

— Ну, знаете ли!..

Штатский разнервничался, даже вспотел. Платком лоб вытирает.

— Вот здесь четко сказано, — забрал у подполковника книгу: — «...Сущность, смысл, предназначение — можно сказать как угодно — нам сейчас не понять...». И вот это: «...Я знаю это как облако света, одновременно находящееся везде и в то же время сконцентрированное в одной точке...» Почему «нам не понять» и «я знаю»? Откуда — знаю?

В честь чего они зацепились именно за этот кусок? В других вещах и покруче места есть.

— Или вот еще одна цитата: «...Об этом движении мне говорили все на промежуточном уровне...».

Штатский положил книгу на стол. Глаза — подлейшие. Холод ползет от ног к сердцу. Будь ты всё прокля-

К ЮБИЛЕЮ ЕВГЕНИИ СТЕРЛИГОВОЙ

Владислав Крапивин. «Возвращение клипера Кречет».

то! Разве я предвидел такой поворот? Я знал, что в ФСБ меня читают, но то, что они будут просеивать текст... Не для них я писал, настоящие куски везде вставлял!

— Ну, это же... Это же не мои мысли...

Не выдержал подполковник, грохнул кулаком по столу:

— А чьи?!

— Это мысли героя рассказа. Это же литературный прием.

— Хватит! — сказал штатский.

Быть мне сто раз битому — он из ФСБ, то есть из бывшего КГБ!

— Не морочьте нам голову, Щербинин. Знаем мы литературные приемы. Читать много приходилось. Автор в любом случае, вольно или невольно, присутствует в своем герое. И оставим эту чушь про перевоплощения, слышите, оставим! Вы можете представлять себя на месте убийцы, но и обладай вы самым богатым воображением, мысли убийцы будут только вашими мыслями в момент убийства, а не какого-либо другого человека.

— Выходит, все детективщики потенциальные убийцы?

— Безусловно!

— Я не буду с вами спорить.

— А я и не собираюсь разводить дискуссии. Нет ни желания, ни времени. Ситуация настолько серьезная, что уже не до споров о литературе. Поговорим конкретно о вас и конкретно о вашем творчестве. В частности, о системе взглядов, которые проповедуете вы через своих героев.

— Что вас интересует?

— Первый вопрос я уже задал: почему «нам не понять» и «я знаю»? У меня есть все основания считать, что мы имеем дело не с фантастикой. Поэтому следующий вопрос: откуда знаете? Точнее, кто, когда и каким образом вам это сообщил?

— Именно это?

— Не только, черт побери! Что вы здесь «ваньку вяляете»?! Вы прекрасно понимаете, о чем идет речь. Пока вы были в бегах, мы изучили ваш архив, по крайней мере то, что уцелело после спецпода. Ребятам не предупредили насчет бумаг, а сами они не догадались, и всё в костер... Ну, да какой с них спрос — много ли ума останется в голове, если головой кирпичи ломать... Хотя кому-то надо и кирпичи об голову ломать... Вы имели неосторожность проставлять в черновиках даты. Совпадение по датам написанного в ваших черновиках с фактами возрастания активности НЛО, нам известными, просто поразительное. И фантастика тут только ширма!

— Я не понимаю.

— Всё вы понимаете. Не понимает забеременевшая восьмиклассница — как это так, вдруг? Поговорим о некоторых ваших знакомых. Вы хорошо знали Полюго Георгия Дмитриевича из Челябинска?

— Впервые слышу эту фамилию.

— А он говорит, что знает вас хорошо. На семинарах в Екатеринбурге встречались.

— Знаете, сколько людей побывало на семинарах в Екатеринбурге?

— А знакома вам Фомичева Валерия Павловна из Томска?

— О-о, вот с этой дамой мы пару раз на семинарах серьезно поругались

— Что-нибудь личное?

— Какое там! Она всегда в сопровождении мужа... Дура-дурой, а умной хочет казаться...

— Вас, Фомичеву и еще тут...

Смотрит в бумажку. Интересно, большой у него список?

— ...Относят к одной волне в фантастике. Я не ошибаюсь?

— Я не читаю критических статей. Лет десять уже не читаю.

— Зато читаем мы. А книги их вы читали?

— Приходилось. Но я не Белинский, в плане критики я беспомощен.

— А как вы объясните совпадение идей? Разными словами, с разной степенью мастерства, но речь идет по сути об одном: о разделении человеческой расы на две — на ту, что уйдет в космос и продолжит эволюционный путь, и ту, что останется вымирать на Земле...

Если бы ты, гнида надувная, понимал, в какие дебри тебя занесло. Если бы ты только представлял это...

— Что я вам могу сказать? Есть популярные идеи, есть непопулярные...

Штатский заерзал на стуле.

— Конец эры человечества. Человечество раскалывается на тех, кто перейдет на следующую ступень эволюции, и тех, кто останется в эволюционном тупике. А теперь, Щербинин, представьте следующий сюжетный фортель: некоторые из остающихся знают это и не хотят подобного расклада вещей.

— Эти, как вы сказали, некоторые — это вы?

— Да-да, мы. Мы организуем свои отряды, мы приходим к власти, нас даже поддерживает некоторая часть духовенства. И вы, просветленные, как всегда, на самом остром событии. Мы вас вычисляем, вылавливаем, пытаем, чтобы вызнать всё, и чтобы потом добиться кое-чего от Высших. Мы не согласны, мы вас просто так не отпустим.

Протягивает свою бумажку. Список. Ну и что? Рядом с некоторыми фамилиями пометки. Я многих этих людей знаю. Писатели-фантасты, художники-авангардисты, музыканты...

— Помеченные фамилии — этих людей уже нет, мы их не нашли. Нет, они не выехали за пределы страны. Одни исчезли бесследно, другие, кого успели взять, умерли странно одинаковой смертью — от разрыва сер-

дца. Вот мои вопросы, Щербинин, постарайтесь ответить. По какой причине забирают? Каким образом? Они что, потом вернуться? Или это уже началась «чистка»?

Подполковник закуривает новую сигарету, встает из-за стола, заходит сбоку.

— Открой тайну. Ты должен знать! Ты знаешь! Тебе известно!..

Штатский стучит пальцем по столу.

— Вам всем всё известно! Вы знаете!..

— А если я скажу, что никто ничего не знает?

Штатский делает глупое лицо.

— А я не поверю. Ну как так — не знаете? Вас забирают, а вы не знаете!

Подполковник хватается за воротник, поворачивает к себе:

— Не-ет, ты всё врешь, гад! У-у, писарь канцелярии небесной!..

Сам ты Змей Горыныч неопознанный! Блин, как разит от тебя, трупоед!..

— Вы нам лжете, господин писатель. Вы всё знаете, Вы просто не хотите открыть тайну. Но мы народ пытли- вый. На сегодня всё. В камеру.

Умываться. Вода еле бежит. Гнилая вода, как и весь этот мир. Ух! Как все тело болит, на нары не влезть. В кабинете не замечал боли, а тут чуть расслабился — и всё, сдавайся.

Так что же такое серьезное происходит в мире, интересно мне знать? Что за события такие вершатся, и при чем здесь я? И ничего-то их не интересует: ни где я автомат взял, ни то, что пятерых спецподовцев в подъезде дома положил, когда семью выводил. Их вообще ничего не интересует, кроме цитат из моих рассказов. И ведь нащупали-таки настоящие куски... А из дома я ушел красиво!..

Я знал, что за мной придут. Многие со времен перестройки «сели на крючок». Еще когда разгул демократии только-только начался, сразу было ясно, что у нас на Алтае это дело не пойдет. Забитая толпа, люди, ничего не желающие знать, считающие, что их прозябание в дерьме и есть настоящая полнокровная жизнь. У нас и митингов-то толковых не было. Кому митинговать! К примеру, в Барнауле населения всего семьсот с небольшим тысяч, считай без детей и стариков — только треть взрослых. От этой трети пусть половина мужиков, две трети от этой половины — пофигисты-на-все-плюющие и тихони-ни-во-что-не-вмешивающиеся. И вот только последняя треть на что-то способна. Но в ней такой разброд, такой бардак, такое взаимопожирание... Даже если бы эта треть вышла на площадь, двух пьяных десантников хватило бы, чтобы разогнать всех по домам. Да и по какой причине людям выходить на площадь? Как ничего не было при коммунистах, так ничего не появилось и при демократах. Барнаул — не сучара столичная, не Москва.

Как только специальные подразделения вошли в город под предлогом защиты населения от беспорядков, я сразу понял, к чему идет дело. А на следующий день объявили о возрождении парткомов стального потока и полном запрете остальных политических партий... Повсюду аресты начались. Коммерсантов, кто не удрал из города, стреляли возле их же «комков». С блатными сложнее вышло, у тех была структура, было оружие... Встретил я одного своего знакомого из таких. Мне, гово-рю, ствол нужен. Тот лишние вопросы задавать не стал, лишь поинтересовался: какой? АКМ, говорю. Тот назвал сумму и пообещал на завтра доставить его мне домой. Спросил, сколько патронов надо. Я сказал, рожка два. Была названа окончательная сумма, с тем и разошлись. На следующее утро у меня был автомат, новенький, в смазке. От гонораров у меня кое-что оставалось, и я рассчитался. Он сказал мне: уходи из города, и я его больше не видел. Я и без него знал, что надо уходить. А куда? В деревню к теще? В деревне не спрячешься, в деревне каждый на виду.

Нас дома не было, когда соседей забирали. Говорят, крики на весь дом стояли. Но ни одна сволочь не заступилась. Мы с базара вернулись, а у них дверь настежь, в квартире кровища, все перевернуто, и никого, ни взрослых, ни детей... Ну, я со своей инструктаж провел, как и что делать в экстренных случаях. Приготовили необходимые вещи, стали деньги откладывать на дорогу. Решил своих за Абакан, в Аскиз, к тетке отправить. Там вроде спокойно, дальше Междуреченска мятеж не продвинулся. Красноярец и хакасы сразу же отделились и объявили о независимой республике. Делегатов от мятежников, не разговаривая, выперли вон за новую границу... Денег не хватало, давно бы своих отправил и сам с ними уехал... Если бы не автомат... И на хрена я его покупал?! Почему не уезжал сразу?! Чего дождался?! Дождался... Жили, как на мне. Жена любого шума ночью боялась. Даже Лорд — ротвейлер — и тот нервным стал.

Пришли за мной через месяц. По всем раскладам, должны они были за меня взяться месяца через три, у них посерьезнее меня враги были. Я знаю, кто меня сдал — мой бывший компаньон по издательскому бизнесу. Идея проста, как ясный день — меня забирают, и все дело переходит к нему как фактически, так и юридически. Ну да, Бог даст, встретимся.

Пришли за мной ночью, в третьем часу. Они же спецподовцы — специальное подразделение, днем свое дело стыдятся делать.

В дверь позвонили. Жена меня разбудила, я не слышал звонка, после «халтуры» на товарной станции спал как убитый. Лорд у дверей заходил. Жена подняла девочку и быстро их одела. Я к двери подошел, тяну время, смотрю в глазок. Глазок снаружи закрыли. Лорд у ног трется, скалится, шерсть на загривке дыбом.

— Кто? — спрашиваю.

— Проверка документов. Откройте.

— Минутку, — говорю, а сам жене показываю, чтобы выходила на лоджию, перебиралась с девчонками на соседнюю, и, если с той стороны дома никого нет, начинали спускаться через пожарный люк. Достая из шкафа автомат, снимаю тряпки, вставляю рожок.

— Иду-иду, — кричу. Подхожу к двери и цепляю цепочку. Начинаю медленно открывать замок. Только открыл, как первый всей тушей в дверь ухнул, вышибить хотел. Цепочку я сам крепил, выдержала. Я с Лордом за выступ стены отскочил. Они всей толпой на дверь бросились. Цепочка к чертям. И тогда я спускаю Лорда. И он первого сразу же за горло, только кровь хлынула. Собаки они не ждали. Может, и ждали, но ротвейлер — это не овчарка, хамства не прощает. Второй на Лорда автоматом замахнулся. Лорд и его сбил с ног. Они в собаку очередь. Ну, тогда и я нажал курок. Аж куски от бронжилетов полетели. Я их не жалел, я знал, они меня убивать пришли. Последнего, пятого, отправил к Богу на лестничной площадке. Он уже уползал. Меня увидел и стал «лимонку» из подсумка вытаскивать. Я помог вытащить гранату, вырвал чеку, гранату оставил ему, а с чекой вернулся в квартиру. Закрыл изрешеченную дверь на все замки, но ее тут же сорвало взрывной волной и ошметками. Я по лоджиям вниз. Спустился и бегу за гаражи. Мои там стоят. Жена бледная, думала, меня убили. Побежали, прячась за гаражи. Спецпод на машине приехал, погоня наверняка будет. Но уходить надо не через парк. Эти интеллектуалы как раз туда и бросятся нас искать. В соседнем доме много квартир после арестов пустовало...

Вот такую я им, борцам за светлое будущее, встречу организовал. Лорда жалко. Отличный был пес.

И ведь уже второй допрос они ни слова об этом не говорят. Мне и так, судя по всему, за идейность шла пожизненная каторга, а за эти пять трупов, и потом еще за четверых в пойме, верная вышка. Или потому не спрашивают, что участь моя в общем и целом определена, смерти мне не избежать. Их рассказы мои заинтересовали, избранные места. Информация и ее источник. Когда у меня был третий контакт? Когда я в очередной раз решительно завязал, бросил промысел кабацкого музыканта, когда вдруг ясно понял, что для меня музыка — это не профессия, это состояние, и пошел вулканизаторщиком на Шинный завод. Надоело мне биться головой о стену социалистического реализма, изображать непризнанный талант. У меня готового материала в архивах на тридцать лет. Тридцать лет можно ничего не сочинять, а только брать старое, чуть-чуть подновляя по надобности. Он мне мешал — этот материал, я уже вырос из него. Но чтобы перейти в новое качество, надо реализовать старое или избавиться от него. Я не верю в истории, когда, работая только в стол, никому ничего не показывая, можно вырасти в большого компо-

зителя, или писателя, или художника. И я ушел на шинный завод, променяв пьяные кабацкие рожи на покрытые тальком, застывшие в похмельной беспросветности маски. Выбор у меня был небольшой...

Какой был месяц? Была зима (опять зима!), а какой был месяц, уже и не помню. Я как раз камеры в прессы заложил. Сижу, курю, ловлю на конвейере заготовки. А на железном стеллаже передо мной лежат вырезанные из бракованных камер вентили. Я сижу, тупо смотрю на вентили, и словно кто сказал внутри меня: «Поставь вентиль один на другой». Я поставил. «Составь из них елочку». Я составил. «Разложи их ромбом». Я раскладываю, и спохватываюсь, что не мои мысли-то! И понимаю, происходит нечто необычное, намного необычнее «прослушивания музыки». И слышу, что в голове все это продолжается, только я своими мыслями мешаю, «забиваю полезный сигнал». Убирать мысли я еще в армии научился. Мысленно посторонился, пропуская второй поток. И точно.

— Спокойно, — говорит голос. — Разложи вентили крестом.

Я разложил. И дальше минуты две в том же духе все происходило: голос говорит — я выполняю. И наконец прозвучала последняя фраза:

— Контакт установлен.

И всё, и наступила тишина. Тут уж я оторопел. То есть, как так — контакт?! Я даже ничего спросить не успел. Стал мысленно спрашивать. Нет голоса. А тут прессы открываться начали, заготовки по конвейеру пошли. В общем, пока смену отработал, пока домой пришел, все вылетело из головы.

На следующее утро собрался на смену, выхожу из квартиры, только порог переступил, как меня словно толчком в голову остановило. В глазах полная темнота, и в этой темноте зажигаются два ослепительных белых огня, и раздаётся голос:

— Все в порядке. Мы здесь.

И тут же видение исчезло, ярко освещенный подъезд передо мной, и я сам в легком шоке стою, переминаюсь с ноги на ногу. Жена за спиной спрашивает, что случилось. И я понял, что это настоящий контакт. А дальше уже было все просто. Я необъяснимым образом понял, как выходить на НИХ: закрываешь глаза, представляешь себе полную темноту и два слепящих белых шара — и контакт установлен, можно разговаривать.

Первое время были простые разговоры типа «Привет — привет. Как дела? — Нормально.» И где-то через полгода ОНИ начали контролировать мое мышление. Вернее, ОНИ и раньше контролировали, но не вмешивались, а потом стали вмешиваться. Иногда вмешательство было чересчур навязчивым, но в любом случае шло мне только на пользу. И я отработывал технику контакта.

Самое важное — не путать ИХ ответы на вопросы с собственными мыслями. Сначала это сложно, все-таки

речь транслируется, не музыка. Я с трудом отличал ИХ ответы от своих мыслей. А потом заметил: ИХ ответ приходит раньше, чем успеваю что-то сообразить мой мозг, и ИХ мысленный ответ был легче — если только можно взвесить мысль, — чем мои собственные мысли, которые были тяжелее, что ли, неуклюжее как бы...

ОНИ мне во многом помогали. Сидишь, бывало, над рукописью, час сидишь, два. Ну ничего в голову не идет, хоть лопни. Вызываю «огни» и говорю: «Ну вы что, мужики? Поехали!» В сознании открывается какой-то шлюз, и начинается, только успевай записывать. Или не шла компоновка глав. Весь материал готов, нет интересной фабулы. «Ну вы что, мужики!» — говорю. В ответ: «Введи информацию. Что там у тебя?» Я перечитываю список глав с кратким содержанием, проходит секунда паузы, и понеслось. Записал, перечитал. В целом недурно, но начало слабовато. «Начало, — говорю, — слабовато». «Ладно», — отвечают. Я посидел, покурил, ничего нет. Пошел спать. Только под одеяло влезать, в голове включается начало. Я лечу на кухню, записываю, перечитываю — класс! То, что надо! «Спасибо», — говорю, а в ответ — улыбка (я ее не видел, я просто ощущал, что ОНИ улыбаются)...

Но контролировали ОНИ меня жестко. Днем раза два это ощущал, в основном ночью. За день наматываешься, нервы разыграются, весь заведенный лежишь, уснуть не можешь, голова, как котел кипит. И тогда словно что взрывается в мозгу, все мысли на осколки разлетаются, пустота остается. Если все же опять начну мысли собирать, взрыв повторяется, но сильнее. Тогда уж непременно засыпаю. Аналогично ОНИ действовали, если о чем-нибудь скабресном подумаешь, картинку какую-нибудь попытаешься представить. Один раз ОНИ меня так шандарахнули, что даже сейчас не могу вспомнить, о чем я тогда умудрился подумать.

Через меня ОНИ получали текущую информацию в том виде, как я ее воспринимаю, то есть я был в роли специфического ретранслятора. Я всю прессу целиком заглатывал от корки до корки. Иногда даже чувствовал, что информация просто уходит через мозг. Затем ИМ зачем-то понадобились словари, и я ночи напролет читал «Орфографический», потом «Словарь иностранных слов», потом Даля листал. Но и ОНИ мне помогали с информацией. Я на это не сразу обратил внимание. Однажды понадобилась мне — не помню какая — пенска, забыл, какая в ней гармоническая последовательность. Повспоминал-повспоминал, так и не вспомнил. А на следующий день ее по радио передали. Потом еще несколько аналогичных случаев. Дело пошло серьезнее, когда я затеял толстый детективный роман. Писал что-то об Интерполе. Писал наобум, потому что ни хрена об этой организации у нас никто не знал. А я не то чтобы запрос сделал, просто в мыслях возникло ощущение типа пробела в строке. Бац, через неделю наша провин-

циальная «Алтайская правда» печатает подробную статью об Интерполе. Но в моей вещи интерполовец применяет оружие, и мучили меня сомнения по поводу наличия у сотрудников Интерпола оружия как такового. Статья не развеяла моих сомнений. Я отметил столь досадный промах. Пожалуйста, через два дня «Комсомолка» печатает интервью с самим шефом Интерпола со всеми разъяснениями — сотрудники Интерпола имеют табельное оружие. Или вот, понадобилась мне информация о теневой материи. В выписываемой мной «Природе» только маленькая заметочка на эту тему появилась. Я сделал «запрос», и все выписываемые мною журналы, поступившие после «Природы», содержали статьи о теневой материи. Даже «Молодежь Алтая», и та чей-то бред напечатала. А когда я узнал, что существует компьютерный язык «Csound», позволяющий описывать музыкальные события, так мне предложили пошариться в Интернете сразу в трех фирмах, а в двух других его для меня просто скачали. Очень часто информация поступала и поступает через других людей: кто-нибудь как бы случайно, по пути, забегают в гости, и у него как бы случайно оказывается с собой газета с нужной статьей, книга, кассета, дискета...

Лязгнула дверь. Кто там пришел? Охранник. Странно! Что это он так осторожно дверь прикрывает? Сверток газетный в руках.

— Вам привет от Бортникова.

— Что-о?!

— Привет от Бортникова. — Показывает сверток, кладет на стол. — Просил вам это передать. Еще сказал, чтобы вы за своих не беспокоились. Он их в Ново-Алтайске на поезд до Абакана посадил. Ладно, пока никого нет, я пойду. Если что, обращайтесь. Извините, что вас с нар тогда стащил. Я же не знал, что вы... — Замолчал и пальцем в потолок показывает, и глаза у него постепенно округляются.

— Не понял. Что я?

— Ну, это... Шура мне все рассказал. Извините. — Повернулся к двери, сейчас уйдет.

— Стой. Где меня держат?

— Комсомольский городок знаете?

— Да я в двух кварталах от него жил.

— Мы в подвале школы МВД, тюрьмы переполнены. Все школы и ДК теперь тюрьмы. Расстреливают в парке «Юбилейном» и за старым мясокомбинатом.

Тихо затворилась дверь.

Ай да Шура! Ай да Бортников! Молодец! Значит, девки мои где надо. Слава Богу! Стоп. Охранник, получает, свой? Шура ему доверяет? И в сливном бачке есть свои люди!.. Из какого это анекдота?.. Посмотрим, что в свертке. Так. Колбаса, хлеб! Алюминиевая миска на краю стола... Ха! Перловый суп! Тот самый! Значит, еду приносят. Только... Только я почему-то совсем не хочу есть. Странно. Четвертый день на исходе, а я не хочу есть!

Воду пью, а есть не хочу. Получается... Вот колбаса и хлеб белый, а я даже желая понюхать не испытываю. Ладно, пусть полежит. Вдруг проголодаюсь.

Газета. «Алтайская правда»! Самая реакционная и тупая газета Сибири! Интересно, редколлегии других газет расстреляли? «Алтайка» свежая. Оп-па! Обращение временного правительства к жителям Алтайского края...

«Жители Алтайского края! Патриоты Родины! Проси мирового капитализма...» — это уже традиция. — «...Повышайте бдительность...» — та-а-ак. А вот уже конкретно: «...Последнее время, как в самом краевом центре, так и в отдельных населенных пунктах края стали появляться люди, выдающие себя за членов некоей Чрезвычайной Комиссии. Эти люди, якобы используя полномочия, данные им этой несуществующей Чрезвычайной Комиссией, саботируют работу органов правопорядка и органов власти на местах...»

Что-то я слышал о Чрезвычайной Комиссии, кто-то мне рассказывал об этих «чекистах».

«...Их, как правило, всегда двое. Оба высокого роста, головных уборов не носят, одеты в черные плащи или легкие черные пальто с эмблемой — белый круг с буквами ЧК. Появляются на темно-вишневой иномарке без номеров. При появлении в вашем поселке или просто при встрече на улице задержите их и сообщите в комендатуру по телефону 02. Премия за поимку — 5000 сингапурских долларов...»

Слухи о чекистах поползли после начала путча. Вспомнил, на базаре бабки друг другу рассказывали. Мол, шел автобус пассажирский из Барнаула в Новосибирск, и на тракте остановили его спецподовцы. Всех вывели, обыскали, забрали все ценное, выстроили на обочине — дело ясное, расстреливать будут. А там ведь и дети, и женщины были... Бабы вой подняли. Спецпод — рожи у всех дубовые, они же только с гражданским населением воевать умеют, — автоматы подняли. И тут подьежжает по проселку темно-вишневая иномарка. А на тракте как раз пурга страшная поднялась. Иномарка останавливается, из нее выходят двое. Бысокие. В черных плащах, без головных уборов, на левой стороне плащей у обоих белые круги и две черные буквы «ЧК». Ни слова не говоря, подходят к спецподовцам. Лейтенант сначала за кобуру схватился, потом вытянулся по стойке смирно и стоит не шелохнувшись. И остальные солдаты по стойке смирно встали. Эти двое неторопливо, заглядывая каждому в лицо, прошли мимо строя, постояли перед лейтенантом и повернулись к пассажирам, смотрят, стоят, ничего не говорят. Тут бабы сообразили, что надо скорее садиться в автобус и возвращаться в Барнаул. Так и сделали. А спецподовцы там и остались стоять...

Судя по обращению к жителям края, слухи не лишены основания. Партизаны какие-нибудь, бывшие афганцы.

А Шура Бортников молодец. Если бы не он, вся семья сейчас сидела бы здесь, и вил бы товарищ подполковник из меня веревки любой длины, со мной совсем по-другому разговаривали бы.

Шура перебрал тысячу специальностей — и кочегаром он работал, и грузчиком, и проводником поезда, и еще какие-то профессии умудрялся находить, о наличии которых я даже не подозревал.

Я своих повел за Обь, через пойму к Ново-Алтайску, чтобы там посадить на поезд и отправить в Абакан, от которого до Аскиза автобусом полтора часа. Моя предлагала пробираться на поселок Южный, там жила ее сестра, мол, через нагорный лес можно пройти незамеченными. Моя надеялась пересидеть у сестры. Я забраковал этот вариант. На Горе телецентр, и стало быть, он охраняется, и весь лес вокруг него постоянно прочесывается. И что там, на Южном, творится — никому не известно. Говорили, что в ту сторону вообще никого не пропускают. Оставался один путь — через Обь.

Обь перешли по льду рано утром. Младшую я нес на руках. Вертолет появился, когда мы уже шли по заливному лугу и до ивняка оставалось метров сто пятьдесят. Вертолет низко пролетел над нами, подняв тучи снега, затем сделал еще один круг. Я крикнул остановившимся жене и старшей, чтобы продолжали спокойно идти. Чем черт не шутит, вдруг сверху меня не узнают. Но на всякий случай расстегнул шубу и поправил автомат под поллой. Вертолет кружил низко, я бы не промахнулся. Вертолет улетел. Я облегченно вздохнул. Благополучно добрались до диких зарослей ивняка. Я оглянулся. С того берега спускались на лед три УАЗика и большая группа людей. Обиднее всего то, что уже почти дошли, почти на свободе, и вот на тебе. Оставалась одна надежда — запутать солдат в островах поймы. Только с детьми от солдат много не набегаешь, тем более, что я сам острова знал плохо, был здесь раза два и то в детстве.

Лая собак я не слышал. Значит, шансы оторваться от преследователей имелись. Мы шли по замерзшей протоке. Ветер дул в лицо, но было не холодно. Я поворачивался спиной к ветру, чтобы не продуло Настю на моих руках. Ориентировался по трубам химкомбината.

Протока круто поворачивала. Женька идет впереди. Вдруг она остановилась и побежала назад. «Папа, солдаты!» Жена смотрит на меня, и в глазах у нее такая тоска.

Спокойно, говорю, девки, спокойно. Левый берег протоки сплошь зарос тростником. Повернули туда. Забрались в самую гущу.

И тут появились спецподовцы и курсанты, двенадцать человек. Они цепью шли по льду. Двое тащили на спинах что-то тяжелое. Они уже миновали нас, когда Настя проснулась и заплакала. Я накрыл ее поллой шубы и стал бегом. Солдаты остановились, смотрят в нашу сторону.

Уходим к зарослям, говорю своей. В тростнике огромное количество проходов от замерзших ручьев — настоящий лабиринт. Жена взяла Настю, Женька взяла сумку с вещами, а сам с автоматом пошел последним. Нас же могли без всяких задержаний просто пострелять, как дичь... Мы уже почти достигли островных зарослей, когда над головой раздался свист, и впереди с грохотом взметнулся снег с землей. Осколки с воем пронеслись высоко над головой. Ложись, зашипел я.

Так вот что тащили те двое, миномет! Это что же, против меня — жену и девочку не считать — вертолет, машины, миномет и черт знает сколько автоматных стволов? Не жирно ли для одного писателя-фантаста?

Настя испугалась и заплакала. Жена пытается ее успокоить. И тут опять нарастающий свист, и опять взрыв, только немного правее. И еще одна мина уже левее. Я хоть в боевых действиях и не принимал участия, но соображаю, что от чащи отсекают.

Все, отец, мы не уйдем, говорит моя. А Женька — молодец! Видно, что боится, кулачки сжала, аж пальчики побелели — где-то рукавички потеряла, растеряшка, — но держится, не плачет. Отдаю ей свои перчатки. Эх, доча-доча, думаю, знала бы ты, что нас всех ждет. Я-то — ладно, я — мужик, а вот вы... Проверяю в кармане брюк второй рожок. Мать, говорю, сидите здесь. Я попробую увести их в сторону. Куда идти* — ты знаешь. Вон там Ново-Алтайск. Как только услышите выстрелы, сразу уходите.

— Щербинин!

Моя аж взвизгнула от испуга, а я чуть автомат не

разрядил в кусты, хорошо, предохранитель не снимал.

— Щербинин, это я. Не стреляй.

И вылезает из тростника Шура Бортников. Рыжая борода по грудь, какой-то трепух на голове. Фуфайка. Валенки.

— Шура?!

— Что, доигрался, ястреб перестройки?! — Он сплевывает. — Я знал, что у тебя этим кончится. Еще когда ты в школе ботинки без шнурков начал носить, я уже предвидел...

— Шура, откуда ты здесь?!

— Откуда-откуда... В бегах я, крутым задолжал чуток... Я бакенщиком здесь работаю. Вон там мой дом. — Он махнул рукой в сторону островов. — Листовки с твоим портретом чуть ли не на каждом дереве наклеены. Вчера ко мне патруль приходил, тебя искали. А сегодня с утра по всему берегу оцепление стоит. Как ты прошел — удивляюсь! Вертолет видел?

— Видел. И он меня тоже видел.

— Тоже видел, — передразнил он. — Вот и сообрази теперь, шифер колотый. Возьмут они тебя.

Я хотел возразить, но тут над головой опять раздался свист, и грохнул взрыв.

— В общем, Щербинин, дятла семечками не кормят, ты сам должен соображать. Пошли за мной.

Мы, низко пригибаясь, двинулись по замерзшим ручьям за ним. И Настя, явно что-то поняв своим трехлетним умом, замолчала.

Бортников остановился у двух очень старых, сросшихся стволами ветел. Он отвел рукой в сторону кусты.

К ЮБИЛЕЮ ЕВГЕНИИ СТЕРЛИГОВОЙ

Владислав Крапивин. Рассказы из сборника «Шестая Бастионная»

В стволе ветлы чернело дупло в половину человеческого роста.

— Влезай, — сказал Бортников моей. — Я Настю подам.

Моя влезла в дупло. Бортников подал ей Настю. Затем влезла Женька.

Бортников, насупившись, смотрел на меня и ничего не говорил.

— Шура, я не маленький. Мы все там не поместимся?

— Куда ты хотел их отправить?

— Моя знает. Ты ей поможешь?

— Щербинин, я перестану тебя уважать.

— Я понял. Я уведу спецпод за собой. Полезай в дупло.

— Прощай, — сказал Бортников и протиснулся в дыру.

— А где папа? — резанул по сердцу голос старшей дочери.

— Женька, — сказал я, — я скоро приду. Побудьте здесь с дядей Сашей. Он поможет вам к тете Наде уехать. Я скоро вас догоню.

— Веткими завали дупло, — сказал Бортников.

Я завалил их ветками и отполз в тростники, расстегнул ворот рубашки. Мне стало жарко. Фух, словно гора с плеч. Теперь-то я никого не боялся. Опять в воздухе просвистело, и ухнул взрыв.

Пора, сказал я себе, и пополз в направлении минометных выстрелов. Вскоре я увидел солдат. На льду, боком ко мне, стоял УАЗик. Часть солдат спряталась за ним от ветра. Несколько в стороне стоял миномет. Двое солдат рядом с ним, один подает из ящика мины, другой опускает их в миномет и зажимает уши руками. Миномет выплевывает мину в сторону острова, а эти двое даже не смотрят, куда.

Я прицелился под брюхо УАЗику — где-то там должен быть бензобак — и нажал курок. Из-под машины с грохотом вырвался огненный шар. УАЗик подбросило и опрокинуло на бок. Я выпустил короткую очередь по минометчикам и рванул направо через тростники вдоль берега.

Я пробежал метров десять, когда вокруг защелкали пули. Я обернулся, не целясь, выстрелил и опять побежал. В двух шагах передо мной с визгом разлетелся лед. Колючие осколки ударили в лицо.

Ага, значит поняли, где я. За мной! Я обернулся и опять, не целясь, выстрелил. Шуба зацепилась за корягу полой. Я рванулся, сбросил ее и опять побежал, и вдруг заметил, что выронил из кармана запасной рожок. Оборачиваюсь. Он лежит в четырех шагах от меня. Бросился к нему. И тут увидел спецподовца. Я замер. Солдат смотрел куда-то в сторону. Кожа у него на лице была странного кирпичного цвета. Сфера делала его похожим на ожившего оловянного солдатика. Он медленно пово-

рачивал голову, всматриваясь в заросли тростника. Вот его лицо повернулось ко мне, взгляды наши встретились. У него были странно-серые, будто обмороженные, глаза. Он словно встrepенулся от сна, но я выстрелил раньше. Он взмахнул руками, роняя автомат, и упал на спину. Я метнулся в сторону, поскользнулся. И тут, как из-под земли, появились еще двое. Не успев встать, я нажал курок. Раздался всего один выстрел. Я опять жму курок — тишина, магазин пуст. Левый схватился за бок и стал медленно опускаться. Я хотел подняться, и тут автомат вылетел из моих рук, выбитый умелым ударом, и словно гора обрушилась на меня. Кто-то схватил меня за волосы, поднял мою голову и со всей силы пнул сапогом в висок... Они вдоволь меня попинали. А потом подошел этот капитан, поднял мой автомат за ствол и приказал держать мне руки...

А здесь мне уже добавили... Надо еще раз попробовать установить контакт. Не могли ОНИ меня бросить. Черт возьми, не так-то просто расслабиться, имея сломанные ребра! Радужное мерцание перед внутренним взором растворяется в темноте окружающего пространства. Поплыли пестрые пятна абстрактного мира. Каждый раз пытаюсь запомнить эти картины и потом попытаться воспроизвести их красками на холсте, но каждый раз, после возвращения, забываю об этом. Ладно, дальше. Вот пошло более конкретное... Мир черно-белый. Никогда его не видел в полном цвете, возможно, по той причине, что лишь поверхностно сканировал его, возможно, по причине совсем для меня неизвестной... Хотя в этом мире больше всего и встречается всякой темной гадости, она здесь успешно прячется... Словно складки световой ткани, струятся отовсюду в разных направлениях структуры светлой энергии, одна сплошная фантастическая драпировка... Ага, вот опять кто-то, да не один...

Два темных пятна... Нет, не два, больше... Это что же, вокруг меня, бедного, столько мерзопакости всякой бродит!.. Давненько я чисткой не занимался, давненько... Тянуть не стоит, иначе облепят, как пиявки. С ближайшего и начну. Сейчас я вас нашим фирменным «пятновыводителем»... Лучи исходят откуда-то из плеч, лучей всегда два, они светло-голубого цвета и кромсают нечисть на любом расстоянии за милую душу. Понимаю, что стреляю какой-то энергией, но никогда не вникал в суть — что, из чего, как. Какое дали оружие, такое и дали... Темное пятно съежилось и растаяло. Кто следующий? Прошу... О-о, да вы сразу всей толпой!.. Прямо как наши доморощенные герои подворотен!.. Какая была дружная компания, какой был сплоченный коллектив!.. Пространство вокруг заметно очистилось, стало светлее. Но впереди кто-то очень крупный. Вонзаю в него лучи, еще раз, еще. Крупный и крепкий экземпляр. И кто же на меня так разозлился?.. Между прочим, легко могу выяснить, кто на меня зол или затеял недоброе, и опять

не буду этого делать. Излечением души от сволочизма занимаются другие. И своими действиями недоброжелатель мой проявил себя, засветился, он теперь меченый, и ждет его в кратчайшие сроки возмездие — наказание кармическое. Моя же позиция — беспроегрешная, я защищаюсь. На уровне солнечного сплетения концентрирую ядро — очень плотный сгусток энергии — тоже штука хорошая. Ядром пользоваться очень просто: оно здесь, рядом с тобой, затем надо увидеть точку, где оно должно возникнуть, и мысленно туда переместить. Сила удара зависит от скорости перемещения. Обычно среднему пятну хватает, оно лопаается изнутри, как воздушный шарик... Мечу ядро. Пятно колыхнулось, но осталось целым и продолжает приближаться. Слабо метнул. Создаю новое ядро и мечу его в центр пятна. Пятно глотает ядро, даже не реагируя на удар. Сколько злобы, сколько злобы! Вот она — подноготная природы человеческих взаимоотношений. Опять мечу ядро и в момент его возникновения в пятне бью по ядру лучами. Белая вспышка рассекла тьму. Роскошная вспышечка, неплохо я его...

Дорога свободна, или не дорога, а путь, или не путь... Вперед, полосая лучами пятна, которые попадают на глаза...

Возникли холмы, покрытые лесом, речная долина, небо в хлопьях облаков. Изначально мир нейтрального серого цвета, но изменением цветовой гаммы реагирует на появление в нем. Цветность возникает по мере продвижения вглубь мира, и цветовая гамма отражает реакцию мира на появление в нем; появившийся объект описывается цветом. Мир насыщается цветом, как губка водой. Лечу над долиной, взмываю над облаками... Стоп! А почему я ищу ИХ по сопредельным мирам? Что ИМ тут делать? Назад!

Вновь вонючие нары... Наконец-то в мою камеру пришла ночь! Лампочка перегорела, ура!.. ИХ надо искать в космосе. Падаю в пространстве, мелькают в сознании слой за слоем. Надо пробить оболочки сопредельных миров и выйти к звездам. Вот мелькнул последний желтый слой, и планета поплыла вниз, в безбрежном океане звезд. Несколько причудливых по виду космических станций в некотором отдалении. В крайнем случае можно обратиться и к их обитателям, но только в крайнем случае. Насколько мне сейчас понятно, мой случай не крайний. Мне известно правило — цивилизации промежуточного уровня не вступают в перекрестные контакты, каждая курирует только своего оппонента, того, с кем посчитала нужным вступить в контакт... Шаров не видно. Слушаю космос. Никто меня не ищет, мысленных лучей, адресованных мне, нет.

— Э-эй, ребята, где вы?

Нет даже эха. Понятно, обиделись. Тогда вперед, летим на вашу базу.

Серебряный астероид, Юпитер.

Входа на базу нет. Мертвые, покрытые космическим льдом скалы, но тоннеля, ведущего внутрь, нет.

Вроде бы здесь был вход, вот под этим скальным навесом. Входа нет. Облетаю скалу. Среди дальних обломков плывет одинокий желтый шар. Быстрее за скалу!.. К Земле!.. Вишу над облаками. Пусто. Никого. Нет, кто-то есть. Кто-то движется по направлению к Земле, но это не мои. Пора возвращаться. Крылатый крест брошенной станции «Мир». Подо мной в облаках кто-то есть, я это чувствую. Но это тоже не мои... Неужели бросили?.. Похоже, предсказание насчет петли сбывается. Нельзя человеку знать свое будущее, нельзя... Домой!

Не хочется открывать глаза. Если бы, накрывшись одеялом с головой, можно было спрятаться от всех и всего...

Значит, обиделись-таки, нет ВАС действительно. Обиделись — так обиделись. Бог с вами... Сколько сейчас времени?.. Были у меня часы. Небольсин привез в подарок из Италии. Положил их куда-то во время ремонта, а куда — вспомнить так и не смог. Искал-искал, не нашел. Пока в часах аккумулятор жил, они пищали. Как только по радио начинался отсчет последних шести секунд, я вставал посреди квартиры и, напрягая слух, пытался уловить, из какой комнаты раздается писк. Вскоре комнату удалось засечь. Оставалось определить, в каком углу комнаты они, подлые, лежат. Сдох аккумулятор... Спать... Середина лета... Солнечное утро... Дело происходит где-то в Подмосковье... Девятый этаж. Холостяцкая квартира полковника каких-то космических войск. Он — мой друг детства. Не виделись, наверное, сто лет, и вчера случайно встретились в метро. Просидели всю ночь. Кухонное окно распахнуто, доносятся искаженные домами бухающие звуки не то полкового барабана, не то строительной бабки, вгоняющей в землю очередную сваю. С похмелья раскалывается голова. У полковника рыба красная, а спирт черный. Рыба красная по своей природе, а спирт настоян на кедровых орешках и действительно черный. На подоконнике стоит раскряпанная банка вишневого варенья, а вокруг нее валяются обожравшиеся осы. Осы до такой степени обожрались варенья, что не в силах взлететь. Наверное, он их специально прикармливает, чтобы не кусались. Гуманист наш полковник! Ос вокруг до черта; воевать с ними — только укусы собирать. Так не лучше ли дать прожорливым насекомым то, что они хотят, глядишь, и мирный диалог наступит. В голове еще раз повторяется фраза: «...Так не лучше ли дать прожорливым насекомым то, что они хотят...» Сон — долой. Открываю глаза. Все-таки я осёл! Действительно, чего я жалею, что берегу?! Осам никогда не съесть все варенье в банке, этим парням никогда не «съесть» всего космоса!..

Кто меня будит? А-а, старый знакомый, он же знакомый Бортникава.

— Привет. Что случилось?
— На допрос.
— Эх-хе-хе, вздремнуть бы еще часок.
— Там отоспишься, — тычет пальцем в потолок. — Шура спрашивает, не нужно ли чего? Кстати, ты почему не съел колбасу? Хочешь, чтобы меня вместе с тобой расстреляли?

— Прости подлеца, я как-то по растерянности не подумал. Ты ее убери совсем. Я есть не хочу. Можешь и суп не носить. Мне не надо.

О, какие у него стали глаза! Но с вопросами не пристаёт, молодец. Интересно, за кого он меня принимает? Эх, надо идти на допрос. Прямо как на работу...

Сегодня штатский один. Предстоит важный разговор?

— Присаживайтесь, Щербинин.

Конечно, присяду, не стоять же.

— А ведь мы с вами встречались, Щербинин.

— Что-то не припоминаю.

— У вас плохая память?

— Меня столько били по голове, что я не ручаюсь за свою память.

— А я вам напомню. Мы встречались у Небольсина Валерия Константиновича дома. Перед самым отъездом Валерия Константиновича на стажировку в Италию. Вы тогда с Плуталовым пришли. Водку пили.

— Я один, что ли, пил?

— Все пили, все. Песни пели. Песни ваши помню. Особенно «...А я им отвечаю: — Мужики, у нас в стране Бургундское не пьют...» Или вот эту: «...Я разложил ложки-вилки, красный галстук нацепил, самогоночки в графинчик из канисточки налил...» Хорошие песни, веселые. Не вспомнили меня?

Я тебя вспомнил, Цыля Фишман. Ты сидел у окна, в углу, рядом с холодильником. Ты так заискивал перед Небольсиным, ты так лебезил под его взглядом, что походил на слизняка.

— Нет, я вас не помню.

— Жаль. Хорошие были времена. Вы не знаете, у кого-нибудь остались ваши записи?

— Не знаю. По-моему, нет.

— Жаль.

— С чего бы это?

— Я хотел пополнить свою коллекцию. Вы ведь понимаете, может так случиться, что вас в скором времени не станет. А, так сказать, культурное наследие — оно живет независимо от своего создателя. Кстати, я вам еще не говорил, вы приговорены к смертной казни. Вас расстреляют. Вас расстреляют публично. Как-никак, на вашем счету девять человек.

Нет, не расстреляешь ты меня. Я знаю свою смерть.

— Щербинин, вы меня не слушаете?

— Да так, задумался.

— Мне сказали, что вы объявили голодовку.

— Я просто не хочу есть.

— И не находите это странным?

— Нет. Куда вы клоните?

— Ну если, Щербинин Юрий Борисович, для вас не есть в течение пяти дней в порядке вещей, то меня это... — Швыряет на стол сборник моих рассказов. — И это, и еще кое-что за вами числится... Сейчас под нашим контролем вся Западная Сибирь. Наши части продвигаются к Уралу. Там, правда, свою республику затеяли, но не сегодня-завтра Екатеринбург и Челябинск падут. Если вы согласитесь быть посредником, вам многое спишут. Вы меня понимаете? Сейчас идут военные действия, гибнет много людей, так что ваших девятерых могут и не заметить.

— Какое посредничество вы мне предлагаете? В чем?

— Между ними и нами.

— Кто такие вы — я знаю. А кого вы еще имеете в виду — не пойму.

— Пришельцев. Инопланетян.

— Что-о?! Какие пришельцы?

— Бросьте разыгрывать дурачка.

— Я не разыгрываю.

— Позвольте вам не поверить. Но к этому вопросу мы еще вернемся несколько позже. Меня вот что интересует: вы же были членом партии, секретарем парторганизации. Почему вышли?

— Меня об этом спрашивали на первом допросе. Только они компартию теперь называют стальным потоком, движением...

— Почему вы ненавидите коммунизм?

Надоели вы мне хуже горькой редьки!

— Я должен отвечать еще раз?

— Я на первом допросе не присутствовал.

— Отвечаю. Как можно ненавидеть религию? С религией даже соглашаться нельзя, религию только исповедуют или не исповедуют. Я не исповедую коммунистическую веру.

— Почему?

— А почему я должен верить в то, во что не верю? Знаете, в физике есть разные взаимодействия — сильные, слабые, электромагнитные, еще там какие-то, я не специалист. И в философии наблюдается нечто похожее — марксизм, фрейдизм, ницшеанство, даосизм и... Ну, сколько на Земле философских школ? Я не считал. Но в физике — мы имеем дело с отдельными частными проявлениями одного целого, не зря физики бьются над общей теорией поля. А если и в философии... должна быть своя «единая теория поля»?

— Да, но всеобщее благо, счастье народа?

— Вы меня можете сейчас же, здесь же расстрелять, но я не понимаю, что это за благо такое, ради которого надо уничтожить полстраны? Что это за счастье такое? За чей счет? Как тут быть с моралью? Или мораль ваша

партия отменила как ненужную составляющую культуры? Ваша партия вообще с культурой в странных взаимоотношениях находится — взрывает, гноит, запрещает. Или это потому, что Ленин кроме культуры производства других аспектов культуры не видел?

— Что вы такое говорите? Наша партия очень заболела о культуре народа. Управления культуры даже перестроечники-демократы не стали закрывать...

— Подождите. Вы хоть понимаете, что говорите? Ну как можно управлять культурой? Как? Вам никогда не приходила мысль, что культура развивается по законам очень близким к естественным, что это своего рода естественный природный процесс? Почему прекрасное создают единицы? А создав, не могут вразумительно объяснить, как у них это получилось.

— Но позвольте, а Бах?

Да, логика у нашего разговора — от инопланетян к коммунизму и до Баха.

— Что Бах?

— Сколько прекрасных произведений Бахом написано по... приказу, из меркантильных соображений, в силу служебных обязанностей?

— Правильно. Человеку же надо что-то есть. А вы слышали, что он играл для души? Я не слышал, и вы не слышали. В этом-то и трагедия. Хотя мне думается, что заказы в то время носили несколько иной характер, нежели заказы на песни о БАМе или кантаты на цитаты из программных материалов. Создали, понимаешь ли, новую религию...

— Хорошо. Бах — ладно. А Моцарт?

— И что Моцарт?

— Он же тоже на заказ писал. Я люблю его музыку.

— И что же? Я не могу вам запретить любить музыку Моцарта. А ваша партия могла бы запретить, и запретила. А я не люблю музыку Моцарта, а ваша партия заставляла бы меня... Ощущаете разницу?

— А инопланетяне?

— Дались вам инопланетяне. Я не понимаю ваших намеков. Почему вы, убежденный коммунист, так боитесь? Я вот сейчас гляжу на вас и думаю: а ведь их боятся все коммунисты. А иначе как объяснить тот факт, что запрет на информацию об НЛО сняли только весной 1989 года? В чем причина страха? Или есть грешки за душой и придется отвечать? Я не прав?

— Значит, некая сила все-таки есть?

— Пытаетесь поймать меня? Так я же в свете предположения...

— Все-таки мы вас расстреляем.

— Да не боюсь я ни вас, ни вашего расстрела. Под пытками я, как человек слабый, наговорю вам что угодно, но потом обязательно подумаю: «А все-таки она вертится!».

Молчит гад, прямо в душу смотрит. Так он же меня купил! Классный ход! Гениальный! Молодец фээсбэш-

ник, или кто ты там теперь!.. Молодец! Так мне и надо!

— Щербинин-Щербинин, теперь вы не отвертитесь. Понимаете? И мне глубоко плевать на то, что вы сейчас будете молотить в свое оправдание. Мне нужен контакт. Ясно вам? Контакт с инопланетянами. И вы мне этот контакт обеспечите. И не надо делать удивленные глаза, виртуоз гусиного пера. Если не обеспечите мне контакт, я вас убью лично. Я найду вашу жену и детей и убью их на ваших глазах, а потом убью вас! Что вы молчите? Ах, да! На смерть вам наплевать. Но вы же знаете, что мы все равно найдем способ...

Я молчу потому, что наблюдаю за твоим бешенством, товарищ коммунист. Эвон ты как распоперло, эвон ты как раскарамбураздило!.. Детьми вздумал пугать, тварь! Это ты зря сделал, потому как устрою я тебе контакт, не обрадуешься. Мне-то терять нечего, что меня ждет — я знаю. Я тебе устрою контакт и обеспечу...

— Зачем вам контакт?

— Я хочу с ними поговорить.

Он, наверное, думает, что я поведу его куда-нибудь за город, в лес, в потайное место. Там откопаю из-под куста рацию, свяжусь с НИМИ, и прилетит летающая тарелка. Кастрюля летающая к нему прилетит, или разводяга в лоб!..

— Вы думаете, у вас это получится? ОНИ захотят с вами разговаривать?

— Но ведь с вами они вступили в контакт!

— Но ведь с вами ОНИ в контакт не вступают. Значит, ИМ этого не надо.

— Почему?

— Ответ очевиден.

Поблелнел, но держится.

— Может быть, вы, Щербинин, и правы. Мне плевать. Пусть они не считают нужным вступать со мной в контакт. Заставим. Мне поможете вы. Ведь вы хотите жить, не так ли?

Что тебе сказать, говно на палочке? Я же понимаю, куда ты клонишь, зачем тебе контакт. Это сейчас ты от лица партии выступаешь, а в душе ждешь, лишь бы поскорее с инопланетянами встретиться. Тебе бы только встретиться, думаешь ты, а там ты знаешь, как поступать. Ты обвинишь всех в полной неспособности что-либо делать, и свою партию обгадишь с головы до ног, и что конкретно обгадить — тебе прекрасно известно, и фактов у тебя предостаточно. Обгадишь ты всех: и друзей, и врагов, а себе будешь просить полномочий, полномочий не простых, а чрезвычайных, диктаторских полномочий... А ведь от тебя, голубчик, любой подлости ждать можно, ты ведь ни перед чем не остановишься. Я знаю, что ты сделаешь. Спецпод вырежет пару небольших деревенек в глухомани лесной, и будет заявлено, что это сделали инопланетяне. Свидетелей подготавливают, фотоснимков намонтируют с зависшими над трупами НЛО...

— Какое у вас звание?
— Капитан. Зачем вам это?
— Капитан, никогда ты не будешь майором.
— Хотите, Щербинин, я вас застрелю здесь, сейчас, при попытке к бегству?

Ну, лоб мне еще продави своим пистолетом. Выстрелит, не выстрелит? Плевать. Отчего его лицо так вытянулось? За моей спиной что-то происходит? Не побледнел, позеленел даже. Обернуться, не обернуться? А вдруг это уловка? Я обернусь, а он мне пулю в затылок? Нет, что-то не похоже. Черт! Была не была. Вот те нате!!! Значит, это все правда?! Значит, Комиссия действительно существует? Двое. Когда они вошли? Лица не могу разглядеть, все плывет перед глазами... В черном до пола... Действительно, белый круг и буквы «ЧК»... Почему они молчат? Стоят и молчат. Никак не могу разглядеть лица, словно изображение не в фокусе. Или просто у меня переутомились глаза? Такое ощущение, будто долго смотрел на лампочку... Где они? Куда подевались? Успели уйти, пока я тут жмурился?.. Четко и ясно вижу: вечер, над домами висят три корабля, и даже не корабли это, а какие-то конструкции, выполняющие роль трансляционных установок или передатчиков. Все люди стоят в оцепенении и вдруг, ожив по единому сигналу, двинулись в одном направлении...

— Щербинин! Это переходит всякие границы! Я перед вами тут распинаюсь, а вы меня просто не замечаете. Вы где сейчас находитесь?

— Не кричите, я слышу. Я просто кое-что видел. Мне сейчас показали место контакта и трансляторы.

— Какие трансляторы?
— Огромные. Они висели над городом.
— Когда это произойдет?
— Точно не знаю. По-моему, сегодня вечером.
— Место, где это произойдет, запомнили?
— Да.
— Хорошо запомнили?
— Да.
— Назовите, где это...

— Сейчас, ориентируюсь... Я видел это из точки в районе перекрестка улиц Титова и 40 лет Октября, где-то там...

— Хорошо, очень хорошо. Вот мы и проверим, какой вы у нас контактер. Сейчас вас отведут в камеру, а вечером... Ловко вы себе организовали выход в город, ничего не скажешь. А вы, Щербинин, оказывается, хороший интриган.

— Да, я знаю. Но кто это ценит...

— Щербинин!..

Похоже, мой капитан раздумал меня расстреливать.

— Щербинин!.. Охрана!.. Уведите его! Быстрее, сволочи!

Что за решеткой, вечер или утро? Пусть будет вечер. А мужчина из ФСБ контакта хочет. Откуда ему знать, что настоящий контакт не устанавливается с первым встречным. Да, обращаются ко всем, и не единожды, в течение жизни несколько раз. В снах мы попадаем в какие-нибудь фантастические ситуации... А затем изучается реакция на обращение... И полное тестирование прохо-

К ЮБИЛЕЮ ЕВГЕНИИ СТЕРЛИГОВОЙ

Владислав Крапивин, «Сказки Севки Глущенко»

дят не все, далеко не все. И для каждого — свои тесты. Страшная вещь — тестирование. Сколько тестов у меня было, и все построены на крайнем стечении обстоятельств. Такое в жизни-то не всегда может случиться. После некоторых тестов за себя не то что стыдно, руки наложить хочется. Вся подноготная наружу вылезает... Вспомнить самый-самый тест? И хотя они все самые-самые, но этот запомнился очень уж хорошо.

Обычный шел сон, обычный, трудно запоминающийся сумбур подсознания, и вдруг врезка — я и отец сидим в какой-то избе за столом. И, главное, мысли в голове четкие, ясные, каких и при бодрствовании не бывает. Сидим с отцом за столом, якобы пьем водку. И тут очень четкий мужской голос говорит мне:

— Убей отца.

Я недоуменно думаю: «Как так — убей?!»

— А вон, на стене ружье висит. Отправь отца в погреб за помидорами, он спустится, а ты стреляй. Выстрела на улице не услышат, ты же в погреб стрелять будешь.

Я говорю:

— Батя, достал бы из погреба помидоров.

Батя, ни слова не говоря, спускается в погреб и ищет там помидоры, я слышу, как банки звякают. Беру со стены ружье, подхожу к погребу и тут только включаюсь: «Что же я делаю!» А что-то толкает меня: «Стреляй. Выстрела не услышат». Я заглядываю в погреб. Вижу батину спину, он банки перебирает. Точно, выстрелю — никто не услышит. Но тут опять спохватываюсь: «Что же я творю?!» С огромным трудом отхожу от погреба, прямо заставляю себя отойти. Сажусь за стол. Вылезает батя с банкой помидор, садится напротив. Я ему и говорю: так, мол, и так, папаня, чуть я тебя не убил, и все рассказываю. Он смотрит на меня и отвечает: «Молодец», наливает себе и мне по полному стакану, опять глядит в глаза и произносит:

— Ты прошел тест. Давай выпьем.

Я пью водку, чувствую ее терпкий вкус, и наступает конец врезки, и дальше — обычное состояние сна.

Этот тест я прошел. Но были тесты, в которых мне за себя стыдно. Не буду, не хочу их вспоминать. Лучше вспомню про книгу.

Книга начала появляться, когда я серьезно увлекся литературой. Книга, как и альбомы в детстве, появлялась на фоне черной бездны. Толстая такая, солидная, весьма древняя по внешнему виду. Она медленно раскрывается. Язык, на котором написана книга, мне совершенно не известен. Знаки крупные, странные. Смотрю я в нее с небольшого расстояния и вроде улавливаю смысл написанного, вроде что-то понимаю. А начинаю приближать к глазам, как обычно книги читаю, ну ничего не могу понять, хоть убей. Какие-то загогулины, закорючки, смысл как бы рассыпается на осколки. И я всматриваюсь в эти значки и мучаюсь от собственной бестолковости. Иногда

вместо книги перед глазами несколько строчек текста, и мне ясно, о чем в них говорится. А начинаю разбирать текст на предложения, на слова, текст разбивается на отдельные буквы, и ничего не могу понять, и все начисто забываю. Буквы тоже непростые, они распадаются на отдельные элементы, и у меня не хватает мозгов собрать значения каждого элемента в единое целое.

А потом я стал с НИМИ летать. Сначала с НИМИ, потом научился один. Однажды я ИМ сказал, что вместо того, чтобы «стегать» мои мысли, показали бы что-нибудь. Лети, сказали ОНИ, и я полетел. ОНИ не объясняли, как это делать. Просто сразу и полетел. Огромные расстояния преодолеваются неувловимым скачком. Иногда есть ощущение полета, чаще нет никаких ощущений. Чаще даже не догадываешься, что летишь, кажется, будто висишь в звездной бездне, пока не спохватишься, что уже огибаешь какую-нибудь планету или звезду. Можно очень близко подлетать к звезде. Можно войти в атмосферу планеты и летать над самой ее поверхностью, но защитное поле объектов не позволяет ни к чему прикасаться. Когда надо преодолеть огромную толщу пространства — бывают огромные области пустоты — тогда приходится концентрировать усилие в нужном направлении.

Один раз я летел с НИМИ очень далеко. Это вообще не у нас происходило, даже не в нашей метagalactic, чудовищно далеко от Земли, так что ОНИ меня предупредили, чтобы я не отставал, не выпускал ИХ из вида, а то могу потеряться. И я потерялся. Мы летели, ОНИ впереди, я за ними. Чувствую, что очень далеко летим, и энергии моей маловато, чтобы поддерживать скорость и направление полета, и тут же и отстал. Вишу один в пустоте. Вокруг ни огонька, и не знаю, что делать. В одну сторону ткнулся — края пустоте не видно, в другую — та же история. Не знаю, куда лететь, не могу сориентироваться. Конечно, куда-нибудь я бы прилетел, но как бы я потом отыскал свою метagalactic... И тут появился слабенький лучик мысли — «Где ты?». Это ОНИ меня искали. «Здесь я!» — ору чуть ли не благим матом в ответ. И вот далеко-далеко сначала маленький-маленький огонек зажегся, и вот это уже два ослепительно белых шара. И дальше я лечу за НИМИ, как на привязи. И вот мы куда-то выбрались.

Позади нас этот чудовищный провал пространства, перед нами группа из десяти-двенадцати звезд, и далее опять тьма без единого огонька. На Земле покажи мне любые звезды, я их просто не узнаю, не то чтобы сказать, видел я их раньше или нет. А здесь я ясно понимал, что именно вот эту группу звезд я вообще никогда не видел. Летим дальше, говорят ОНИ. А меня заинтересовали несколько звезд — пять или шесть — выстроившиеся, как по линейке, одна за одной.

— Вот цепочка звезд. Там красный гигант. Давайте туда, — предлагаю я.

— Там полигон, там твое появление нежелательно.

— Почему? Мне кажется, там есть что-то интересное.

— Будь по-твоему, летим туда.

Бросок, и передо мной медленно движутся какие-то плоскости, отливающие мягким желтовато-коричневым цветом. Плоскости меняют положение в пространстве, и я понимаю — это фигура человека. Гигантская фигура. Колени подогнуты, руки согнуты в локтях, словно космонавт спит в невесомости. Но какой огромный! Потрясающе огромный!

— Кто это? Или что это?

— Это — человек, обобщенная модель человечества Земли. Модель действующая.

Фигура плавно поворачивается. Как будто манекен, лысый череп. И вот уже видно лицо. Лицо искажено в страшной гримасе. Кошмарное, ужасное лицо. В дикой злобе выпучены глаза.

— Хватит. Больше нельзя, — говорят ОНИ.

Мы опять вдаль от цепочки звезд. Горошиной кажется красный гигант.

— Почему у него такое ужасное лицо?

— Таков оригинал.

— Вы хотите сказать, это лицо всего человечества?

— Ты же сам видел. Не узнал?..

Я многое видел. Однажды даже наблюдал, как американцы выводили на орбиту свой космический телескоп... А однажды я прямо спросил ИХ:

— Покажите, откуда Вы, какая у Вас планета, как она называется? У нас тут в газетах контактеры всюду расписывают планеты своих «гостей». А я ни черта не знаю.

Тотчас передо мной возникло космическое тело. Это был планетоид, абсолютно черный, потому что мы находились на теневой стороне, и еще потому, что ледяной панцирь планетоида покрывал толстый слой космической пыли. Был виден краешек большой планеты. Как я понял, это был Юпитер.

Мы летим над глыбами черного льда.

— Это Ио? — спросил я.

— Пусть будет Ио, не имеет значения. Мы называем это Л...

Наяву я никогда не могу вспомнить названия планеты, одна лишь буква «Л» торчит в памяти. Вдруг впереди нас возникает гигантский яркий желтый протуберанец — выброс газа из-под ледяного панциря через трещину. Мы влетели в пещеру, уводящую вглубь, под лед, и через некоторое время оказались в океанской толще, пронизанной янтарным светом.

— Смотри. Здесь мы... (было сказано: то ли живем, то ли существуем временно, как на перевалочной базе; многозначность ИХ слов меня частенько озадачивала).

Я увидел белые плавные конструкции сооружений, пронизывающих всю толщу океана. Дна я не видел, но

оно меня и не интересовало. Мне было тепло, светло, приятно и еще как-то пикантно уютно здесь, в янтарном океане сжиженного газа. Мы опять оказались в пещере. Я видел звезды, стоящие у входа не то живые существа, не то механизмы, не то еще что. Я понял, что вход охраняется, но не понимал, от кого. И тут во входе появился светящийся желтый шар, он медленно двинулся в пещеру. Я не понял, что делала охрана. Безусловно, они что-то делали (это очень трудно описать), и шар вылетел вон.

— Кто это был? — спросил я. — Он очень походит на вас, с той лишь разницей, что желтого цвета и летает в одиночестве.

— Сложно объяснить, — был ответ. — Представляй себе, что видел бродячее хищное животное, это ближе всего к истинному смыслу.

Мы покинули пещеру и некоторое время летели над поверхностью среди черных ледяных скал и торосов. Вдалеке опять показался желтый огонь. Он блуждал между льдин. Мы остановились за большой скалой и наблюдали, как он пролетел мимо. На этом мое путешествие закончилось...

Одно из самых странных космических ощущений — ощущение того, что где-то в пространстве, помимо тебя, летит еще землянин. Один раз четко ощутил — летела женщина. Но я никогда никого не видел. А хотелось посмотреть, как мы выглядим в космосе. Себя я тоже не вижу, просто сгусток сознания...

Об-ба-на! А это что такое?! Контакт!!! Что-то новенькое! Неимоверно мощный канал связи, и сигнал невероятно чистый. И параллельно на меня идет второй поток трансляции, который я раньше просто не замечал, потому что... Потому, что он фиксируется другим уровнем сознания... Телепатическая связь очень похожа на радиосвязь?.. Луна. Небольшой кратер. Вроде ничего примечательного нет. Ага, в нем что-то происходит. Сиреневая вспышка по направлению к Земле. Вот оно — космический корабль! Я внутри, прохожу сквозь переборки, сопровождаемый световыми вспышками... Еще несколько звездолетов идут сюда из открытого космоса... Что-то затевается?..

Истошный лязг замка, грохот открываемой пинком двери. Вваливаются двое, мне незнакомых. За ними штатский. Да какой он штатский, он же говорил, что у него звание капитана... Здесь, что ли, будут допрашивать?.. Парни немногословны, завязывают глаза, выводят из камеры. Долго идем по коридорам. Выводят на улицу. Свежий морозный воздух, и я уже пьян.

Садят в машину. Куда-то едем. Машина много раз поворачивает. Останавливаемся. Снимают с глаз повязку. В машине, кроме меня, штатского и шофера, еще двое. Машина стоит на перекрестке улиц Титова и 40 лет Октября. Вечер. Тихо падает снег. Фонарей немного. Светофор не работает.

Штатский достает из-под сиденья мешок, кидает мне.

— Одевайтесь.

Мои шуба и шапка. Сохранили! Не пропили! Потеснись-ка, бараны, писатель одеваться будет.

— Выходим, — говорит штатский.

Выходим из машины. Двое вылезают следом. Штатский достает наручники, один браслет застегивает на моей руке, другой на своей. Рядом останавливается еще одна машина, из нее выходят четверо. Подходят.

— Куда пойдём? — спрашивают и смотрят на меня.

— Хоть куда. Да вот хоть по Титова в сторону ДК химиков прогуляемся.

Штатский осматривается, достает сигареты, закуривает, делает две затяжки и бросает сигарету в сугроб. Ну не жлоб ли с железными ушами, сам не хочешь курить, мог бы мне оставить!..

Разделяются на две группы, трое переходят на другую сторону улицы. Пошли. Штатский идет рядом, всматривается в лица встречаемых так, будто лет сто не видел людей. А может, он инопланетян хочет посмотреть? Дошли до дверей детской домовой кухни.

В вечернем небе беззвучно возникают звездолеты. Два дисковидных и один треугольный. Они проявились в вечернем небе, словно всегда там находились, прячась в его заснеженной темноте, и вот теперь стали видимыми. Они висят один над другим. Может быть, были и еще звездолеты, но в прямой видимости над домами видны только эти три. Первый диск висит достаточно низко, он медленно вращается, светится ярким желтым светом и, наверное, действительными своими размерами превосходит городской квартал. Несколько выше первого диска висит треугольный звездолет. Второй диск висит достаточно высоко и кажется просто светящейся желтой тарелкой.

Охранники окружили, выхватили оружие. Они, наверное, были единственными, кто успел среагировать на появление звездолетов. Все произошло настолько быстро, что основная масса людей и на улице, и в домах даже не успела что-либо понять.

С неба раздался голос, спокойный и приятный по тембру. Голос обращался ко всем сразу и к каждому в отдельности. Все прохожие остановились, прислушиваясь, и пошли туда, куда велел идти голос — на площадь у ДК химиков. В той стороне разливалось золотое сияние, и люди просто исчезали в нем. Со мной пока ничего не происходит. Голос слышу, понимаю, о чем он говорит, и понимаю, что меня это не касается. Моя охрана одеревенела, стоят столбами, выпучив глаза. Значит, для них своя программа. Дергаю за наручники штатского, машу перед глазами рукой — ему не до меня. В каком кармане у него ключи от наручников? Ага, во внутреннем. Открываю свой браслет и застегиваю на его свободной руке. О, это сладкое слово «свобода»! Каковы наши дальнейшие планы?

Появился мерзкий холодок под ложечкой, как бывает, когда солнечным днем вдруг наползает на солнце облачко, и холодная тень заполняет улицу, и появляется желание поскорее выбраться на открытое место, и ноги сами идут быстрее... Звездолеты в небе, свет фонарей, дома по обе стороны улицы, заснеженные деревья и даже люди, торопливо идущие в сторону ДК химиков — всё внешне не изменилось, только накрыла улицу некая плоскость, изогнувшаяся и нависшая, как тень очень широкого моста... Возник тоннель, или некий энергетический коридор. Темнота подступила к глазам и отступила, в мочках ушей появилось легкое электрическое покалывание.

У крыльца лежит складной десантный автомат — кто из моих охранников бросил. В сугробе еще один... А вон и пара пистолетов... Люди идут мимо, устремив взгляд в одну сторону, на оружие ноль внимания... И на меня тоже... Автомат — вещь в наши дни в хозяйстве нужная. Спрячем под шубу. Так, теперь что будем делать?

Темная волна накатила, отключив все мысли напроць. Зажатый стенами энергетического коридора шагаю куда-то в противоположную сторону от общего движения, и подгоняет меня какая-то сила, чуть ли не толкает в спину. Прохожу мимо троллейбусной остановки, мимо опустевшего базарчика, где бабушки торговали что чем... Товар разложен на ящиках, и все это добро караулит лишь одна бабка... Бери, что хочешь... Я же сто лет не курил! Взять сигарет?.. Коридор резко поворачивает к базарчику. Быстро проскакиваю под носом у мужика, тащившего на плече огромный мешок, останавливаюсь напротив бабки.

— Бабуль, угости сигаретой, денег нет...

Роюсь в карманах, вдруг что завалялось. Краем глаза замечаю, что прямо на меня молодая мамаша катит детскую коляску, посторонился, пропуская ее.

— Бабуль, правда, нет денег. Угости хоть окурком...

Бабка глядит куда-то мимо, словно в пустоту смотрит.

Куда она смотрит? Оглядываюсь. Да ведь она меня не видит! Меня не видит не только эта бабка, меня мужик с мешком не видел, мамаша с коляской... Я — невидим! Хороший подарок! Мне бы только одну пачку «Луча»... Кто-то стоит на другой стороне улицы, кто-то очень странный. И странность состоит в том, что его невозможно рассмотреть, он словно светится, весь исходит световой рябью, как экран телевизора, если нет приема программы. И этот некто тотчас исчезает, едва я успел отметить все эти его странности... Так-так-так... Опять четко обозначились стены коридора, и неведомая сила потащила меня куда-то.

Бегу через дворы, через заборы чуть ли не перепрыгиваю. Люди навстречу идут и идут, меня не видят. Не все идет. Попадаются стоящие в оцепенении, как мои

охранники, как бабка на базаре... Один вон сидит на корточках, обхватил голову руками, мычит что-то... Вот и Ленинский проспект. Отсюда видно, что звездолеты висят над всем городом. Перехожу с бега на быстрый шаг. Машины все стоят с включенными фарами. Повалил густой снег... Стены энергетического коридора растаяли. Здание ДОСААФ?! Окна моего бывшего офиса на четвертом этаже горят. Я понял!!! Мне дали шанс поквитаться!.. Должна же быть в этом мире хоть какая-то справедливость, хоть какое-то просветление... Перехожу проспект, автомат под поллой вселяет уверенность. Ничто не руководит моими действиями. Значит, я правильно понял? Вот сейчас войду я, вот и наступит хоть маленькое, но просветление...

Холл первого этажа пуст. И все здание, похоже, тоже пустое, все ушли... Вбегаю через две ступеньки на четвертый этаж, останавливаюсь перед дверью. Зачем-то отряхиваю снег с шубы... За дверью слышатся громкие голоса, тьнет сигаретным дымом, женскими духами и еще чем-то. Ты смотри, на них не действует?!

Дверь не заперта. В прихожей никого. Голоса из-за двери главного офиса. Сейчас будет сюрприз!..

— Всем привет!

Стою на пороге и демонстративно медленно расстегиваю пуговицы шубы.

За столом сидят две веселые поддатые дуры не первой молодости, курят, перед ними чашки с кофе, бутылка коньяка.

Так вот какими духами пахнет. Сегодня пятница. Конец рабочей недели, конец рабочего дня, расслабляемся...

Бывший мой личный шофер сидит за своим столом, у него стеклянные глаза. А мой бывший компаньон-подельничек стоит у раскрытого окна. За окном зима, а ему жарко, видите ли!..

— Здравствуйте, мужчина! — Дурам весело, они смеются.

— Привет, — говорит подельничек.

Опять накатила волна, меня качнуло, обдало мурашками. И что мне дальше делать?

Подельничек спокойно садится на подоконник.

— Мы как раз о тебе говорили.

— И что же?

— А то...

Это произносит одна из дур, произносит голосом моей жены. И тембр, и интонации... Оборачиваюсь. Взгляд необычайно магнетический...

— Информация для вас... — Ее зрачки из черных становятся ярко голубыми...

...Перрон вокзала в Ново-Алтайске. Людей на перроне не много. Бортников помогает моим подняться в вагон, прощается и идет к будке телефона-автомата. В будке невысокий полный мужчина в новой дубленке и норковой шапке, заткнув ухо пальцем, что-то надрывно

кричит в трубку. Бортников прислоняется к стене и ждет. Мужчина в будке Бортникова не видит и продолжает кричать в трубку телефона: «...Это жена Щербина!.. Да! Да!.. И дети с ней... Едут в одном вагоне со мной... У них билеты до Абакана... Да. Конечно. Если выйдут раньше — прослежу... Конечно... Встретите в Абакане? Хорошо. Да нет, не просплю. Ну, все. Поезд трогается. Я победил. До встречи!..»

Бортников бросает к дверям будки валявшийся неподалеку фанерный ящик и бежит к набирающему скорость составу. Мужик в будке кое-как открывает дверь и озирается, пытаясь понять, кто подпер дверь ящиком, и тоже устремляется за поездом.

Бортников догоняет хвостовой товарный вагон, прицепленный к пассажирским вагонам, вскакивает на площадку, протягивает руку и помогает забраться на площадку «звонарю».

— Фу, черт! Чуть не отстал, — говорит, отдуваясь, «звонарь». — Теперь до первой остановки придется здесь мерзнуть.

— А вы закуривайте, согревает. — Бортников достает из кармана фуфайки мятую пачку «Беломора».

— Да нет, спасибо. Я не курю.

— Тоже неплохо, здоровеньким помрете!

«Звонарь» на шутку не отвечает. Бортников закуривает, раскидывает ногами снег на площадке и садится на пол, прислонившись спиной к облупившейся вагонке. Промелькнули последние будки обходчиков. Вдоль линии потянулся подлесок. «Звонарь» поворачивается к Бортникову спиной и облакачивается на перильца. Бортников достает из-за пазухи старенький «кольт» и, не вставая, три раза стреляет в спину «звонарю». Обмякшее тело сползает на площадку. Бортников прячет «кольт» за пазухой, ногой спихивает труп и сам прыгает в большой сугроб...

Женщина отводит свои глаза, теперь они у нее вполне человеческие... Лоб, нос, губы, легкий наклон головы... Чудеса!.. Подносит к губам сигарету, легкая затяжка, выпускает дым... Сходство с человеком поразительное... Знаю, что среди нас живут наблюдатели, и ни разу ни одного не смог вычислить, пока вот так вот, лоб в лоб...

— Благодарю за информацию...

— Не стоит. — Улыбается улыбкой женщины, отправившей мужа в командировку и решившей провести время с интересными мужчинами. Наклоняется к подруге и громко шепчет ей на ухо: — А он ничего, да? Милочка, теперь он твой, продолжай.

Милочка улыбается уголками губ, явно кокетничая, медленно поднимает ресницы... Ее ярко голубые зрачки проникают сквозь все защитные барьеры моего сознания...

Зал ожидания Междуреченского железнодорожного вокзала. Моя жена сидит на диване, на ее коленях спит Настя, рядом нудит Женька:

— Ма-ам, давай не будем ждать, давай поедем на электричках! Ну что мы восемь часов будем сидеть, ну мам...

— На каких электричках? — говорит моя. — Отстань. У нас билеты на поезд.

— Ну давай купим на электричку.

— Ты лучше поспи. Или сходи в буфет, купи что-нибудь поесть.

— Ма-ам! Через полчаса уходит электричка до Абазы. Через три часа мы будем там. Пересядем на электричку до Абакана и через два часа будем в Аскизе. Мы с бабушкой так ездили. А тут за восемь часов помереть со скуки можно.

Моя задумалась, видно, что не может решиться, но все же говорит:

— На вот тебе денег, покупай билеты на электричку, а потом, когда купишь, сдай наши билеты на поезд. И потом купи в буфете булочек.

— Я быстро! — Женька берет деньги и билеты и убегает в кассовый зал...

Видение еще не исчезло, еще не рассеялся легкий туман в сознании, но со мной опять шутят:

— Мужчина, угостите дам хорошими сигаретами! У вас хотя бы зажигалка найдется?..

— Он у нас мужчина серьезный, он курит только «Луч», а прикуривает только от автомата...

Они смеются, а мне стыдно за «Луч», за свою беспомощную растерянность. Где моя недавняя решительность? Я же сюда зачем-то пришел? Ведь я что-то хотел... Ага...

Мой подельничек вальяжно разваливается на подоконнике и, разглядывая свои ногти, говорит:

— С чего ты вдруг решил, что я тебя «кинул»? С какой стати ты взялся судить?

— Ты думаешь, у тебя будет более высокий по ранжиру судья, чем я?

— Да.

— Ну, тогда еще раз погляди на меня и определи свой ранг.

— Кто тебе дал санкции? Ведь никто не давал? Так? Ты забыл, что уровней много, и ты можешь находиться совсем не на верхнем. Ведь можешь? Я прав?

Черт!!! Он не может знать о таких вещах!!! Он тоже?..

— Я прав, я знаю. И ты — знаешь. И к каждому имеет место свое обращение, и каждому надлежит выполнить свою задачу. А ты мне просто начинал мешать. Понятно говорю?

Это что же получается, он тоже?... И его уровень выше моего? Выше?!

— Тогда не мешай мне, не мешай нам. — Высовывается в окно, словно проверяет, как там идут дела.

— Ты же меня сдал... — хриплю. Такое ощущение, будто это не я говорю.

— Согласен. Но только потому, что ты забрался не

на свой уровень, и тебя надо было спасать. И не только тебя. Возвращайся туда, где был. И можешь психовать, сколько тебе вздумается, но отныне без санкции доступа тебе в мой уровень нет

— Санкции?

— Именно. Ты же судить-рядить собрался. Но санкций тебе не дадут. Твое время истекает. Ступай и завершай его. Прощай.

Я уже стою на крыльце здания. Снегопад усилился, и кажется, что окружающее пространство наполнено тихим треском ломающихся снежинок. Медленно перехожу на другую сторону Ленинского проспекта, иду, куда ведут ноги. Все еще перед глазами офис, два наблюдателя в облике замужних шлюх, о чем-то болтающие... По правую руку опять базарчик. Здесь две тетki в ступоре. Взять еще пачку сигарет?.. Какие бы выбрать, пока я невидим... Оборачиваюсь, смотрю на окна офиса. Теперь все окна открыты настежь, видны три силуэта. Все трое смотрят, куда я пошел?..

И вдруг крик в самое ухо:

— Чего тебе надо-то? Что ты хотел?

Тетка, елки-палки!.. Ей бы с таким голосом на парадах командовать...

— Ты что, глухой? Ору тут тебе, ору.

— Я — глухой?!

— Ну не я же? — возмущается, морща нос, торговка. — Дури обкурятся, как не знаю кто, наркоманы хреновы...

Отхожу в сторону. Тоннель, или что это было, исчез, прекратилось покалывание в мочках ушей. Что мне делать дальше? Слабость в ногах. Надо сесть, да вот хоть в сугроб... Два спецподовца бегут ко мне... Где мой автомат? Где-то у меня был автомат... Теряю сознание, отключаюсь. В голове шум. Воздуха вдруг стало не хватать...

Холодная вода льется на меня непрерывно. Комната допроса. Когда меня доставили? За столом подполковник, штатский и новенький — очень маленький, сморщенный какой-то человек, похожий на гриб сморчок. Сморчок показывает лист бумаги. На листе изображены три типа звездолетов. Два звездолета не похожи на те, что висели над городом, третий похож.

— Вы хорошо помните? — Голос у сморчка нервный и резкий. — Вы точно запомнили?

— Да.

Бог ты мой! Я же ничего не сказал о звездолетах, только подумал... О-о, как меня затрясло! Прямо-таки колотит в ознобе, и не от холодной воды. Передо мной темный! Настоящий! Оттуда!.. Озноб зверский... Мысли, воля подавляются, съедаются... Уйти в себя! Быстрее! Сейчас я тебя увижу в полный рост... Перед внутренним взором гигантское, ощерившееся черное лицо. Выбираю верхнюю и нижнюю защиту, лучами в глаза... Кто-

то вскрикнул... Но я-то вижу, мои лучи такому монстру не страшнее булавки. Ядро...

— Бейте его! Не давайте ему думать!..

Успеваю метнуть ядро...

— Он же нас уничтожает! Вырубайте его!!!

Страшный удар по затылку, лечу, не знаю куда... В пропасть, в бездну... Наползает плотный серый туман, откуда-то издали доносятся голоса... Вроде лежу... То ли везут, то ли несут... Вспышки света чередуются с тьмой... Слышу ясный голос: «Он совершенно здоров. Ни одного перелома, нет даже ссадин и ушибов...» А я и правда себя хорошо чувствую. Боль совсем ушла, совсем... Куда-то лечу, словно в пьяном сне... Мысли и ощущения не контролируемы... Опять голос. Что-то требует. Что ему надо от меня?

— Щербинин, вы готовы участвовать в переговорах?

Такой организации, которая за меня сейчас взялась, нельзя доверять вести переговоры с кем бы то ни было от имени всего человечества, достаточно того, что они сделали со страной... — Не пойму, то ли я говорю, то ли думаю, мой голос звучит вне меня.

— Щербинин, какими средствами воздействия на окружающих вы располагаете на сегодняшний день?

Каждый располагает и владеет именно теми средствами, которые заслужил, которые заработал в течение своей жизни; ибо то, что сделано и как сделано, человеку порой не видно, как не видна и степень вознаграждения за содеянное. Этим, пожалуй, и исчерпывается вопрос о справедливости. Иначе говоря, вопрошаю-

щий, оглянись окрест себя, осмысли, чем, какими средствами ты воплощаешь в жизнь свои желания, и ты поймешь, о чем сказано выше... — Эта мысль приходит как бы извне.

— Шутит, что ли? — говорит незнакомый голос.

— Вряд ли, его психика полностью подавлена. Он не может себя контролировать.

— Усилите дозу излучения и продолжайте дознание... Спросите его о его книгах.

— Щербинин, что вы думаете о книгах?

Что сказать о книгах? Кто их сейчас читает? Кто-то читает, если книги покупаются. Если вспомнить, у многих из моих знакомых, у кого мне посчастливилось побывать в гостях, я видел книги, соотношение будет примерно таким — 75 к 25. То есть, из сотни 75 семей книг не покупали. А читали они только в школе, и только учебники. Один мой знакомый даже заявил: все, читающие книги — снобы...

— Вы некорректно сформулировали ему вопрос. Спросите его о фантастике.

— Щербинин, нас интересует фантастика.

Фантастику я читал запоем. Библиотека, где я брал книги, мою фотографию как лучшего читателя (по карточке выходило, что я прочитал больше всех книг) отправил в Москву, на ВДНХ — я тоже стал достижением народного хозяйства. Дочь моя старшая, пока была маленькой, сказки на ночь слушала. Я ей и «Волшебника Изумрудного города» достал, и «Пиноккио», и «Чипполино», все то, чего в моем детстве в моем личном пользо-

К ЮБИЛЕЮ ЕВГЕНИИ СТЕРЛИГОВОЙ

Наталья Соломко. из сборника повестей и рассказов «Если бы я был учителем...»

вании не было. А сейчас смотрю, чем взрослее ребенок, тем меньше ее интерес к книге. Телевидение, видео — эти вещи полностью завладели ее сознанием. По школьной программе ребенок еще что-то читает, поскольку вынужден. Но я по себе помню, как я относился к вбиваемым мне в сознание идеям. Вообще, какой дурак, какой враг народа придумал вбивать в голову четырнадцатилетнего юнца философию умудренного жизнью пожилого человека? Аустерлиц и Бородино я знал лучше преподавателей истории, потому что мне было все интересно об этих битвах, и я все о них вычитал еще в третьем классе, и не только из «Войны и мира». А вот мысли Болконского, рассматривающего старый дуб, мне не интересны даже сейчас, да простит меня Лев Николаевич. А, например, «Преступление и наказание» я считаю лучшим в мире детективом, вот так...

— Щербинин, мы говорим о ваших книгах. Наша страна — самая читающая в мире, ваши книги прочитало много людей.

По поводу самой читающей страны — легенда. Самая издающая страна — да, но не читающая. Когда не было телевидения, видео, мультимедиа, книга была на своем почетном месте, и опять же только в высших слоях общества. Диккенс когда-то объезжал фабрики и читал рабочим главы своего нового романа. А я не могу читать Диккенса, уматывает он меня своим тяжеленным слогом, а на слух его воспринимать — боже упаси...

— Вы его постоянно не о том спрашиваете!

— Так спросите сами, кто вам не дает!..

— Щербинин, как автор, что вы хотели сказать в своих книгах в свете их воспитательной роли?

Интерес к литературе в мире упал до критической черты, за которой авторы перестанут писать, потому как не для кого будет писать. И действительно, зачем мучаться над писательскими изысками в пятистраничном описании пейзажа, если по ящику это просто покажут. А писательские характеристики героев, оценка их поступков, постоянная назидательность, дурацкая манера поучать... Что и говорить, лучше один раз увидеть. И вот очередная легенда — о воспитательной роли литературы... Да никого она не воспитывает, литература! Человек, состоявшийся как читатель, как личность, ищет у автора мысли, созвучные своим, или дальнейшее развитие своих мыслей и, не найдя, выбрасывает книжку...

— Несет какую-то ахинею.

— Да, товарищ капитан, сформулировали вы свой вопросик...

— Так мы ничего от него не добьемся. Прибор воздействует только на поверхностный слой сознания. Мы можем проникнуть на нижние уровни?

— Кто его знает. Это первые клинические испытания. На подбор параметров потребуется время.

— Тогда на сегодня достаточно. Приведите его в чувство. Продолжим дознание обычным методом.

— Прямо здесь?

— Допросная комната сейчас занята. Ничего не будем делать. Я с ним просто поговорю.

Серый туман и тьма... Резкий противный запах!.. Меня зовут, бьют по щекам... Кое-как открываю глаза. Сажу в светлой комнате с большими окнами, окна неторопливо кружатся, кружатся... Голова словно ватой набита... Возникает лицо. Узнаю своего следователя. Да, я слышу тебя. Да, я в порядке. Да, могу отвечать на вопросы.

Штатский берет стул, ставит его передо мной, садится на стул верхом и начинает рассказывать о том, что произошло минувшим вечером. Оказывается, связи с другими городами нет, оказывается, звездолеты висели над всем городом, почти все население вывезено этими звездолетами в неизвестном направлении, остались только они, новая власть, со своими сподвижниками, маленькая горстка сочувствующего гражданского населения, в основном пенсионеры, да часть уголовников, которых теперь пытаются вернуть назад в камеры. Даже безнадежных больных забрали и психов из психолечебницы. И спрашивается, что я думаю по этому поводу.

Мысли разбегаются, но надо собраться, надо сосредоточиться. Что я думаю? Я бы сейчас сам с удовольствием послушал тебя, капитан в штатском, что ты ощущал во время контакта, какие мысли бродили в твоей фээсбэшной головенке... Ну да ладно, я на допросе, а не в санатории, буду отвечать.

— Либо произошел отбор людей по не совсем понятному мне принципу, либо людей элементарно вывезли из района социальной катастрофы... И придется теперь новой власти самой, своими руками все начинать с нуля — строить холерные бараки и рыть выгребные ямы.

— Почему не забрали вас?

— Еще рано. Кто-то ведь должен за вами наблюдать.

— Это же нашествие, Щербинин! Неужели не понимаете? Это вторжение! Мы должны отстоять Землю, мы должны отстоять нашу свободу! Они давно через таких, как вы, готовили вторжение. Это они разладили наш хозяйственный механизм...

— Какую чушь вы несете!..

— Замолчите, идиот! Вы представляете, каким будет рабство? Мы должны отразить агрессию...

— Отражайте...

Он меня не слышит, он по инерции продолжает нестись вперед, продолжает излагать свой план, он уже знает и видит, что и как.

— ...Сплотиться всем народом и отразить. Будет трудно, будут жертвы...

— Опять жертвы? А без жертв нельзя? По-вашему получается, ОНИ только на нас, на российских, напали, так, что ли? Смешно!

— Ничего смешного не вижу. Территория нашей страны самая большая в мире, огромные запасы полезных ископаемых и прочих природных и человеческих ресур-

сов... Ничего смешного! А вот плакать вы скоро будете.

— Теперь у вашей партии такая, значит, концепция... Объединить, сплотить народ перед угрозой вторжения... Опять, как встарь, под руководством мудрого вождя, под руководством Великой Партии положим свои молодые жизни за колхозный трактор! Сами идите и кладите. У вас полное право распоряжаться собственной жизнью на свое усмотрение.

— А как еще прикажете поступать? Что будет с нами, оставшимися? Всех в дерьмо? К сохе? В рабство? В батраки? Обслуживать новую космическую элиту?

— И почему рабство? С чего вы взяли? Какие батраки? Вы о ком говорите?

— Я говорю о народе!

— Ах, даже вот так, о народе. А вы — в стороне, вы несколько выше? То есть опять возникают два списка — вы и народ. Тогда позвольте вас спросить, а чем же народ занимался до сего момента? Кем были все эти люди под вывеской «НАРОД»? Патрициями? И были до сего момента они максимально свободны и максимально счастливы...

— Вы меня неправильно поняли. Сегодняшняя власть повернулась лицом к народу.

— Власть повернулась лицом к народу, и народ увидел это лицо и ужаснулся.

— Оставим демагогию о народе, поговорим о главном. Я хочу, чтобы вы рассказали мне о своих контактах с инопланетянами. В принципе, я этого добивался со времени нашей первой встречи, но вы скрываете...

— Я ничего не скрываю. Мне нечего скрывать. Да это и бессмысленно, и бесполезно.

— Но тогда как? Почему? Почему ты, а не я? По какому признаку? — Закурил сигарету, помолчал. — Как давно это началось лично с вами?

— С детства. Все начинается с детства. Одни раскатывают в папиных лимузинах и строят рожи прохожим, чувствуя свою безнаказанность, а другие начинают летать во сне и наяву.

— Кто они?

— ОНИ — это... Гм... Я затрудняюсь ответить на этот вопрос, поскольку, когда я сам задал его, то получил следующий ответ: «Какая разница, кто мы и откуда? Что изменится, если мы скажем, что называемся так-то и так-то. Ты нас видишь? У тебя лично нет сомнений в нашей реальности? Мнения и знания других людей о нас нам безынтересны, поскольку не имеют решающей силы...» Рассказывать о НИХ все равно, что рассказывать человеку о соли, соль никогда не пробовавшему. Ну кристаллики, ну белые. А как описать вкус? Вот в чем морока. ОНИ присутствуют здесь, на Земле, ОНИ все видят, и можно сказать, что многое происходит с их ведома.

— Я понимаю. Все же что-то конкретное вы можете сказать? Описать их можете?

— ОНИ — это энергетические шары. Истинные раз-

меры указать невозможно, общую численность — тоже. Я имел дело с двумя. Это была постоянная пара, работавшая со мной. Два светящихся белым светом шара. Есть и желтые, но это хищники, как мне объяснили, когда показывали базу.

— База?

— Да, есть база. Здесь я могу говорить о более определенных вещах, по крайней мере, описать то, что видел, не так сложно. Опять же — астероид это был, кометное ядро, спутник какой-то планеты?.. Но проблема не столь существенна, поскольку знай я точный ответ, он едва ли кому в чем помог бы.

— Но почему ты, а не я?

— Как меня выбрали? Как вообще нас выбирают? Можно представить себе сапожную щетку, если не трудно. Щетина — это будто бы мысленные лучики, которые исходят от каждого человека в космическое пространство. ОНИ перебирают эти лучики, следят за их состоянием, и таким образом находят того, кто ИМ нужен. Кто ИМ нужен? Вопрос не ко мне.

— Землю контролирует одна цивилизация или несколько?

— Вокруг Земли крутятся семьдесят две или семьдесят четыре цивилизации. Число их нестабильно, поскольку одни прилетают, другие улетают.

— Что им нужно? Чего они хотят?

— ИМ нужна Земля, ИМ нужны мы — люди. ИХ не интересует идеология, ИХ интересует лишь творческая потенция человека, само творчество. Помните гегелевскую «троицу»: тезис, антитезис, синтез? ИХ интересует синтез. Строительство Вселенной — это творчество в высшем своем проявлении. Именно созидание. ИМ нужны творцы. И вот случилось так, что ИМ понадобился я. Только учтите, среди этих цивилизаций есть светлые и темные.

— А серые бывают?

— Серые — это мы.

— Скажите, а они воюют между собой — темные и светлые? Войны космические бывают?

— Впрямую, лоб в лоб светлые с темными сойтись не могут. Воюем мы, серые, светло-серые с темно-серыми, между собой... Я тоже задавал этот вопрос. Мне показали схватки хищных животных, взаимодействие между разными видами материи, какие-то природные процессы, и объяснили что сражений в прямом смысле этого слова на ИХ уровнях не ведется.

Штатский встает со стула, подходит к креслу, опутанному проводами, с закрепленным над спинкой шлемофоном, оглаживает шлемофон, хитро подмигивает:

— Вы, наверное, думаете, я фээсбэшник или бывший кагэбэшник. Нет, я только работал под их крышей... Вы слышали о психотропном оружии? Я им занимался. Разрабатывали кое-что интересное. А кагэбэшникам да фээсбэшникам сейчас не позавидуешь. Нам ведь изве-

стна вся их агентура, полные списки. В основном их расстреливают... Вас сейчас уведут в камеру, а вы, все-таки, подумайте о сотрудничестве с нами. У вас есть последний шанс сохранить себе жизнь...

Светлый гулкий коридор, спускаемся в подвал, ваны-лампы над головой. Кого-то несут на носилках навстречу. Кто-то толстый, руки свисают до пола, полчерепа снесено выстрелом... Бог ты мой! Задастый!!! Аркадий Абрамович!.. Свои пристрелили? Пауки в банке... Если я вырвусь, я всему миру расскажу о том, что здесь творилось... Скорее в камеру, чтобы не видеть этих де-генератов...

Кто это там пожаловал? Следователь? Неужто что-то случилось...

— Можете сидеть, Щербинин, я не формалист.

Измерил камеру шагами, попытался закрутить кран. Что-то сегодня произойдет. Так просто он не пришел бы. Я знаю!!! Предсказание сбудется сегодня! Знал, внутренне был готов, но ощущение неизбежности гнетет... Вся моя жизнь была, как затягивающаяся веревка. Я всегда оказывался в завершающей фазе, я всегда захватывал последний этап какого-либо процесса. И всё, что я ни делал, всё, что я ни начинал, всё обрубалось в самом зачатии. Всю жизнь меня загоняли в какие-то рамки, ставили в какие-то условия, попытки выйти за которые заканчивались сжатиями... И вот, сегодня будет последнее... В газетах напишут, от разрыва сердца...

— Скажите, Щербинин, а есть ли жизнь на Марсе?

— Марс мертвый. И уже давно. Что было раньше, я не знаю, не спрашивал. Планету иногда посещают, крутятся вокруг нее... Что делать на мертвой планете, в мертвой пустыне?

— А на Венере?

— На Венере жизнь есть. Странные существа, они живут в пяти измерениях, у них свой эволюционный путь, и они к нам не имеют никакого отношения... Я вам так скажу, самое интересное начинается за поясом астероидов. Юпитер, Сатурн, Нептун, Плутон и их спутники... Трансплутон, наконец. Очень необычное место...

— Еще одна планета?

— Это не совсем планета, как мы привыкли себе представлять. Там хранятся наши энергоструктуры, наши матрицы, как в холодильнике...

— Из ваших слов следует, что за нами ведется постоянный контроль. Но ведь они могут и бросить контролировать: эксперимент не удался, ничего не получается — не стоит и возиться.

Так-так, тешишь себя надеждой. Зря. Попробую объяснить:

— Человечество слишком далеко ушло в развитии от своего начала. Если бы процесс находился хотя бы на средней своей стадии, возможно, стало бы по-вашему, а сейчас... Это ведь не эксперимент, чтобы его мож-

но было прервать, это... Как вам еще объяснить, и не знаю... Это чем-то похоже на химическую реакцию, на беспрерывный производственный цикл.

— А я вот еще о чем думаю. Человек не может прожить без греха, человек слишком слаб, чтобы не совершить грех. И вы не безгрешны. Но вас и вам подобных почему-то выбрали. Значит, у вас есть возможность очиститься от греха. Что-то вам дается такое, что не дается другим. Молитва? Я не верю. Но продолжим... Хорошо, вы очистились. Но тогда, в моем понимании, очистившийся человек перестает творить в бытовательском смысле этого слова, а только изрекает ему одному понятные вещи, поскольку переходит в другое, нечеловеческое измерение, и мы перестаем его понимать. Он — как инопланетянин, другая психология, другие цели существования. Но трагедия заключается в том, что он будет там, а мы останемся здесь. Все останемся! Он — вознесется, а мы будем лишь свидетелями вознесения; даже не свидетелями, так — чепуховиной вроде релья на обочине дороги, по которой прошел путник... Касательно вас — решено привести приговор в исполнение.

— Когда?

— Наверное, скоро. Может быть, сейчас. Мы не нашли в Междуреченске вашу семью, не нашли в Абакане. А это была последняя возможность на вас воздействовать. Бить, пытать вас тоже бессмысленно, бесполезно. А так как на вас свет клином не сошелся, контактов много, то зачем тянуть?

— Вы пришли сюда для того, чтобы это сказать?

— Не только. Мне вас жалко, Щербинин Юрий Борисович. Ведь вы же умный человек. Писали музыку, стихи, прозу. Говорят, вы здорово рисовали. Если бы вы все это делали немного в другую, в нужную, скажем, сторону — вас бы озолотили...

— Все это я уже слышал...

— А жизнь так и не поняли. Ну поймите хоть сейчас! Власть в этой стране, в этом государстве будет принадлежать нам. Мы ее возьмем, эту власть, сами возьмем. И мы здесь будем хозяева. Мы — стальной поток. И все, кто живет в этом государстве, будут жить так, как мы этого захотим. К чему же все эти самопожертвования, показушный героизм? Проще надо быть, проще. А вас послушать, так прямо... голова от раздумий того и гляди разорвется.

— А вы рыбы поешьте.

— Что?!

— Рыбы поешьте, «что-что»... Фосфор помогает активизации мыслительного процесса.

— Не люблю рыбу.

— Заметно.

— Издеваетесь? Ну-ну. Недолго вам осталось... Иногда целый день думаешь, как бы вот так повернуть-то это все, чтобы без царапанья в душе, без слезливости

совестливой, без всего это интеллигентского хлюпанья носом...

— Что ж, это тоже своего рода творчество.

— ...И ничего не можешь придумать, прямо бараном себя чувствуешь.

— Я вас за язык не тянул.

— Вы мне надоели, Щербинин. На-до-е-ли, понятно!

Распахнулась дверь, в камеру ввалился подполковник, за ним двое спецподовцев. Наверное, они прямо с улицы, потому что на бушлатах и шапках еще блестит не растаявший снег. Подполковник снимает перчатки, здоровается со штатским, на меня не смотрит, как будто меня здесь нет.

— Все еще цацкаешься? А времени нет, поступил приказ сворачиваться. Не сработали твои штучки... Так что, кончать будем.

Штатский равнодушно пожимает плечами.

— Как угодно. Здесь?

— А где? Тащить его сейчас куда-то времени нет. Здесь будем. — Вынимает из кобуры пистолет, снимает предохранитель, кивает спецподовцам за спиной. — От-тараньте-ка его к стене.

Меня, как манекен, хватают под руки и отбрасывают к стене. От спецподовцев разит водкой, задохнуться можно.

Подполковник расстегивает ворот бушлата, задрав подбородок и скривившись, истово чешет красную шею.

— То ли заразу какую подцепил, гадство! Сегодня же баню организуем. А ты, инопланетянин хренов, не завшивел еще? Какая пуля больше нравится — пистолетная или автоматная?

Опять открывается дверь камеры, и входят Сморчок и мой охранник, знакомый Бортникова. Охранник остается у дверей, а Сморчок внимательно смотрит на всех.

— Уже начали?

Штатский кивает.

Сморчок подходит к подполковнику, тычет руку к пистолету.

— Дайте-ка мне.

— Стрелять-то хоть умеешь? — спрашивает, ухмыляясь, подполковник, но пистолет отдает.

Сморчок приставляет пистолет к виску подполковника и нажимает курок. Раздается сухой щелчок. Никто ничего еще не понял, а Сморчок жмет и жмет курок, боек щелкает и щелкает, а выстрела все нет. У подполковника округляются глаза. Сморчок выбрасывает пистолет в парашу и говорит со зловещим видом:

— Идиоты! Вы что, хотели его из огнестрельного? Идиоты! Во всем городе сейчас ни один ствол не стреляет!

— Сука! — Подполковник смотрит бешеными глазами на Сморчка.

Штатский в нешуточном смятении:

— А как же?... А как?

Сморчок глядит на него снизу и говорит сквозь зубы:

— Вешать будем. Неси веревку.

Штатский быстро, как цыпленок, кивает и, расталкивая всех, выбегает из камеры. Сморчок подходит, смотрит в глаза, а на самом деле заглядывает в мозг, и я отчетливо слышу его мысль: «Как и предсказано. Я только помогаю осуществиться... Тебе, между прочим, по-

К ЮБИЛЕЮ ЕВГЕНИИ СТЕРЛИГОВОЙ

Владислав Крапивин. «Болтик»

могаю, человек последнего круга! Ха-ха-ха...» Его сатанинский смех еще не затих, как уже отчетливо слышится другой голос: «Очень скоро тебя заберут», и два светящихся белых шара повисают посреди камеры, и я понимаю, что кроме меня их никто не видит.

— Зачем вы здесь? Спасать меня будете?

— От чего спасать?

— Ну как же, меня сейчас убивать будут!..

— Твой последний тест — испытание через смерть. Здесь, в этой реальности, твоя жизнь заканчивается. Всё, что тебе предназначалось, тобой выполнено, человек последнего круга. Твой цикл закончен, ты прошел свой земной путь. Через смерть надо переступить, как через порог. После ты вправе выбирать: остаться ли здесь, на Земле, чтобы участвовать в судьбе оставшихся, или уйти дальше, в Космос. Оба выбора будут правильны.

— А как же мои?

— С ними все в порядке. При любом выборе ты сможешь их часто видеть и помогать, являясь во сне.

— Постойте! А как-нибудь...

В камеру входит штатский, в руках у него веревка с уже готовой петлей.

— Готово!

Подполковник берет веревку, пробует на прочность и возвращает ее штатскому. Штатский поджимает губы и спрашивает у Сморчка:

— Ну, кто будет?

— Ты. — Сморчок не смотрит на штатского и начинает безобразно ковырять пальцем в носу. — Да-да, ты. Я выбрал тебя. Приступай.

Штатский нерешительно приближается, в глаза не смотрит, поднимает руки, чтобы накинуть петлю на голову...

Да, товарищ капитан в штатском, Цыля Фишман, думал ли ты раньше, что самолично будешь людей вешать? Ты, наверное, думал, что будешь всю жизнь отдавать приказы, а палачами будут другие? Темный выбрал тебя. И сейчас он тебя получит. И кто тебе сказал, что я, как овечка, покорно суну голову в петлю? Это же элементарно... Коленом в пах — вот ты и присел, а в этот момент петельку твою я у тебя очень даже просто забираю и накидываю тебе на голову, и затягиваю крепенько. Теперь я тебя элементарно валяю на пол, сажусь тебе на спину и продолжаю затягивать петлю... И никто меня от тебя не оттащит, пусть хоть запинаят, пусть хоть пристрелят... Ты хотел контакта, считай, что он не состоялся по техническим причинам... А пока твои коллеги трудятся надо мной, я и с Тёмным успею пообщаться... Сейчас я вам всем устрою последний бой... Где ты, Тёмный?! Вижу... Ну и харя у тебя, мощный ты у нас урод, ничего не скажешь — адское создание...

Между мной и Тёмным возникает некое рябящее, как испорченный телевизор, пятно.

— Предупреждение для обеих сторон. Поединок должен закончиться смертью одного из вас, — произносит бесцветный голос моего охранника, и пятно исчезает.

Так он из наблюдающих? Однако!.. Меня атакуют!.. Хорошо он меня ядром... А теперь я — ядро и лучи, еще ядро и лучи... Мощный, гад!.. Ага, покорежило тебя! Нака еще!.. Отступить решил, так ведь догоню... Огромное ядро навстречу, не успею увернуться... Попал-таки, дьявол!.. На глазах теряю защиту... Еще ядро!.. Пока я тут вожусь со своим... А это уже попадание в мозг!!! Долгая ослепительная белая вспышка... Не хватает энергии удержать сознание... Всё... Я умер, меня больше нет!.. Знакомые слова!.. Сопредельное пространство медленно сворачивается... Камера — она кажется глубоким колодцем, на дне которого вокруг меня копошатся подполковник и спецподовцы. Они пытаются оторвать меня от мертвого капитана фээсбэ, тень которого понуро следует за Тёмным Сморчком в нижние сопредельные миры... Наконец-то спецподовцам удалось расцепить мои пальцы, меня переворачивают вверх лицом, вижу свои глаза, в них уже нет жизни... Через повешенье, говорилось в предсказании... А вышло — не меня, а я... Вот и трагичней после этого вышние откровения...

Подполковник склоняется над моим трупом и кричит:

— Так он уже мертв! Ушел, тварь! Кто его убил, козлы?!

Спецподовцы отходят от моего трупа.

— Мы ничего такого ему не делали, били аккуратно...

Мелькает вся моя жизнь с первого дня до последнего, и я заново переживаю каждый миг... Вспышка, узкая и длинная, словно полоса холодной острой стали, отсекает меня от прожитой жизни...

Миры, миры, миры, как много их в этот раз, и необычайно, непередаваемо красивые, яркие, и мрачные, холодные, тусклые... Сплошной океан звезд — большой рукав галактики, и на его фоне, как бы нарисованный аэрографом, человек в полный рост, но все мое внимание устремлено только на лицо, сквозь которое спокойно просвечивают звезды. Рядом с первым поочередно возникают еще три фигуры, такие же прозрачные, как и первый, причем лицо последнего постоянно изменяется. Это представители совершенно разных цивилизаций, они рады мне, а я рад им.

— Человек, — говорит первый, — ты принимаешься в галактическое братство и восходишь на очередную ступень обучения.

Рядом возникают два ослепительных белых огня:

— Теперь ты свободен! Летим или остаешься?

— Летим!..

Татьяна СУВОРОВА

О «ЛЕГКОВЕСНОМ» ЛУКЬЯНЕНКО

Сергей Лукьяненко — лауреат «Аэлиты-99». И пока единственный писатель, получивший ее молодым (в 33 года). Реакция фэндома на это событие была разнообразной: от полного восторга до скривленных лиц. И до сих пор слышатся страстные уверения, что жюри голосовало не за качество, а за количество и легкочитаемость книг.

Последние две претензии у автору достаточно странны. Много или мало романов написано — это вопрос количества, а никак не качества. То есть здесь идет путаница в двух разных терминах. И она же видна во втором обвинении. То, что легко читается, что просто и ясно написано, но никак не то, что глупо. Для неумных произведений в русском языке существуют другие слова.

Да, в нашей культуре все еще бытует странное представление, что хорошее, умное произведение должно быть запутанным. Считается, что серьезный писатель — это тот, которого еле-еле могут понять только избранные единицы, владеющие эзоповским и прочими языками. Хотя, для того, чтобы придерживаться таких мнений, надо иметь очень много презрения ко всей основной массе читателей. (Между прочим, это литературное «простонародье» сейчас очень часто и образцовано не хуже, и читает не меньше, чем самоорганизовавшаяся «элита».) Странно, что это деление в последнее время просочилось и в фантастику — жанр очень демократичный по всем своим традициям. Но факт остается фактом: в фэндоме, вслед за мейнстримом, появилось нелепое мнение — о серьезных вещах

нельзя ни думать, ни говорить понятно. Самое характерное: как уже написано, сторонники этих взглядов не в ладах с русским языком, путают даже обычные понятия.

Но мы немного отвлеклись от темы. Претензии к Лукьяненко, если выразить их грамотно, сводятся к обвинению его в легковесности. Справедливы ли они? Давайте проанализируем два недавних романа писателя: «Осенние визиты» и «Ночной дозор». Почему именно их? Они показались мне наиболее удобными для этого разговора. Итак...

Мир «Осенних визитов» — мир, где исполнились желания людей. На Землю пришли призываемые измученным народом Силы: Добро, Знание, Творчество, Развитие, Сила, Власть. И, естественно, в противовес им прорвалась Тьма. Только в итоге погибли люди, а потом все вернулось на круги своя...

Что это — очередная «беспросветка»? Разговор об обреченности и опасности исполнения желаний человека? Стоп! Посмотрим повнимательнее на начальные условия игры, предлагаемой автором. И сравним их с реальностью. Например, люди желают прихода Добра... А как это видится большинству их них? Правильно: кто-то все устроит, сделает... Придет добрый барин, а сами мечтающие будут ему невероятно благодарны и начнут счастливо жить в пересозданной им стране. То есть люди сейчас, как правило, хотя бы приходят того, что они контролировать не будут — но что будет контролировать их.

Ну вот, у Лукьяненко и пришли вызванные варяги — княжить над

Землей, раз их об этом попросили. Только вот с первых шагов выяснилось, что баре добрыми не бывают. Эти Силы не могут ужиться между собой — каждой их них нужна полная власть (полный контроль). И полетели головы в разборках новых, уже нечеловеческих претендетов на власть...

Вы думаете, Добро осталось в стороне? Ошибаетесь: оно отлично подружилось... с Тьмой. И оно — то есть она, поскольку эта Сила явилась в облике женщины, — тоже не брезгует ни убийствами, ни зомбированием. Раз все делается для Великого Блага — все позволено. Знакомый девиз?

Да, Лукьяненко упоминает, что Сила настоящего Света не смогла прорваться на Землю. Но вот как раз в это верится слабо — также как и в ее давний и успешный (?) приход к Человечеству... Очень, очень убедительно об этом написано — и история не сохранила фактов, что этот прорыв (а не его попытка) был на самом деле; и описание способа этого триумфа... Вдобавок Сила, стоящая над людьми, пытающаяся причесать мир под свой стандарт, не может не нести Зло. Но уж очень хочется, видимо, верить, что есть кто-то, делающий за нас...

Итак, идет глобальная разборка. Катятся головы — и тех людей, кто послужил Силам в качестве Прототипов для тел; и совершенно посторонних... Действие динамично, интересно. Правда, герои малолюбопытны как личности. Но, с другой стороны, яркий, сильный человек и не вяпался бы в такую муть. Герои адекватны и себе, и ситуации. А та развивается вполне логично.

И не менее логично, что последнюю точку в ней ставит человек. Не супермен — нет, один из той разнообразной массы людей, что и спровоцировала все события. Осознание происходящего, несогласие с ним превращает Зарова в причину событий — а первоначально он был всего лишь каналом, по которому прошла в мир одна из Сил.

И вот последний из «варягов» — Развитие, принявшее облик мальчишки-подростка, — убито. И земляне впервые в истории оказались предоставлены сами себе — первые потому, что Силы уже приходили; и иногда одна захватывала одну страну, вторая — другую... Не осталось ни одного сверхдиктатора. Человек вызвал их — человек прогнал. И взамен получил свободу — то есть возможность двигаться по всем путям сразу, а не придерживаться одного, заданного извне.

Как, походит это на что-то глупое? Нет.

А в «Ночном дозоре» тема взаимоотношений людей и сил продолжается. Только автором сформирован треугольник «Человек-Добро-Зло». Кстати, подчеркну, что в романе показан именно треугольник, а не выбор человека между двумя полюсами мира. Равноправие любого отдельно взятого гомо сапиенса и двух великих противоположностей Земли — с этих позиций в «Ночном дозоре» рассматриваются все ситуации, в которые попадают герои.

Действие опять происходит в нашем мире, в современной Москве. Только к ней добавлена «подводная», невидимая большинству землян часть: магии, оборотни...

Некоторые люди могут входить в Сумрак (нечто вроде другого измерения). И он с первого раза превращает их в Иных. Причем Иной может быть либо Темным, либо Светлым; а колебаться между Добром и Злом способен только обычный человек.

Но с первых же страниц Лукьяненко начинает ломать эту отлично знакомую читателям схему Великого Противостояния.

Войны между Добром и Злом чуть не уничтожили планету. И для ее спасения было... заключено перемирие. Каждая из сторон ввела свою деятельность в жесткие рамки. Вампирам, например, выдаются лицензии на охоту за людьми; светлого мага, самовольно убивающего Темных, ждет казнь. Статус-кво, короче говоря. Естественно, каждая сторона старается его нарушить — но так, чтобы на этом не попасться. При этом добро способно породить появление Ленина; а упырь по-своему влюбляется в назначенную ему жертву. Злоупотребление же спиртным бывает у обеих сторон...

Хаос и неразбериха, отлично узнаваемые по реальной жизни. И при этом автор все время подчеркивает: Добро и Зло несовместимы, Сумрак оставляет человеку возможность видеть только одну сторону Истины (опять Сила, не способная терпеть конкурентов, помните?).

Такая позиция может показаться непоследовательной. Но впомним авторское определение Тьмы и Света: для себя — для других. Так что все получается логично: обе эти крайности могут нести Земле что угодно. Пример маньяка-святого, ради Человечества убивающего всех «несознательных» людей, уже стал хрестоматийным. Менее известно, что исключительно ради своей, четко просчитанной, выгоды можно принести людям большую пользу. То есть реальная разница между этими полюсами мировоззрения — это то, ценны ли для тебя люди, или ты просто грамотно просчитываешь их реакции (для своей пользы).

Грань действительно исключительно тонка — и не даром в романе обе эти позиции названы двумя половинами Истины. Потому что в мышлении и поведении нормальных людей оба эти мотива присутствуют одновременно. Да и в Иных у Лукьяненко — несмотря на их заявления — полюс, противоположный их основному, все-таки существует...

Но, в отличие от «Осенних вистов», отношения Челоека и ос-

новых постулатов Вселенной все-таки несоизмеримо более здоровы. Повторяю: даже в Иных все-таки присутствуют оба полюса. А самое главное: система «Человек-Добро-Зло» эволюционирует. И делает она это по инициативе людей. Они — главнее. Новое поколение Светлых уже неудовлетворено настоящим состоянием Добра. Они хотят его изменить, улучшить — и сделать это в соответствии со своими взглядами и мнениями. Они уже искренне дорожат хорошими отношениями с некоторыми из своих антагонистов. Они устали от всех «перелестей» и паритета, и вечной войны без победы. Они говорят об необходимости изменить ситуацию и на планете, и в своих жизнях.

Лукьяненко не говорит, хотя бы перемен Темные. Но в эпиграфе к роману указано, что рукопись служит и делу Света, и делу Тьмы. Значит... значит, по мысли автора, есть то, что стоит над обоими понятиями. И это нечто — Жизнь. В конце-концов, ради нее кончились все крупные разборки Добра и Зла. Именно она делает так, что белый маг покупает торт, чтобы пригласить на чай семью вампиров. А глава московских сил зла спасает ведьму, которую любит — хотя ему гораздо выгоднее выдать ее Трибуналу... Жизнь — то, что управляет обоими противоположностями? Она — верховная суть Добра? По роману получается, что так. И, вдобавок, видимо, правильнее говорить не об одной, а в совокупности всех Жизней на Земле: и людей, и Иных. А есть ли верховная сила Зла, управляющая скачками обеих противоположностей? Об этом Лукьяненко не думает — видимо, потому что ему интереснее Жизнь...

Как по-вашему: похоже все это на жвачку для мозгов? А ведь оба эти романа читаются очень легко, имеют напряженные сюжеты. И неплохо раскупаются. И оптимизм позиции писателя тоже не мешает размышлениям (это к вопросу об «единстве» мышления и уныния).

То есть все-таки у «Аэлиты-99» — отличный лауреат!

ИНТЕРПРЕССКОН-99

Начало на 2-й странице обложки.

В 1999 году лауреатами «Бронзовой Улитки» стали:

По разделу «Крупная форма» — Лукин Е. Зона справедливости // *Одноим.* Авт. Сб. — М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 1998

По разделу «Средняя форма» — Щепетнев В. Седьмая часть тьмы // *Урал. Следопыт.* — 1998. — № 8, 9

По разделу «Малая форма» — Щепетнев В. Полощенная рыбка // *Время учеников-2.* — М.: АСТ, СПб.: TF, 1998

По разделу «Критика, публицистика, литературоведение» — Переслегин С. Цикл послесловий к 6-13 томам «Миров братьев Стругацких». — М.: АСТ, СПб.: TF, 1997-1998.

Лауреатами премии «Интерпресскон-99» стали:

По разделу «Крупная форма» — Лукин Е. Катали мы ваше солнце // *Одноим.* Авт. Сб. — М.: АСТ, СПб.: TF, 1997

По разделу «Средняя форма» — Дяченко М. И С. Горелая башня // *Империя.* — 1998 — № 1

По разделу «Малая форма» — Лазарчук А., Успенский М. Желтая подводная лодка «Комсомолец Мордовии» // *Книжн. Обзорение.* — 1998. — № 6

По разделу «Сверхкороткий рассказ» — Громов А. Быль о маленьком звездолете

По разделу «Критика, публицистика, литературоведение» — Логинов С. Русское фэнтези — но-

вая Золушка // *Империя.* — 1998. — № 1

Лучшим издательством в 1998 году признано издательство «АСТ» (Москва).

Лучшими художниками 1998 года названы С. Шикин (Санкт-Петербург) — за обложки книг и В. Мартыненко (Москва) — за иллюстрации.

Лучшая дебютная книга — Етоев А. Бегство в Египет; Эксперт по вдохам и выдохам. — СПб.: Геликон Пресс, 1998.

Состоялись многочисленные семинары и доклады. Одним из самых заметных и интересных был семинар «Фантастика в Интернете», который проводил главный редактор фэнсервера «Русская фантастика» Дмитрий Ватолин (www.rusf.ru) и руководитель сайта фантастики «Озон» Дмитрий Рудаков (www.o3.ru). Большой интерес вызвали доклады С. Логинова «Вариации на тему, или Подпоем Геворкяну» (о нашумевших сборниках «Время учеников» и «Время учеников-2») и Н. Романецкого «Пронзающая сердца. Или К вопросу о пост...изме» (о популярных направлениях фантастики ближайшего будущего).

Вечером шестого мая в лесу на берегу Финского залива состоялось торжественное открытие памятника творчеству братьев Стругацких. Памятник представляет собой бронзовый метровый болт с семигранной головкой и переменной резьбой. Авторы памятника известные питерские фэны А. Олексенко и Ю. Леухин.

Валерий Смолянинов

Итоговый список номинационной комиссии

КРУПНАЯ ФОРМА

- Васильев В. Охота на дикие грузовики, или Техник Большого Киева. — М.: АСТ, 1998.
- Брайдер Ю., Чадович Н. Между плахой и секирой. — М.: ЭКСМО, 1998*.
- Громов А. Год Лемминга // *Одноим.* Авт. Сб. — М.: АСТ; СПб.: TF, 1998.
- Дяченко М. и С. Пещера. — СПб.: Азбука, 1998.
- Кудрявцев Л. Черный маг; Долина Магов. — М.: АСТ; СПб.: TF, 1998*.
- Лукин Е. Зона справедливости // *Одноим.* Авт. Сб. — М.: АСТ; СПб.: TF, 1998.
- Лукин Е. Катали мы ваше солнце // *Одноим.* Авт. Сб. — М.: АСТ; СПб.: TF, 1997 (реально — 1998).
- Лукьяненко С. Звезды — холодные иг-

рушки; Звездная тень: Диалогия. — М.: АСТ, 1997-1998.

• Мирер А. Мост Верразано. — М.: ВАГРИУС, 1998.

• Михайлов В. Вариант «И». — М.: АСТ, 1998.

• Олди Г.Л. Черный Баламут: Трилогия (Гроза в Безначалье; Сети для Миродержцев; Иди куда хочешь). — М.: ЭКСМО, 1997-1998.

• Олди Г.Л. Я возьму сам. — М.: ЭКСМО, 1998.

• Перумов Н. Алмазный меч, Деревянный меч. — М.: ЭКСМО, 1998.

• Трусинковская Д. Шайтан-звезда. — СПб.: Азбука, 1998.

• Успенский М. Кого за смертью посылать // *Одноим.* Авт. Сб. — СПб.: Азбука, 1998*.

СРЕДНЯЯ ФОРМА

• Алферова М. Золотая гора // *Мега.* — 1998. — № 1.

• Буркин Ю. Пятна грозы // *Порог.* — 1998. — №1; ПИФ. — 1998. — № 1.

• Васильев В. Богу — Богово... // *Время учеников-2.* — М.: АСТ; СПб.: TF, 1998*.

• Дяченко М. и С. Горелая Башня // *Империя.* — 1998. — № 1.

• Етоев А. Бегство в Египет // *Одноим.* Авт. Сб. — СПб.: Геликон-пресс, 1998.

• Крапивин В. Взрыв Генерального Штаба // *Урал. Следопыт.* — 1997 (реально — 1998). — № 7.

• Лукьяненко С. Тени Снов // Лукьяненко С. Императоры иллюзий. — М.: АСТ, 1998.

- Перцева М. Сказочка // До света. — М.: Аргус, 1998.
- Тырин М. Истукан // Если. — 1998. — № 6.
- Щепетнев В. Седьмая часть тьмы // Урал. Следопыт. — 1998. — № 8-9**.

МАЛАЯ ФОРМА

- Вязников П. В королевстве далекой земли // До света. — М.: Аргус, 1998.
- Ген Мов Чен. Стуком полнитися земля // Порог. — 1998. — № 5.
- Громов А. Счастливая звезда // Если. — 1998. — № 1
- Дяченко М. и С. Трон // Если. — 1998. — № 9.
- Етоев А. Изгнание из рая // Время учеников-2. — М.: АСТ; СПб.: TF, 1998.
- Клименко В. Урод // Порог. — 1998. — № 1.
- Лазарчук А. Успенский М. Желтая подводная лодка «Комсомолец Мордовии» // Книжн. Обзорение. — 1998. — № 6. (Только для голосования по премии «Интерпрессекон»!!!).
- Логинов С. Автопортрет // Империя. — 1998. — № 1*.
- Олди Г.Л. Хоанга // Порог. — 1998. — № 5.
- Перумов Н. Выпаль железо из крови / Империя. — 1998. — № 1.
- Саломатов А. Праздник // Если. — 1998. — № 7.
- Хаецкая Е. Сентиментальная прогулка // Империя. — 1998. — № 1*.
- Щепетнев В. Позолоченная рыбка // Время учеников-2. — М.: АСТ; СПб.: TF, 1998*.

КРИТИКА, ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Арсентьев Д. Комментарий к произведениям Майкла Муркока // в кн. М. Муркок «Приносящий бурю», «Похитители снов». — СПб.: Северо-Запад, 1998*.
- Байкалов Д. Синицын А. Не так страшен черт... // Если. — 1998. — № 8*.
- Балабуха А. Игра в солдатики, или Исповедь междумирка // в кн. К. Като «Гнев небес». — СПб.: Северо-Запад, 1998*.
- Булычев К. Ощущение фантастики // Если. — 1998. — № 9.
- Валентинов А., Громов Д., Ладыженский О. Заметки об украинской фантастике // Порог. — 1998. — № 4.
- Вязников П. Лампы его рта // Если. — 1998. — № 7.
- Геворкян Э. Вежливый отказ, или Как и почему я не написал «Страну Багровых Туч-2» // Время учеников-2. — М.: АСТ; СПб.: TF, 1998.

- Гончаров В. Техноромантизм — новое течение в отечественной фантастике? // Урал. Следопыт. — 1997 (реально 1998). — № 8-9*.
- Кудрявцев А. Поэтический манифест «Заклинания как эталон поэтического» // Порог. — 1998. — № 3.
- Логинов С. Русское фэнтези — новая Золушка // Империя. — 1998. — № 1.
- Лукьяненко С. Игры, которые играют в людей // Если. — 1998. — № 2*.
- Переслегин С. Стратегия и тактика галактических войн // Если. — 1998. — № 8.
- Переслегин С. Цикл послесловий к 6-13 томам «Миров братьев Стругацких». — М.: АСТ; СПб.: TF, 1997-1998.
- Ревич В. Перекресток утопий: Судьбы фантастики на фоне судеб страны. — М.: ИВ РАН, 1998.
- Халымбаджа И. Фантастический самиздат // Если. — 1998. — № 9.
- Харитонов Е. За великой стеной; Страна Восходящей НФ: Цикл статей // Если. — 1998. — №№ 1-2.
- Чертков А. Роман с киберпанком // Если. — 1998. — № 6*.
- Шатилов В. Про книги: литературно-критические статьи. — Ростов-на Дону: ЗАО «Книга», 1998*.
- Шмалько А. Осознание вечности; Вымостка ада; Эхо Песни Господа: Цикл статей // Олди Г.Л. Черный Баламут. — М.: ЭКСМО, 1997-1998.

ИЗДАТЕЛЬСТВА

Азбука (СПб); Армада (М); АСТ (М); Северо-Запад (СПб); Центрполиграф (М)*; ЭКСМО (М).

ХУДОЖНИКИ (Обложка)

- А. Дубовик («Миры братьев Стругацких»), Е. Лукин «Катали мы ваше солнце», В. Васильев «Охота на дикие грузовики», О. Ларионова «Евангелие от крзга» и др. книги серии «Звездный лабиринт» и «Век Дракона»).
- Лео Хао (А. Бессонов «Наследник Судьбы», О. Дивов «Лучший экипаж Солнечной», В. Трапезников «Галактическая сарача», С. Иванов «Сезон охоты на ведьм»).
- Поярков С. (журнал «Империя»).
- Румянцев В. (А. Лазарчук «Кесаревна Отрада между славой и смертью», Д. Трусинковская «Шайтан-звезда», М. Успенский «Кого за смертью посылать»).
- Шехов С. (журнал «Если», № 3).
- Шикин С. (К. Черри «Воины заката», «Дети мрака»).

- Яцкевич А. (Г.Л. Олди «Сети для Миродержцев», «Иди куда хочешь»).
- Ангу (С. Лукьяненко «Ночной дозор»).

ХУДОЖНИКИ (Иллюстрации)

- Асадуллин В. (М. Муркок «Месть розы»; Т. Ли «Владыка смерти»; К. Бояндин «Осень прежнего мира», «Пригоршни вечности»; Собр. Соч. Р. Говарда)*.
- Ашмарина Я. (А. Измайлов «Шапочный разбор»).
- Гарин К. («Время учеников-2»; С. Иванов «Сезон охоты на ведьм», А. И Б. Стругацкие «Трудно быть богом»; Г. Кук «Тьма»; Г. Тертлдав «Мечи Легиона», «Император Крипс»).
- Колосовский А. (журнал «Мега» № 1).
- Кудряшов П. (А. Етоев «Бегство в Египет», «Эксперт по вдохам и выдохам»).
- Куприн И. (Г. Тертлдав «Похищенный трон», «Молот и наковальня»)*.
- Мартыненко В. (С. Лукьяненко «Линия грез», «Императоры иллюзий»).
- Печенежский А. (Ю. Горишня «Круг стихий»; Г. панченко «Число зверя»; Ф. Чешко «Не сотвори себе»).
- Поярков С. (журнал «Империя»).
- Тырин С. (М. Тырин «тень Покровителя», «Фантомная боль»).

ДЕБЮТ

- Борянский А., Лайк А. Анналы Радуги // М.: АСТ; СПб.: ea, 1997 (реально — 1998).
- Бояндин К. Осень прежнего мира; Пригоршня вечности. — СПб.: Северо-Запад, 1998.
- Дубов И. Распоротый. — М.: АСТ, 1998.
- Етоев А. Бегство в Египет; Эксперт по вдохам и выдохам. — СПб.: Геликон Пресс, 1998.
- Панченко Г. Число зверя. — Харьков: Рубикон, 1998.
- Полуниин Н. Цербер. — М.: ЭКСМО, 1998.
- Угрюмова П. Имя Богини. — СПб.: Азбука, 1998*.

* Позиция добавлена оргкомитетом.
** Позиция добавлена Б.Н. Стругацким.

Председатель номинационной комиссии Вадим Казаков.

Председатель оргкомитета Александр Сидорович.

Фото на 2-й стр. обложки.

Людмила ГУСТОВА

СТОЛИЦА ПУШКИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Святые Горы — взгляд в прошлое

В историю русской культуры Святогорский монастырь вошел не только как место, прославленное чудесным явлением икон Божией Матери, но и как последнее земное пристанище «первейшего поэта в России» А.С. Пушкина. Вскоре после его погребения Святые Горы превратились в своеобразную «литературную Мекку», куда устремились литераторы, художники и просто почитатели А.С. Пушкина. Многочисленные воспоминания этих паломников весьма любопытны. На их страницах оживает то, что сейчас уже во многом утрачено: нетронутая дивная природа пушкинских мест, неторопливая жизнь слободы Тоболонец. Да и сам монастырь тогда был несколько иным.

Давайте с помощью этих воспоминаний мысленно перенесемся в Святые Горы XIX века.

Одним из первых сюда приехал Д. Мацкевич. В своих «Путевых заметках» (1848 г.) он пишет: «...по мере приближения к Святым Горам, местность становится волнистее, разнообразнее, картиннее. На пароме мы переправились через Сороть, от которой до Святогорского монастыря оставалось верст пять. Пространство это покрыто лесами, полями и горами. Куда ни взглянешь — со всех сторон представляются картины самые живописные. Природа здешняя — гармоническое сочетание сурового севера и веселого, улыбающегося юга. Созерцание этой природы производит на вас действие успокоительное, примиряющее, услаждающее. Понятно, почему Пушкин любил этот край, и завещал похоронить здесь прах свой.

Что касается до монастыря, то лишь на рас-

Людмила Ивановна Густова. Заведующая культурно-массовым отделом музея-заповедника А.С. Пушкина «Михайловское». Псковская область, Пушкинские горы.

стоянии полуверсты мы увидели его кресты и купола: венчая густую зелень леса, они блистали в вышине, на беспредельном море неба. Обитель сия расположена на горах, среди диких, безмолвных лесов. По крутой, извилистой дороге мы подъезжали к древним стенам монастырским. Оглашая утреннюю тишину звоном нашего почтового колокольчика. Нас встретил во дворе монах и ввел в келью настоятеля, Игумена Вениамина, человека почтенного, приветливого и радушного. Он предупредил желание наше, и тотчас повел нас к могиле Пушкина... Благоговейно склонил я колени над прахом славного поэта; сердцу стало грустно, ресницы оросились невольными слезами... И долго стояли мы безмолвно, погруженные в печальные размышления...».

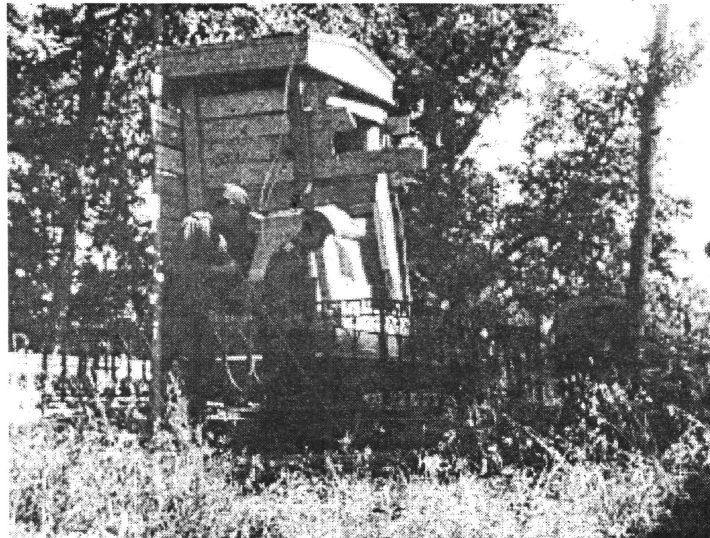
В 1856 году могилу Пушкина и Святогорский монастырь посетил профессор русской словесности в Дерптском университете Михаил Петрович Розберг. Он гостил у барона Сердобина в имении Александрово, которое расположено рядом с Голубовым — имением друзей поэта Вревских. Еще были живы Алексей Вульф и «тригорские барышни», от которых Розберг «слышал много любопытных подробностей» о Пушкине. Из Александрова он предпринял «поездку за 22 версты, в Святогорский монастырь, заключающий в ограде своей прах одного из самых вдохновенных певцов XIX века. Дорога туда загромождена холмами, поднимающимися чем ближе, тем выше, довольно заметными уступами, до стен обители, которой главная церковь стоит на крутой горе, обросшей с подошвы до вершины густою, дремучею чащею деревьев, осененных золотым заключением креста. В лучах вечернего солнца, он из-за темной зелени горел нам вечерним светом путеводной звезды... Мы прибыли в монастырь, когда почти уже стемнело... При наступлении ночного мрака, часу в 12-м пошел я бродить около обите-

ли, кругом ее ограды; храмовая гора воздымалась высоко над стенами; глухо, при легком ветерке, шумел лес, ее одевающий, качались ветки плакучих берез, чернели исполинские ели, и в их непроницаемой тени белелся, словно бледный призрак былого, обелиск, воздвигнутый над могилой творца «Онегина» и «Полтавы»! ...Глядя на смиренный мавзолей, я помышлял о том нетленном надгробии, которое певец предрек себе в потомстве, и которого не сломит ни вихрь, ни быстротечный гром, не сокрушит полет всеувлекающего времени. Могила Пушкина, осененная со всех сторон развесистыми деревьями, растущими в диком беспорядке, находится на самом краю обрыва горы, откуда открываются прелестные виды в неизмеримую даль, на окрестные поля и леса; вблизи, справа и слева, вырастают в землю подернутые мохом каменные плиты, с едва уже заметными надписями...».

В 1884-85 годах поэт К. Случевский сопровождает великого князя Владимира Александровича в его путешествиях по России. Они посетили город Остров и, минуя Новгородку, направились в Святые Горы и Михайловское, где их любезно принимал сын Пушкина — Григорий Александрович. Случевский вел подробные записи этих путешествий. Вот несколько строк из его путевого дневника.

«Часам к 6-ти вечера поверх густой зелени поросших лесом холмов, увидели мы купол и колокольню Святогорского монастыря, где похоронен Пушкин... Ровно в 6 часов вечера прибыл Великий Князь в монастырь. Обычная, многолюдная на этот раз ярмарка была на исходе; тысячи народа, расположившегося по крутым скатам Святогорских холмов, обильно поросших листвою высоких деревьев, вдоль крыш и крылец, лежащей у подножия монастыря слободы Тоболенец, неумолкаемым «ура» и киданием шапок приветствовали Августейшего Гостя: колокола гудели неумолчно. Его Высочество, выйдя из коляски, приблизился к монастырским воротам. Тут на носилках, готовая к походу, обставленная блестящи-

*Могила Пушкина в годы
Великой Отечественной войны.*

Фото из архива Музея-заповедника А.С. Пушкина

ми хоругвями, стояла икона Одигитрии и перед нею в полном облачении окруженный монашеством, архимандрит Николай. Яркое солнце горело на золоте иконы и ризах духовенства. Прослушав краткое приветственное слово, приложившись к иконе и осеняя себя крестным знаменем, Его Высочество, по обычаю народному, прошел под нею и направился в монастырь. Подъем по лестнице к церкви крут и высок; он идет все время под навесом и, так сказать, направляет идущего прямо в церковь. Отслушав молебен, Великий Князь посетил могилу Пушкина, находящуюся снаружи церкви со стороны алтаря, подле самой кручи монастырского холма. С одной стороны ее три абсиды церковные, с другой — три высокие липы, и широко кругом и далеко внизу — один из типичнейших и красивейших сельских видов наших... С могилы Пушкина Его Высочество прошел в помещение архимандрита, где ему представилось опочечное дворяство. В 7 часов вечера обедали мы на холме, противлежащем монастырскому: тут был раскинут шатер. Вид от этого места на зелень долины, холмы, на монастырь с его вековыми деревьями превосходный. Это, бесспорно, один из замечательнейших наших пейзажей. Его венчают главы монастырских церквей, его одухотворяет память Пушкина».

Приближающийся юбилей — столетие со дня рождения поэта, который широко отмечался в России, привлек особенно много паломников в пушкинские места. Среди них был педагог В. Острогорский. Ему посчастливилось увидеть Е.И. Фок, одну из младших дочерей Осиповой и беседовать с ней. Здесь же Острогорский познакомился с художником-передвижником В. Максимовым. Творческим и художественным осмыслением этой поездки явилась книга «Пушкинский уголок» (1899 года). Вот каким увидел монастырь и могилу поэта В. Острогорский.

«Чудной лесной дорогой, в виде длинной аллеи из высоких деревьев, засаженных, как говорят, Пушкиным, поехали мы из Михайловского в Святогорский монастырь.

Изданы доносился

из монастыря всеобщий звон, но самого монастыря еще не видно: он пока еще прячется на горе за густой зеленью. Но вот, наконец, показалась из-за лесу скромная колокольня и голубой купол, и по довольно отлогой горе въехали мы через ворота на четырехугольный небольшой монастырский двор. У самых ворот — особый, довольно большой флигель для церковно-приходской школы; далее кельи, службы и двухэтажный флигель, где живет игумен, отец Иоанн. Но его не оказалось дома, и мы по оригинальной, очень старинной, идущей вверх извивами лестнице, сложенной из крупных, поросших травой камней, поднялись на довольно высокую гору, где и расположено небольшое кладбище и церковь.

Тотчас же вправо от лестницы, первая могила с небольшим мраморным памятником, с образом Воскресения Христова и надписью: «Здесь покоится тело незабвенного строителя Святогорского монастыря архимандрита Геннадия». Ни года рождения, ни смерти — нет.

Рядом с Геннадием, прямо против алтаря, под обрывом осыпающейся горы — могила Пушкина. Теперешний памятник — небольшой простенький белый обелиск, выветрившийся и тоже покосившийся от времени, с кирпичным, поросшим травой подножием, окруженный простой железной решеткой.

Ничья заботливая рука, как видно, не прикасается к памятнику. Обелиск порастает травой, грязен и испещрен надписями посетителей, которые даже отметили на памятнике свои имена.

...Рядом с могилой поэта, слева, ветхая плита с почти стершейся подписью над могилой деда Пушкина, О.А. Ганнибала. Ни матери, ни отца Пушкина могил не сохранилось.

...Кстати сказать, по словам игумена и

многих других лиц, постоянное, хотя и медленное осыпание Святой Горы замечается с каждым годом все более и более, и если не будут во время приняты меры к укреплению горы, то неминуемое разрушение грозит не только могиле поэта и его родных, но и самому собору.

Богадельня с читальней — почти у самого монастыря тотчас же направо, по выходе из Святых ворот. Это — очень красивое, полукаменное здание с маленьким голубым куполом и крестом на крыше под маленькой с образом и неугасимой лампадой».

Другие паломники свидетельствуют о том, что «...многие, посетившие Святые Горы, обратили внимание на опасное положение могилы и стоящего на ней надгробного памятника. Гора, на которой расположен Святогорский монастырь, постоянно осыпается с краю, могила же поэта расположена как раз на краю, почему рано или поздно ей грозит разрушение». Предлагались самые фантастические проекты укрепления могильного холма. Писатель И. Щеглов, побывавший в Святых Горах в 1899 году, сообщает: «По сведениям, проникшим в газеты, Пушкинский капитал, собранный Псковским комитетом, достигает ныне ста тысяч рублей. Будут ли укреплять гору — неизвестно, но тысячу, что десятой фонда предназначены на устройство стеклянной часовни над могильным памятником поэта». И другой, весьма забавный эпизод, поразил писателя. «Гуляя около монастыря, на стене монастырской ограды нашел стихотворный отзвук пушкинской поэзии, принадлежащий руке какого-нибудь веселого послушника, очевидно вдохновившегося V главой «Евгения Онегина».

*Иван Абрамович Клюквин (1789-1877)
с оригинала П.Ф. Соколова
МОГИЛА А.С. ПУШКИНА
ПРИ СВЯТОГОРСКОМ МОНАСТЫРЕ
Конец 1830-х годов
Литография*

*«Весна... Послушник торжествуя,
С котомкой удирает в путь,
Его душа, свободу чуя,
Готова в высь улепетнуть».*

Отшумели официальные празднества пушкинского юбилея. И немногочисленные, но истинные паломники сокрушаются при виде запустения и неухоженности могилы Пушкина.

Так, в псковской газете журналист Эхин писал в 1909 году: «Грустно у могилы Пушкина. Торжественно-просвященное чувство, с которым подходишь к могиле великого писателя, при взгляде на нее исчезает. Стыдно и больно делается за то невежество и ту небрежность, с которыми мы способны относиться ко всему для нас дорогому.

Смотришь на памятник и видишь всевозможные надписи карандашом. Подходишь к ограде, которая поставлена перед 100-летним юбилеем Пушкина и которая стоит немало денег, — то же самое. На ней вырезаны всевозможные надписи и изречения.

Вероятно, вырезавшие думали запечатлеть свое невежество и глупость перед прахом писателя на долгое время.

Кому какое дело до могилы Пушкина?

Монахи что ли будут заботиться? У них нет времени на такие пустяки. У них все время уходит на молитву, да на откупоривание бутылок. Пушкин им интересен постольку, поскольку он служит источником презренного металла, который святые отцы со смирением кладут в свои глубокие карманы... Могилы Ганнибалов, которые находятся рядом с могилой Пушкина, уже начали проваливаться. Плита над ними накренилась, и под ней образовалась порядочная дыра».

Между тем, псковским пушкинским комитетом решено было укрепить откос горы и заменить попортившийся кирпичный цоколь надгробного памятника гранитным. В эту пору случилось оказаться в Святых Горах журналисту В. Фролову. Вот что он сообщил: «Небольшая группа рабочих в пять-шесть человек копошилась около этих сводов. Еще момент, и мы увидели на глубине не более одного аршина от поверхности земли переднюю часть дубового гроба с прахом гениального поэта! Самый гроб имеет темно-коричневый цвет настоящего дуба, и форма его несколько отличается от нынешней формы гробов. При погребении поэта гроб его был вложен в деревянный ящик, но от ящика остались, по словам рабочих, только несколько гнилых досок...

Гроб пролежал в земле, скрытый от людских взоров 65 лет и, при обычных почвенных условиях, этого срока было более чем достаточно для полного разложения. Но, очевидно, почва Святых Гор особенно благоприятна для

сохранения зарытого в ней, и только благодаря этому гроб прекрасно сохранился до 1902 года». И далее Фролов добавляет: «Могилы с видневшимся в ней гробом стояла открытой три дня и две ночи... Об исправлении могилы Пушкина не знали даже ближайшие к Святых Горам жители».

Рассказ о реставрации могилы поэта дополняют сведения журналистки Гаррис, автора небольшой книжки «Пушкинский уголок» (1923 г.).

«У арендатора Тригорского целый Пушкинский альбом... масса снимков Пушкинского уголка... На другой фотографии — раскрытый склеп и в нем гроб Пушкина. Сделан этот снимок писателем Щегловым, приехавшим из Петербурга с бароном Розеном и случайно оказавшимся в Святых Горах в то время, когда местный Пушкинский комитет, никого об этом не предупредив, произвел ремонт могилы поэта.

Пальмов мне рассказал, что дубовый гроб Пушкина сохранился в нетронутым виде и около него нашли даже кусок парчовой бахромы, отпавшей от гроба. Рабочий, выбравший из склепа мусор и камни, достал несколько гвоздей старинного фасона, вероятно, от ящика, в котором первоначально стоял гроб. (Подробности эти сообщил мне Пальмов, лично присутствовавший при вскрытии склепа в Святых Горах и получивший от Щеглова на память снимок открытой могилы).

Впечатления Гаррис от следующего приезда в пушкинские места в 1914 году носят лирико-философский характер.

«Мысленно пробежав жизнь Пушкина, нельзя без трепета вступить на «святую землю» Псковского уголка. Всякий, побывавший там, вероятно испытывал это чувство и унес в своей душе благоговейные воспоминания.

...Верст за восемь уже виден высокий шпиль Святогорской колокольни... Подъем к селу Святые Горы очень высок; колеса вязнут в мелком лесном песке, лошади с трудом тянут, затем показываются улицы, напоминающие уездный городок. Тележка, несколько раз обогнув гору, подъезжает к монастырю, против которого стоит небольшое деревянное здание — богадельня и народная читальня в память Пушкина.

...Монастырь необыкновенно красив. Он расположен на высокой горе: домики монастырские лепятся по ее склонам, а на самой вершине белый древний собор.

...Против алтаря бетонная площадка, тоже окруженная липами и кленами. Деревья старые, могучие; они тесным рядом стоят у самого ската горы, над крутым обрывом...

Мрамор памятника в некоторых местах уже покрыт трещинами; у цоколя кое-где пробивается трава, цветов нет.

...Но как ни грустна мысль об этой заброшенности могилы поэта, хорошо все же, что его прах покоится не на городском кладбище, а в старом монастыре, на просторе нетронутой природы.

Здесь не тревожат его вечный сон шум и суматоха большого города, здесь только птицы поют и шепчутся липы, да черемуха весной осыпает на белый мрамор памятника белые лепестки своих душистых кистей».

Столетие со дня гибели Пушкина в 1937 году отозвалось новой волной паломников к могиле поэта. В архиве музея-заповедника А.С. Пушкина хранится книга впечатлений о посещении Святогорского монастыря и могилы поэта в 1936 году. Вот наиболее интересные записи:

«Побывав на могиле А.С. Пушкина, были поражены, в каком заброшенном и разрушенном уголке находится эта, дорогая всем могила. Жаль, что монастырь, представляющий из себя такую интересную старину, доведен до полного разрушения, а не превращен в музей древности».

23.06.36

Педагоги ленинградской школы.

«Памятник величайшему поэту ничем не отличается (за исключением надписи) от памятника купцам и состоятельным людям.

Нет бюста у поэта, нет и его стихов. Неужели нельзя было выбрать из богатейшего наследства, оставленного нам поэтом, поэзии, близкой нам, дорогой, заставляющей снова и снова взволнованно перечитывать, и заставляющей нас чувствовать, что мы действительно находимся на могиле великого Пушкина.

Нужно сделать то, чего не сумела сделать Наталья Гончарова — поместить стихи у могилы.

В этих святых для русской литературы местах можно и должно создать храм памяти Пушкина».

31.07.36.

Состояние Святогорского монастыря в годы Великой Отечественной войны достаточно хорошо освещено в литературе. Приведем лишь несколько строк из книги Я. Хелемского «На темной ели звонкая свирель».

«...Огибая монастырский холм, я шел вдоль ограды, за которой теснились вековые липы.

...Сейчас небольшая часть северной стены была обрушена. Валуны и булыги размером поменьше валялись вокруг. Непросто было вырвать их из многовековых гнезд, вот так раскатать по обгоревшей траве крутого склона и забросить далеко за дорогу, перепаханную так, словно по ней прошлась разбушевавшаяся стихия.

...Главный взрыв готовился у самого подножия пушкинской могилы. Десять авиационных бомб, по сто двадцать килограммов каждая, было заложено в специально прорытом туннеле.

...Массивные плиты лестничных ступеней были расколоты. ...Вверху белели обезглавленные стены собора.

...В центре площадки стояло странное сооружение из досок, обнесенное старинной кованой оградой. Я понял, что это и есть памятник, только его обшили грубыми, широкими тесинами. На земле, у железной узорчатой ограды, лежали круглые мины, извлеченные саперами из-под грубой обшивки.

Капитан ...говорил, указывая на обезвреженные мины:

— Сюрпризы были тут подложены всюду. Заминированными оказались обе лестницы. Да и здесь вокруг могилы начинка имелась. Только вот на этой площадке обнаружено десять противотанковых и свыше тридцати противопехотных мин. Некоторые из них находились за дощатой обшивкой памятника. Специально закрыли его досками. Расчет был простой: начнем открывать — тут мины и ахнут... Ну, а сколько было сюрпризов на территории монастыря, еще подсчитываем. Не могу сказать, но, видимо, счет поведем не на сотни, а на тысячи.

...Сильным взрывом, видимо тоже специально рассчитанным, обрушило колокольню, разнесло соседний купол, пробило крышу.

Сорвался с высоты древний колокол, чей мощный и чистый звон любил слушать Пушкин. Весивший больше двух тонн, он раскололся. Остальные колокола ранее были увезены в Германию на переплавку.

Я посмотрел вверх. Круглое основание колокольни, кое-как опираясь на кирпичную осыпь, опасно скособоилось над израненным портиком. Рядом торчал барабан изувеченного купола.

...Но сами стены хоть кое-где и дали трещину и основательно облупились, все же устояли. Их надежная толща выдержала удар».

В тяжелейшие послевоенные голодные годы монастырь был восстановлен как архитектурно-художественный ансамбль уже в 1949 году (!), в память 150-летия со дня рождения Пушкина. В те «атеистические» времена директор музея-заповедника С.С. Гейченко задумал восстановить колокольню с колоколами. В архиве музея обнаружена его служебная записка.

*«Начальнику строительной конторы
Ленакадемстрой А.И. Востокову*

В 1948 г. Уполномоченным по делам православной церкви в Псковской области тов. Лузиным было выдано Дирекции Пушкинского За-

поведника разрешение на получение для Святогорского монастыря-музея нескольких колоколов из церквей области.

Эти разрешения были переданы дирекцией Заповедника Вам, часть колоколов была Строительной Конторой получена и перевезена на территорию Святогорского монастыря, так как проектом реставрации Собора предусматривалась навеска колоколов в звоннице собора-музея. Навеска этих колоколов не состоялась по независящим от Строительной конторы и дирекции Заповедника обстоятельствам и колокола не были переданы Дирекции Пушкинского Заповедника.

В связи с окончанием реставрации Собора и сдачей Пушкинскому Заповеднику, прошу Вас передать музею эти колокола или возвратить их по месту получения, уведомив о возвращении колоколов Дирекцию Заповедника.

С.С. Гейченко.»

Но даже ходатайство академика С.И. Вавилова не увенчалось успехом.

*«Академик С.И. Вавилов —
Председателю Псковского областного
Исполнительного комитета
т. Перегруды А.И.
28 мая 1949 г.*

Святогорский монастырь, где покоится прах А.С. Пушкина, восстановлен Ленакадемстроем после разрушения немецкими захватчиками точно в облике пушкинской эпохи, как историко-культурный памятник. Именно так восстановлена и колокольня монастыря. Восстановление колокольни нельзя считать законченным до подвески колоколов, представляющих собою неотъемлемую архитектурно-композиционную часть. Все колокола, полученные с Вашей помощью из недействующих ныне церквей Псковской области, очень старые (XVII-XVIII вв.). Колокола существовали здесь и до Великой Отечественной войны. Само собою разумеется, что подвеска колоколов преследует только одну цель: сохранение историко-архитектурного ансамбля и их использование не будет иметь место.

Академия Наук СССР считает подвеску колоколов необходимой и просит Вас со своей стороны дать на это согласие.

*Президент Академии Наук СССР
Академик С.И. Вавилов».*

Идею возвращения колоколов на колокольню Святогорского монастыря С. Гейченко удалось осуществить лишь спустя много лет. По словам очевидцев, в тот момент, когда последний коло-

кол был водружен на колокольню и звон полился над Святыми Горами, в небе над монастырем появилась радуга!

Исторический этап существования Святогорского монастыря, как важнейшей части музея-заповедника А.С. Пушкина, завершился передачей его Русской православной церкви в 1992 году. Тогда же у могилы Пушкина в присутствии Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II митрополит Псковский и Великолукский Владимир сказал: «Я хочу, чтобы мы сделали Пушкинские Горы — Святые Горы — столицей Пушкинской культуры».

Хочется надеяться, что это благое пожелание к 200-летию со дня рождения поэта осуществится.

К ЮБИЛЕЮ ЕВГЕНИИ СТЕРЛИГОВОЙ

Владислав Крапивин. «Валькины друзья и паруса»

Иван ПЛОТНИКОВ

ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ «КВАРТИРА» КНЯЗЯ ЛЬВОВА

С Екатеринбургом, как известно, связаны многие события бурных 1917 и 1918 годов общероссийского масштаба. Так, весной 1918 года здесь объявился и чуть было не погиб князь Г.Е. Львов, в руки которого, как главы Временного правительства, после отречения Николая II перешла власть в стране.

Князь Львов оказался в Екатеринбурге в марте 1918 года в роли заключенного Уральской областной ЧК. Что представлял собой этот человек?

Виднейший либерал, земский, общественный и политический деятель, Георгий Евгеньевич Львов родился 21 октября (2 ноября) 1861 года в Дрездене (Германия). Князь был потомком Рюриковичей (а по женской линии — и золотоордынского верховного хана). Крупный помещик. В 1885-м окончил юридический факультет Московского университета. Временно состоял в партии Народной свободы (конституционно-демократической). В 1903-1905 годах председательствовал в Тульской губернской земской управе, гласным которой состоял с 17 лет. Во время русско-японской войны — главноуполномоченный общеземских организаций по оказанию помощи больным и раненым воинам, затем — по борьбе с голодом. В 1905-м был избран в 1-ю Государственную Думу. Львов — один из активных участников переселенческого движения в Сибирь. С началом 1-й мировой войны — главноуполномоченный Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. Соучастник подготовки масонским руководством «дворцового переворота» — его прочили в премьер-министры, лидеры «раскачивания» царского

режима. В дни Февральской революции, со 2 марта по 8 июля 1917 года — председатель Временного правительства (а перед тем указом отрекавшегося царя был назначен председателем Совета министров), одновременно — министр внутренних дел.

Вот такая «крупная птица» оказалась в руках уральской областной чрезвычайки.

После подачи 7 июля в отставку князь удалился в Оптину пустынь. Октябрьский большевистский переворот не принял и, переменив имя, внешность (переоделся в солдатскую шинель), с семьей выехал в Сибирь. Остановился в Тюмени и некоторое время там проживал. Намеревался, как многие другие, преждать власть большевиков, не веря в ее прочность, или выехать за пределы страны через Дальний Восток. По его утверждению советским властям, имел в Зауралье и Сибири кооперативно-финансовые интересы и намеревался заниматься ими. С ним в Тюмени находились земские деятели князь А.В. Голицын и Н.С. Лопухин, приехавший позднее. Львов поддерживал связь и пользовался помощью молодого офицера-поручика Н.В. Заболотского, совершенно неопытного в конспиративных делах. Заболотский выяснял обстановку на железнодорожном вокзале, не однажды появлялся там и вызвал подозрения красногвардейцев. Его арестовали, и он практически сразу же сообщил чекистам о проживании в Тюмени князя Львова, назвал и адрес. В тот же день, 28 февраля (12 марта), были арестованы Львов, Голицын и Лопухин. Все четверо были доставлены в Екатеринбург и поступили в распоряжение облЧК. Их поместили сначала в 1-ю, затем во 2-ю Екатеринбургскую тюрьму, в которой сидели «политические». Там им суждено было коротать около двух с половиной месяцев. Конечно, центральной фигурой, интересующей чекистов, местные и центральные власти, стал князь Львов.

Высокопоставленный узник, как и его товарищи по несчастью, находился в сравнительно терпимых условиях. Один из чекистов, ставший вскоре охранником и участником расстрела царской семьи, — Г.А. Кабанов — вспоминал: «Львова, Голицына и Татищеву (мемуарист забыл назвать Лопухина, вместо кото-

Плотников Иван Федорович. Заслуженный деятель науки РФ, академик Академии гуманитарных наук, доктор исторических наук, профессор Уральского гос. университета. Автор более 600 книг и научных работ, а также научно-популярных очерков в нашем журнале. В 1998 году в ростовском издательстве «Феникс» (серия «След в истории») вышла его книга «А.В. Колчак: жизнь и деятельность». Живет в Екатеринбурге.

рого указывает графа И.Л. Татищева, привезенного в Екатеринбург из Тобольска позднее, 23 мая, и помещенного в ту же тюрьму. — И.П.) поместили в большую комнату, каждому предоставили хорошие кровати с мягкими матрасами, с новым постельным бельем, новые шерстяные одеяла».

Заклученным аристократам предоставили и режимные послабления. С наступлением весны им разрешили вскопать участок земли во дворе тюрьмы и выращивать зелень. Оставили, по крайней мере Львову, какую-то сумму денег на приобретение продуктов питания и приготовление пищи. В одной из тогдашних газет белых, а именно — «Сибирской речи» появилась публикация сидевшего в той же 2-й тюрьме работника железной дороги, не обозначившего своего имени. Этот наблюдательный человек указывал на доставку в Екатеринбург, сначала в 1-ю, а затем во 2-ю тюрьму Львова с товарищами, о предательском ограблении их в Тюмени, но не до полного очищения кошельков. «На деньги Львова возделывали огород. Львов готовил горячую пищу для всей группы. Помогали Лопухин, Долгоруков». (Князь В.А. Долгоруков был привезен в Екатеринбург из Тобольска 30 апреля вместе с четой Романовых, но помещен не в Ипатьевский дом — Дом особого назначения, а в ту же 2-ю тюрьму, в дальнейшем — убит). Львову довелось общаться и с епископом Тобольским и Сибирским Гермогеном (Г.Е. Долгановым), в последствии также убитым. Перевод из 1-й тюрьмы, где условия содержания заключенных были ужасающими, во 2-ю, более благополучную, и некоторые послабления были сделаны отнюдь не по милости местной уральской власти. Тот же бывший заключенный отмечал, что допросы князей велись с большим пристрастием и в издевательской форме: «на допросах главным образом издевались и насмехались над арестованными областной военной комиссар Голощекин и областной комиссар юстиции М.Х. Поляков».

Львову, как и другим, вменялись в вину контрреволюционная деятельность, подготовка заговора, в том числе в целях освобождения из заключения и царской семьи. Ирония судьбы: как глава Временного правительства он поставил подпись под его постановлением от 7 марта об аресте отрекшегося от престола императора Николая II и его супруги Александры Федоровны. Этим, собственно, и было положено начало гибели бывшего монарха, всей царской семьи. Она уже не выходила на свободу. И вот за решеткой оказался и сам либерал Львов.

В Екатеринбурге быстро формируется следственная комиссия по делу Львова и других. Сначала она состояла из облкомиссара юстиции М.Х. Полякова и председателя Екатеринбургского Совета, члена коллегии облЧК С.Е. Чуцкаева, затем, почти сразу же, в нее ввели облкомиссара снабжения П.Л. Войкова. Неофициально подключил к работе комиссии лидер уральских большевиков областной военной комиссар, а прежде — комиссар юстиции Ш.И. Голощекин. Несмотря на все усилия комиссии, особенно самого Голощекина, каких-то данных, признаний в контррево-

люционной деятельности Львов не давал. Речь шла лишь о торгово-экономических делах. Львов сообщал, что бывшие сослуживцы по Земскому союзу предложили ему создать «Общество содействия торгово-промышленному развитию в России» с правлением в Москве и отделениями в США и Тюмени. В связи с этим он выехал в Тюмень со своими сподвижниками, где и начал организацию дела. Его пытались уличить в связи с обществом «Русское дело», но он категорически отрицал вхождение в таковое. И действительно, среди многочисленных антибольшевистских организаций такового, как будто бы, не существовало. Впрочем, судя по мемуарам Львова и книге его биографа Т.И. Полнера, в рассматриваемое время князь отошел от политики и ни в какой организации не состоял.

Когда в Екатеринбурге допросы только-только начинались, в Москве через родственников и друзей стало известно об аресте бывшего главы правительства, выдающегося земского деятеля. В ход были двинуты влиятельные фигуры, вхожие в «святая-святых» большевизма — Кремль. Активную роль играли бывшие земцы, так сказать, сослуживцы Львова, возможно, и «братья»-масоны, ибо он в их организации состоял. Ключевой фигурой оказался некто Глазберг. Он вывел дело на адвоката Габриеля (в общении — Гавриил) Ивановича Хундадзе, вхожего и в наркомат юстиции, и во ВЦИК, и к Я.М. Свердлову. Московский присяжный поверенный, Хундадзе раньше служил в Земском союзе, хорошо знал Львова, как и Голицына с Лопухиным. Он взялся защищать всех четверых. Побывал у руководителей наркомюста П.И. Стучки, его заместителя, старейшего большевика, сподвижника В.И. Ленина П.А. Красикова, наконец, — у председателя ВЦИК Я.М. Свердлова, добился их срочного вмешательства в дело. На имя комиссара юстиции Полякова поступает телеграфный запрос о причинах ареста Львова и остальных, с недвусмысленным добавлением: «и в случае невиновности, принять незамедлительные меры к освобождению». Документ был подписан заведующим уголовным отделом наркомюста, но с указанием на то, что инициатива исходит от Свердлова. Телеграмма зам. наркома Красикова гласила: «Примите срочные решительные меры отмены произвольного ареста морским карательным отрядом в Тюмени Львова, Голицына, Лопухина к зачислению их за следственной комиссией и применению меры пресечения, соответствующей их деянию, о результатах срочно сообщите. За народного комиссара юстиции Красиков».

Уральским комиссарам никак не хотелось упускать из своих рук «крупную добычу». Пользуясь некоторыми противоречиями в телеграммах, как будто бы открывающейся надобностью в дополнительном расследовании, члены комиссии Поляков и Чуцкаев выехали в Тюмень, попытались собрать материал там. При всем рвении такового добыть они не смогли, разве что еще раз удостоверились в том, что Львов и другие в Тюмени проживали «без прописки», что им вменялось в вину и прежде.

Из Тюмени через Екатеринбург почти напрямик с той же целью в Москву выехал Поляков. Он намеревался получить «компромат» на Львова от старого большевика Н.М. Терешковича, долго работавшего в Земгоре. Но неожиданно услышал о либеральном князе самый лестный отзыв вообще и рассказ о том, что он подбирал сотрудников не по политическим, а по деловым качествам, и что он вообще помогал революционерам, преследуемым царизмом подпольщикам. Терешкович подтвердил, что Львов уехал на восток именно с целью заняться коммерцией. Сам Г.Е. Львов, сдерживавший эмоции, но возмущенный до глубины души обвинениями, особенно в антинародности своей жизнедеятельности, в пространной объяснительной писал: «Вся моя прошлая 30-летняя общественная деятельность по существу своему была непосредственным служением народу на почве не специфически политической, а на почве деловой строительной работы...»

Каждый находит в общем движении место, соответствующее его прошлому и его миропониманию и убеждению. Не все находятся на одних и тех же ступенях революционной лестницы... Я лично сошел с нее в тот момент, кот[орый] определялся моим прошлым и моей ответственностью перед моей совестью... и я спрашиваю себя: в чем же моя вина перед Родиной и народом, которому я служил всю мою жизнь...»

Между тем в ход была двинута «тяжелая артиллерия»: в Екатеринбург поступил личный запрос Свердлова, требующий срочного ответа и датированный 29-м марта: «Совдепу... Сообщите немедленно судьбе арестованных Львова, Лопухина и Голицына...»

Председатель ЦИК Свердлов».

В Екатеринбурге побывал Хундадзе, встретился с арестованными, оставил в делах комиссии «Заявление» как поверенный в делах четверых, убеждал властямущих на Урале в незаконности содержания в заключении ни в чем не повинных людей, в прошлом активных земских, общественных деятелей, как и молодого офицера.

Но даже будучи вынужденными подчиниться приказу сверху (Свердлова в том числе), уральские руководители с освобождением Львова не спешили. Они по-прежнему искали доказательства его «вины» и только в мае-июне пересмотрели свою позицию. Но все же, завершая следствие, они составили ложные обвинительные документы на всех четверых по отдельности с идентичным содержанием. Постановления были предъявлены подследственным. По ознакомлении с ними каждый написал, что с постановлением «ознакомился», но «виновным себя не признает». В этот день с них взяли подписку, что их «из-под стражи освобождают», они обещают выехать в Тюмень, откуда «без разрешения следственной комиссии не отлучаться».

Текст относительно Львова гласит:

«Постановление.

Г. Екатеринбург. 4 июня 1918 г. Ознакомившись с материалами, добытыми расследованием по делу Г.Е. Львова, Н.С. Лопухина, А.В. Голицына и Н.В. Забо-

лотского и считая вполне доказанными попытки некоторых лиц начать активную борьбу с большевиками путем создания по городам Сибири добровольческих дружин, Следственная Комиссия, образованная при Уральском областном Совете Р.К. и Ар.Д. определяет: гр-ну Георгию Евгеньевичу Львову предъявляет обвинение в пособничестве лицам, принимавшим участие в подготовке вооруженного выступления против советской власти, в пособничестве, выразившемся в ознакомлении и обсуждении сообществ в ознакомлении и обсуждении сообществ добровольческих дружин, в оказании этим лицам содействия для выполнения их планов, в командировании людей по городам Сибири для информации и разведки.

Члены Следственной комиссии

Бойков

Поляков

Чуцкаев

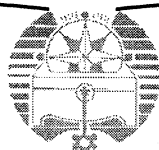
(подписи. — И.П.)»

Или в этот день, или еще раньше в Москву ушло сообщение:

«В настоящее время мера пресечения к вышеуказанным лицам изменена, они освобождены до суда».

Долго в печати и разговорах ходили слухи то о расстреле Львова и других, то об их побеге. Последняя точка зрения бытует и сегодня. На деле же Львов и другие и вправду были освобождены, формально «до суда», с подпиской о невыезде из Тюмени. Намекались ли уральские власти на самом деле через какой-то промежуток времени организовать суд над Львовым — не вполне ясно. Скорее всего, просто освободили, но сохраняя «честь революционного мундира». Сам Львов на такие вопросы отвечал, что «не знает как [это] и объяснить». Его биограф Т.И. Полнер позднее писал, что Львову помог «адвокат», а кто и каким образом, тоже не объяснил. Наверное, и такому честному человеку, как Г.Е. Львов, как-то неловко было рассказывать эмиграции о заступничестве за него большевистских вождей, когда летели головы сотен и тысяч аристократов, генералов, офицеров; было неловко подвергать себя расспросам и косым взглядам.

Из Екатеринбурга Г.Е. Львов незамедлительно уехал в Тюмень, к семье и там скрывался. В августе 1918 года оказался уже на территории, занятой белыми. В Омске встречался с представителями временного Сибирского правительства, получил от него, позднее, находясь уже вне России, и от Директории — временного Всероссийского правительства — полномочия. 23 сентября он был уже в Харбине, в октябре — в США, а позднее — в Париже. В конце 1918 года возглавил созданное им «Русское политическое совещание», претендовавшее на верховную российскую политическую власть, но в дальнейшем признавшее таковую за правительством А.В. Колчака. Во Франции организовал материальную помощь белоземцам и беженцам. Сам жил необычайно скромно — в одной комнате, страдая от тоски по России. Умер 7 марта 1925 года в Париже.

Александр МОИСЕЕВ

СИНЕГЛАЗОВСКИЕ ДРЕВНОСТИ

Синеглазовские курганы известны археологам с начала века. Здесь вели раскопки в 1906-11 годах «колумбы» челябинской археологии Н.К. Минко и С.А. Гатцук. Они исследовали более двадцати курганов, установив, что в этом некрополе древние челябинцы хоронили своих усопших с бронзового века до средневековья — около 2500 лет. Однако археологи не сумели проанализировать находки, начались войны, революция. В их пожаре сгнули Минко и Гатцук. Синеглазовские древности считались утерянными, лишь в последние годы они были обнаружены в Эрмитаже, Екатеринбурге и исследованы, как и полевые дневники раскопок. Были проведены дополнительные раскопки.

Анализ синеглазовских древностей показал, что самые поздние курганы были насыпаны в X-IX веках. Кто же в них покоится? По мнению археологов, мадьярские вожди. У древних ко-

Моисеев Александр Павлович. Писатель-краевед, один из составителей и авторов краеведческих сборников «Рифей». Живет в Челябинске.

чевников пояс — немаловажная часть одеяния, и не только потому, что на нем крепилось все, что всадник-воин носил с собой. Накладки не просто украшали пояса, как орнамент на посуде, их форма и узор были «паспортом» воина. Они говорили о его племенной принадлежности, верованиях. Особенно богатые пояса носили угры.

В курганах было найдено 35 накладок для поясных и подвесных ремней (бронзовые, латунные, серебряные); прямоугольные и арочные, с растительным орнаментом и насечками, луновидные и сердцевидные. А еще подвески: пять бубенчиком, одна полусферой, две в виде шляпки и виноградной кисти.

Из украшений особое внимание обращает на себя подвеска из динария Генриха I Германского — вот из таких дальних далей попала в Челябинскую округу монета. Каким образом? Вспомним походы гуннов, в чей союз входили и уральские угры. Кто-то из воинов, вернувшись, принес трофей — германскую монету. Непосвященные не обратили бы внимания на скромный узор поясных накладок в виде трилистника. Для археологов же это очень важная деталь — такая

племенная тамга встречается на накладках в захоронениях того времени в степях и лесостепях от Дуная (и за ним) до Алтая. Это племенной знак мадьяр, которые главенствовали в племенных союзах угров и самодийцев, это «герб» их вождей.

Кто знаком с геральдикой французских королей, обратит внимание на сходство угорского трилистника с «королевской лилией». Случайное совпадение? А может, и нет. Могло быть и так, что в жилах первой династии французских королей и текла кровь одного из мадьярских вождей, занявшего видное место среди франков. Мадьярские дружины, как и сарматские, были разбросаны после краха гуннской державы по всей Европе.

Угорские племена под своими названиями стали попадать на исторический горизонт в середине первого тысячелетия новой эры. Угорский котел кипел в зауральской лесостепи, выплескивая в Европу племя за племенем. В числе первых попали в исторические хроники сарагуры, оногуры и уроги. За ними в середине V века двинулись на запад савиры-сабиры (к ним относят название Сибири).

г. Челябинск

А. СКАЧКОВА

Л Е Г Е Н Д Ы СТАРОГО ВОТКИНСКА

Как-то, совершенно случайно, мне на глаза попались строки З. Гиппиус: «Можно ли писать о тех, кого встречал в годы ранней юности? Можно, только очень трудно. Юность занята собою, на окружающих смотрит вполглаза». Как ни горько это сознавать — утверждение верное.

Сразу после школы в 1980 году довелось мне поработать в Воткинском краеведческом музее, что явилось прекрасной «музейной» школой и очень помогло в дальнейшем. Рядом находились настоящие подвижники, беззаветно любящие свой город и его историю, — Ступишин В.Н., Чебкасова К.К. Эти уже немалодушие люди знали историю каждой улицы, почти каждого дома, многих жителей и умели рассказывать неторопливо с обилием «вкусных» подробностей. И я, тогда еще молодой «зеленый» сотрудник, ходила вместе с ветеранами «по адресам», записывала рассказы старожилов, что порой пропуская, торопясь. Теперь, спустя годы, работая уже в Музее-усадьбе П.И. Чайковского, понимаю, что была участником и свидетелем целой исторической эпохи. Каждый «адрес» — это своя жизнь, судьба, легенда.

Прошли годы, давно нет многих моих рассказчиков, а их «родовые воткинские гнезда» сменились типовыми многоэтажками... В память о старожилах Воткинс-

ка хотелось бы воскресить некоторые страницы этих мемуаров.

Надо сказать, что многие наши знакомцы свято верили, что их бабушки, дедушки были почти на «дружеской» ноге с Чайковским, не разделяя Илью Петровича — начальника завода и его сына Петра Ильича — будущего гениального композитора. Все бывали в гостях в «генеральском доме» — так собеседники по старинке называли музей П.И. Чайковского.

Аркадий Петрович Красильников, когда к нему приходили сотрудники музея, всегда подводил посетителей к стене, где висели старинные часы, и гордо говорил: «Моему отцу их подарил сам Чайковский!» (Вообще-то часы явно конца XIX века, но мы, не желая обидеть гостеприимного хозяина, согласно кивали головами).

Мария Ивановна Пьянкова, которой к моменту нашего знакомства «натикало» уже 87 годов, после своих рассказов о жизни старого Воткинска, очень, кстати, интересных и колоритных, доставала старый альбом и показывала карточку, на которой изображен осанистый степенный мастеровой со строгим сосредоточенным взглядом. «Это мой отец, — знакомила она дрогнувшим голосом, — он был садовником у Чайковских!» Правда, на фотокарточке стояла дата 1899-

й, к этому времени Чайковские давно уже покинули Воткинск. Отъезд их состоялся в 1848 году. Но даже самые легендарные рассказы воткинцев не лишены оснований. Отец будущего композитора с 1837 по 1848 год был горным начальником Камско-Воткинского горного округа, прекрасным администратором, талантливым инженером и просто добрым и отзывчивым человеком, на помощь и поддержку которого мог рассчитывать любой житель подчиненного ему округа. Он ратовал за просвещение и здравоохранение, строительство новых каменных домов для заводчан, и с его легкой руки в заводе было построено более 400 каменных и полукаменных домов. В некоторых из них до сего времени хранятся документы с подробным планом и подписью горного инженера Ильи Петровича Чайковского и заводского архитектора В.И. Петенкина.

Многие горожане прекрасно знают свои родословные, порой до 6-7 колена, гордятся своими предками, которые на протяжении двухсот с лишним лет работали на заводе — это династии Нельзиных, Гуциных, Варламовых. Прадед Николая Михайловича Варламова — Иван Дмитриевич, упоминается в списке мастеровых Камско-Воткинского завода, датированном 1837 го-

дом. Предки Варламова слыли в округе прекрасными кузнецами, и кто знает, может быть прав Николай Михайлович, утверждая, что четверку лошадей горного начальника подковывал его прадед Иван Дмитриевич.

«Легенды и действительность так переплелись, что уже невозможно «препарировать», наши воткинские былички. Это все равно, что резать по живому...», — отмечал старейший краевед В.Н. Ступишин.

А в заключение приведу отрывок из «Памяток» Константина Ивановича Васильева. Он задался вопросом, как давно в Воткинске зародилось стремление и любовь к музыке? И сам же, размышляя, отвечал: «Здесь придется припомнить обстановку, в

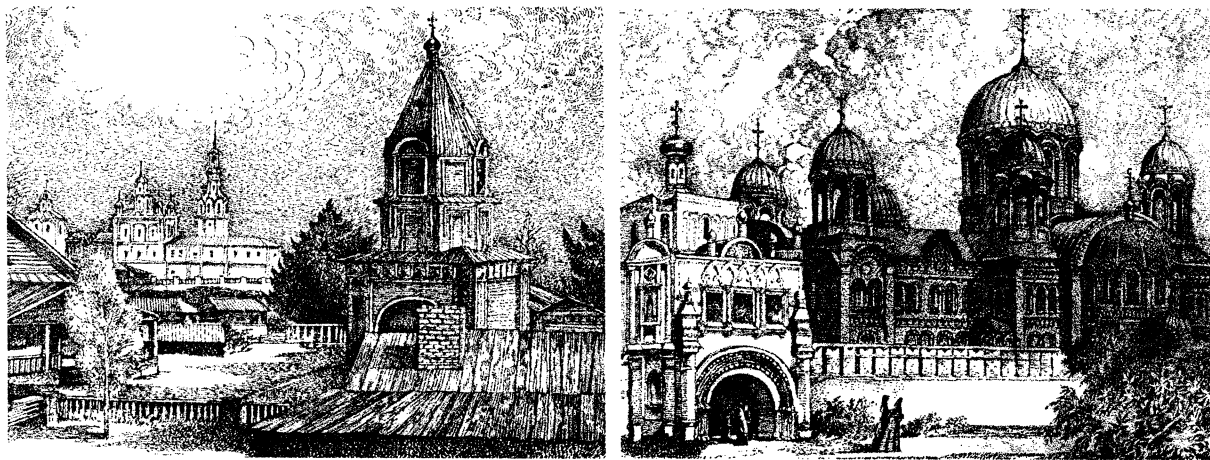
которой жили наши деды. Завод был казенным, то есть принадлежащим государству. Весь инженерный персонал был из Петербурга. Чтобы как-то скрасить жизнь приезжающих инженеров, каждый горный начальник покровительствовал развитию обществ самодеятельности, церковь тоже хотела иметь у себя хороший хор. Таким образом, в Воткинске был создан хор певчих, а вместе с тем среди певчих были и музыканты. Одним из первых зачинателей музыкальной культуры в Воткинске был рабочий завода Соломенников Лев Иванович. В 1837 году он работал отделочником (вероятно, в кричном цехе). И.П. Чайковский обратил внимание на него — он с увлечением играл на са-

модельной скрипке, и взял в число своей дворни. Затем горный начальник привез из Петербурга музыканту настоящую скрипку и именно на ней Лев Иванович обучал игре сына горного начальника — Петра... Вокруг дворового скрипача образовался небольшой музыкальный кружок. Когда Лев Иванович состарился, он подарил скрипку Грачеву Василию, который и занял место руководителя кружка, являясь преемником Л.И. Соломенникова. Это было около 1875 года...».

Существование этой легендарной скрипки подтверждают воспоминания других воткинских старожилов, а любовь именно к этому инструменту отличала и отличает многих потомственных воткинцев.

г. Воткинск

К ЮБИЛЕЮ ЕВГЕНИИ СТЕРЛИГОВОЙ

Рисунки к 400-летию Верхотурья

Андрей ПОДИСТОВ

ШКОЛА ДМИТРИЯ СКОГОРЕВА

Меня с детства привлекали самые разнообразные единоборства. Я успел позаниматься борьбой, боксом, каратэ, ушу... Наверное, потому что мне нельзя было этого делать из-за плохого зрения, меня это манило, как запретный плод, который, как известно, сладок. Я считал, что мужчина должен уметь защитить себя и того, кому вдруг может понадобиться помощь.

По большому, как говорят, по гамбургскому счету, должны уметь защитить себя и народ, и государство. То, что мы сейчас наблюдаем вокруг, то, что происходит в России, я думаю, можно назвать мирным завоеванием — и с запада. И с востока. На нашем телевидении преобладает «лучшее в мире» американское кино, в магазинах — импортные товары вытесняют отечественные, да и мораль наша меняется под напором всего чужеземного явно не в лучшую сторону. Но не будем о политике и экономике... Рассуждать о них дело неблагодарное и бесполезное.

Как все это связано с боевыми искусствами? На мой взгляд — напрямую.

Когда после долгого сдерживания на нас, как снежная лавина, обрушились импортные боевые искусства, они тут же заняли пустующую нишу. Многих привлекали идеи физического совершенствования, возможность научиться приемам самозащиты, экзотика.

Каратэ, ушу, кикбоксинг, таэквондо — только выбирай. И как-то не думалось, что все это чужое. Пусть интересное, полезное, влекущее... Но не свое. А чужую одежду, как ни примеряй... Да и бесплатный сыр известно где бывает.

А через некоторое время мне попались в руки журналы «Русский стиль. Боевые искусства», наша новосибирская газета «Боевые искусства России»...

Для меня открытием стало, что у нас в стране, оказывается, немало людей, которые все понимают и разрабатывают отечественные направления в боевых искусствах. В Краснодаре — Алексей Кадочников, в Петербурге — Андрей Грунтовский, в Москве — Александр Белов, в Твери — Григорий Базлов... И немало их, развивающих это самое — свое, хотя восточники и преобладают количеством. Наконец, повезло, узнал, что и в Новосибирске есть «наши». Решил посмотреть, что к чему и статью написать.

Так я познакомился со школой кулачного боя «Сибирский вьюн» и с ее руководителем Дмитрием Скогоревым. После одной статьи были написаны еще несколько, журналистский интерес обернулся занятиями, чтобы почувствовать на практике, что это такое, и — двумя семинарами. Надо сказать, я очень пожалел, что не встретил подобного раньше...

— Почему «Сибирский вьюн»? — допытывался я у Дмитрия.

— Название выбрано не случайно, — объяснял он. — Вьюн — это и растение, и рыба... Символизирует сложные спиралевидные движения: завивания, обвивания, мешающие движениям противника, сплетение воедино — как раз то, что на мой взгляд характеризует русскую борьбу...

Я испытал это на себе. Когда твой противник непрерывно движется, как бы соединенный с

тобой невидимыми нитями, а любое твоё нападение уведётся с траектории атаки и оборачивается против тебя же — в этом мало приятного. Особенно когда действия этого противника непредсказуемы.

В «Сибирском вьюне» нет приёмов как таковых, есть принципы, которые нужно соблюдать, и тогда тело само адекватно ситуации реагирует на агрессию. По сравнению, например, с каратэ, этот непривычный стиль показался мне гораздо более изощренным и сложным.

Когда на тренировках и показательных выступлениях я наблюдал, как работает Скогорев и его ученики против невооруженного противника, противника с ножом, палкой, против нескольких нападающих, мне не раз приходила в голову мысль, что все, что нам показывают в гонконговских боевиках — просто дешёвые подделки. Нашим бы киношникам да снимать свои фильмы с такими ребятами! Даже с точки зрения пластики — хореографам бы оценить её своеобразие и красоту! При этом, насколько реальны и тяжелы удары скогоревских учеников, я видел на тренировках, где они, используя принцип «волны», отрабатывали их на лапах.

Впрочем, попытаться описать, что из себя представляет школа Скогорева, — это очень сложная задача, тем более, что и эволюция этой школы была очень заметной.

Начинали они в конце восьмидесятых. Проводили тренировки, где придется, порой в подвалах. Первые шаги — занимались непонятно чем, но уже не каратэ. Собирали обрывки знаний, находили людей, владеющих рукопашным боем, учились у них. Цели, по словам Дмитрия, ставили две: познание внутренних сил и энергии, и — работа в бою с противником так, чтобы его побеждать. После трех лет поисков столкнулись непосредственно с русским стилем и пошли в этом направлении. Приобретенный опыт не пропал зря. Он стал как бы фундаментом для всего последующего. Их уже интересовал не только реальный бой, но его славянские, русские истоки, философия, культура Руси в целом.

— Чем отличаются наши боевые искусства от восточных? А кулачный бой — от рукопашного? — отвечал на мои вопросы Дмитрий. — Прежде всего внешне, хотя и есть кое-что общее. Но главное — внутреннее отличие. Оно в нашем этническом происхождении. Мы родились на земле русской, сибирской — и все наше мировоз-

зрение строится на этом. Как бы мы не хотели понять того же буддиста или даоса, мы в полной мере не можем этого сделать, мы — другие. И многое определяет такое понятие как «род». Каратэ или айкидо нам чуждо, хотя наши ребята и добиваются в нем успехов. Русский кулачный бой, например, — это лишь один из пластов, срезов русской культуры. Здесь и фольклор — песни, частушки, которыми традиционно вызывали на драку, и своя философия, основанная на вековой морали и вере.

Вообще, боевые искусства можно разделить на три направления: этнографическое, спортивное и прикладное. С этнографическим и спортивным, я думаю, все понятно. Кулачный бой относится к первому, самбо — ко второму. А вот к третьему уже можно отнести владение любыми видами оружия и рукопашный бой. В отличие от кулачного он рассчитан на уничтожение противника любыми подручными средствами. Да ведь и история наша была такая, что не только дружиннику, но и крестьянину зачастую приходилось брать за оружие, а то и вилы с серпами шли в ход...

— Чем отличалось обучение боевым навыкам у русских? — спрашивал я.

— У нас не было такого понятия, как «школа» на Востоке. Хотя существовало и монашеское направление, вспомним Пересвета и Ослябю, и скоморошеское. От них, похоже, ничего не осталось... У нас на Руси это было частью народной жизни, чтобы быть готовым в любой момент встать на защиту родной земли. Отсюда обрядовые, игровые бои на Масленицу, Ивана Купала и другие праздники. С детства — игры, направленные на развитие боевых навыков, мужества, коллективизма... В воинской среде обучение, конечно, было более изощренным.

Очевидная вроде бы мысль: а зачем заниматься чужими боевыми искусствами, если есть свои?

Помню семинар по ушу, который я проходил когда-то, чтобы получить корочки инструктора. Тренировки проводились очень жестко и однотипно, как в давно отрепетированном театральном спектакле, — ни одного лишнего слова, улыбки, движения в сторону. Мы заучивали длиннющие тао — упражнения формы, которые практиковались в знаменитом Шаолиньском монастыре. Упражнялись в наборе космической энергии ци в пыльном, пахнущем краской спортзале: там шел ремонт...

Как чужую одежду ни примеряй...

Что осталось от этого, не идущего от естества? Интересного, но формального и все более утомляющего однообразием и некоторой театральностью...

В реальной жизни мне больше пригодились занятия, которые мы небольшой группой, когда боевые искусства были загнаны в подполье, проводили в лесу, на снегу, на льду, да еще играя, — свободно и раскрепощенно.

Занятия у Дмитрия Скогорева напомнили о тех благословенных временах. Мы тоже шли тем же путем, отталкиваясь от реального и близкого, а не мифического и далекого...

Они пошли значительно дальше. Им очень помогли семинары Ретюнских, Базлова, организованные Сибирским центром русского боевого искусства, возглавляемого Дмитрием Семеновым. Кое-чему научились у князя Тимофеева-Голицина из Санкт-Петербурга, сохранившего фамильные воинские секреты.

Но главное, было уже понимание, что они на правильном пути, что многие этим занимаются, что есть некая общая система, основанная на одних и тех же принципах. Поскольку ни к одному из направлений, с которыми они столкнулись, они не относились, у них стала формироваться своя школа, свой взгляд на систему рукопашного боя, на систему передачи знаний и подготовки в достаточно короткие сроки мастера-рукопашника, способного противостоять любому противнику или противникам.

В 1993 году в городе Юрге Кемеровской области состоялся первый семинар, который Дмитрий Скогорев и его товарищи организовали и провели сами. В нем приняли участие спортсмены (в основном, борцы и боксеры), работники правоохранительных органов, студенты, школьники, — вообще, все интересующиеся... Он удался.

Потом их было много, более десятка семинаров, посвященных различным аспектам кулачного и рукопашного боя. Работа с оружием, различными предметами — от веревки до экзотической рогатины, — бой в воде, психологический тренинг, основы школы выживания, народные игры, развивающие боевые навыки и помогающие лучше понять дух наших предков.

Были «стенки», кулачные турниры в полный контакт, показавшие практическую силу «скогоревских».

В 1997 году они зарегистрировались, как меж-

региональная общественная организация — школа русского боя «Сибирский вьюн».

В налоговой полиции, где работает Дмитрий, вышли и книги, в которых суммируется их накопленный опыт, как в теории, так и практике...

Впрочем, вот перед вами оно самое — руководство по рукопашному бою. Я думаю, оно больше скажет специалисту, чем моя легковесная попытка объяснить, что из себя представляет школа Дмитрия Скогорева.

А закончить мне хотелось бы простой мыслью. По-моему, то, с чем мне повезло познакомиться — это один из небольших ручейков, которые втекают в одну большую реку наших отечественных боевых искусств. Сравните вкус импортной газированной воды и воды из родника. Может, кому-то первая и покажется вкуснее... А полезнее?

К ЮБИЛЕЮ ЕВГЕНИИ СТЕРЛИГОВОЙ

Наталья Соломко. Из сборника
повести и рассказы «Если бы я был учителем...»

Маргарита КУПРИЯНОВА

КАК ВЕРШИНЫ ОБРЕТАЮТ ИМЕНА

(К 50-летию научной и краеведческой деятельности Н.П. Архиповой)

Родной город Нины Петровны — Ленинград (Санкт-Петербург). Здесь прошли ее детство и юность, включая и 900 дней блокады: два года она работала палатной медсестрой в военном госпитале. После снятия блокады, несмотря на голод и лишения, она с отличием экстерном заканчивает географический факультет Ленинградского педагогического института им. А.И. Герцена и сразу же поступает в аспирантуру к проф. Б.Н. Городкову, видному советскому ученому.

Тема ее кандидатской диссертации: «Типология ландшафтов Башкирского заповедника на Южном Урале». Несколько месяцев собирала материал в Башкирии. После защиты, в начале 1948 года, Нина Петровна приезжает в Свердловск и с тех пор этот город стал ее второй родиной. Она становится доцентом географического факультета Уральского государственного университета им. М. Горького, быстро завоевывает уважение коллег, признательность и любовь студентов. Недаром ее бывшие воспитанники, будучи уже сотрудниками Джунгарской ледниковой экспедиции АН Казахской ССР, Е.Н. Вилесов и Б.С. Устюжанин называют два ледника и горную вершину Джунгарского Алатау (теперь — территория Республики Казахстан) именем доцента УрГУ Н.П. Архиповой.

Осенью 1949 года в сборнике «Ученые записки Уральского государственного университета» (Вып. 10, биологический) увидела свет ее первая работа — «Физико-географический очерк Башкирского гос. Заповедника», положившая начало ее научной деятельности, которая не прекращается до настоящего времени.

Когда в пятидесятых годах географический факультет УрГУ переехал в Пермь, Нина Петровна перешла на биолого-географический факультет Свердловского педагогического института (ныне — Уральский гос. педагогический университет). Здешней кафедре физической географии она отдала более 25 лет, а после выхода на пенсию в 1979-м еще несколько лет работала почасовиком. Разрабатывала и читала лекции по физической географии СССР, общему землеведению, истории географии, охране природы, вела полевые практики, руководила дипломными работами. Всегда — с вдохновением, творчески.

Нина Петровна — автор более 100 научных статей и 12 научных и научно-популярных книг, в том числе четырех учебных пособий. Признательность читателей всех возрастов получили трижды переиздававшиеся «Окрестности Свердловска». Автор смотрит на мир глазами «географа и краеведа», сообщая книге научную достоверность и предлагая богатейшую россыпь фактологического материала.

В 1984 году выходит научно-популярная книга Архиповой — «Заповедные места Свердловской области». В ней

дана классификация природных резерватов, которой пользуются теперь как преподаватели вузов, так и учителя школ. Логическим продолжением книги явилась настенная четырехлистная карта «Охраняемые объекты природы Свердловской области», составленная в соавторстве с В.В. Ипполитовым и изданная в 1993 году. Эта карта не имеет аналогов и принята «на вооружение» всеми, кто занимается проблемами охраны природы в Свердловской области. К сожалению, из-за финансовых трудностей карта не дошла до всех школ города и области.

Устойчивый интерес Нины Петровны к истории географии нашел свое воплощение в многочисленных статьях и научно-популярных книгах, а также в недавно вышедшем «Атласе Свердловской области» (1997). Книга «Как были открыты Уральские горы» (в соавторстве с доцентом Московского педагогического института Е.В. Ястребовым) выдержала три издания. Она снабжена портретами ученых, картами их маршрутов, слайдами. Архипова «открыла» для географов первого исследователя природы Урала и Свердловской области В.Н. Татищева, посвятив талантливому человеку несколько статей; она же составила и первую карту его маршрутов по Среднему Уралу. Для геологов Нина Петровна «воскресила» незаслуженно забытого ученого прошлого века — геолога-минералога и естествоиспытателя Э.К. Гофмана (1801-1871). В книге «Непроторенными путями» (Екатеринбург, 1994) она показала его не только как исследователя Уральских гор, но и многих других районов России и Русской Америки. Проявив незаурядную настойчивость, нашла настоящий портрет Эрнста Карловича Гофмана, профессора Киевского и Петербургского университетов. До нее в музее минералогии Петербургского университета несколько десятков лет экспонировался портрет его однофамильца и тоже геолога — Эдуарда Ивановича Гофмана.

Всю жизнь Нина Петровна заявляет о себе в обществе «Знание», Всероссийском обществе охраны природы, Комиссии по охране природы УНЦ АН СССР (ныне — УРО РАН), Ученом Совете областного краеведческого музея, Обществе уральских краеведов. Двадцать лет она была ученым секретарем свердловского отделения Географического общества СССР, и, надо сказать, что этот период деятельности общества наиболее плодотворен.

В 1975 году одна из первых в области, Нина Петровна стала обладательницей медали имени Н.К. Чупина, учрежденной еще УОЛЕ, а на Вторых Татищевских чтениях (апрель 1999) она награждена Дипломом почетного члена Общества уральских краеведов. Хорошо знают Нину Петровну Архипову и читатели «Уральского следопыта».

Ее научно-краеведческая работа продолжается: сдана в издательство рукопись новой книги, начата другая...

Герман ДРОБИЗ

КАК Я СИНТЕЗИРОВАЛ ЧЕЛОВЕКА

Вы не поверите, но я в течение двух минут был самым великим изобретателем мира.

...В этот институт я попал с огромным трудом. Сюда не принимали ни мастеров спорта, ни самодельных джазовых певцов, ни племянников академика М. или писателя Н. Сюда брали только самых способных: здесь готовили специалистов по созданию синтезаторов живых организмов!!!

Как сейчас помню первый день в нашей лаборатории. Меня ввели в просторное светлое помещение, в центре которого стоял синтезатор — огромный шкаф с дверцей. Вокруг шкафа змеились трубы, к нему тянулись сотни проводов, кабели; все стенки, включая и дверцу, были заляпаны окошечками приборов.

Меня познакомили с инженером-расчетчиком. Буду называть его просто Инженером. Тут же он усадил меня за расчеты.

Инженер был строг, сух и зол. Дело в том, что вот уже второй год, выполняя задание Ученого Совета, он синтезировал белых мышей.. Когда-то в институте создали искусственную бактерию, потом амебу, потом бабочку, и вот два года назад произошел колоссальный сдвиг — синтезировали млекопитающее — мышшь!!! Но теперь мышши шли у нас, как консервные банки по конвейеру. А Инженер безуспешно просил разрешения Ученого Совета перейти на синтез

более крупного животного — собаки. И даже..

— Понимаешь, — говорил он, — у меня все продумано и сосчитано. Можно синтезировать человека. Я понимаю, это огромная ответственность. Но ведь я не собираюсь создавать какого-нибудь идиота. Нет, я запрограммирую умного, доброго и славного парня... Эх, не разрешают, рутинеры, перестраховщики проклятые!

И он потрясал своей заветной тетрадкой. Он держал ее у себя в столике и никому не давал.

Однажды вечером я пришел в лабораторию. Поддавшись искушению, я достал тетрадь Инженера, и вообразил, как мы с ним... нет, я один.. я, великий ученый, программирую живого человека!

Я подошел к машине и начал задавать параметры, следуя расчетам в тетрадке.

«Представляю, какая была бы сенсация...»

Ввел веса и объемы важнейших органов — мозг, сердце, почки, печень, легкие и так далее.

«Портреты во всех газетах мира...»

Задал основные черты характера: уравновешенность, воля, внутренняя собранность, культура, честность, смелость и т.д.

«Интервью, премии, избрание почетным членом в академии всех стран...»

Так я ввел программу идеального человека. Не забыл, чтоб у него был хороший рост, приятные пропорции и симпатичное лицо.

Потом передумал: в голову пришла совершенно потрясающая идея!

Я стал вводить данные Инженера! Знал я их, конечно, примерно, но довольно подробно. К сожалению, наряду с высокими математичес-

Дробиз Герман Фёдорович.
Автор многочисленных сборников юмористических рассказов, поэтических книг. Лауреат премии «Золотой Остап». Член Союза российских писателей. Живет в Екатеринбурге.

кими способностями и большой внутренней культурой, я ввел сухость, излишнюю строгость и раздражительность...

Закончив все это, я подошел к кнопке, нажатие которой начинало процесс синтеза. Сейчас нажму, и выскочит второй Инженер. Вот смеху-то!!!

Чтобы побороть искушение, я вышел из лаборатории, немного погулял и успокоился. Вернулся, и вдруг неведомая тяга потащила меня к кнопке. Нажал!

В то же мгновение внутри синтезатора что-то зашумело, потом раздался глухой стук и возня, потом душераздирающий вопль.

«Не так-то это просто — рожать человека или рождаться», — пробормотал я.

Дверь синтезатора распахнулась... и я чуть не упал в обморок: оттуда выскочил молодой человек в сером костюме, в очках и с усиками — точная копия Инженера.

— Ты понимаешь, что натворил?! — заорал он.

Подумать только, как точно я заложил в программу характер. Орет точно так же, как и его оригинал.

— Я тебя выгоню из лаборатории и из института! — продолжал он на повышенных тонах. — Кто тебе позволил включать машину без моего разрешения?

Вдруг до меня дошло, что я действительно натворил! Теперь у нас в лаборатории будет два совершенно одинаковых Инженера! Причем невозможно будет даже по мелочам отличить, кто из них оригинал, а кто копия. Ужас! Ужас! Ужас!

— Простите, — пролепетал я. — Но вам придется пройти обратно в машину. Вас необходимо аннигилировать, то есть уничтожить посредством взрыва, иначе говоря, вернуть в нематериальное состояние.

Я ожидал, что он бросится на меня и уьет. Но он молча подошел ко мне и серьезно, очень серьезно посмотрел мне в глаза.

— Так ты считаешь, — наконец сказал он, — ты считаешь, что ты меня синтезировал? Для этого ты и включал машину?

— Да, — твердо сказал я. — И, как мне ни жаль, но ваш оригинал не простит мне...

— Мой оригинал... — он не договорил и за-

лился неудержимым смехом. Никогда не слышал, чтобы тот, настоящий Инженер, так смеялся.

— Так ты меня создал? — повторил он, отдышавшись от приступа хохота.

— Но как же вы тогда оказались в синтезаторе?

Тут смутился он.

Но я и сам понял: Инженер пришел в одиночестве поработать, может быть, над созданием человека. Он залез в камеру синтезатора что-то посмотреть там. В этот момент пришел я, ввел программу и нажал кнопку. Но так как синтезатор был поставлен Инженером на защиту, то от кнопки включились лишь вспомогательные объекты...

Вот так я чуть не создал искусственного человека. Но должен заметить, что после этого случая у Инженера заметно изменился характер: мой руководитель стал добрее, душевнее, мягче. Порою казалось, что я действительно создал нового человека...

К ЮБИЛЕЮ ЕВГЕНИИ СТЕРЛИГОВОЙ

Эскиз к мультфильму «Волшебная зима».
1996 год.

Министерство связи РФ «Роспечать»		73413 (подписной индекс)									
АБОНЕМЕНТ на журнал											
«Уральский следопыт» (наименование издания)		Количество комплектов:									
на 1999 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда			(почтовый индекс)								
			(адрес)								
Кому			(фамилия, инициалы)								

		ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА									
		на журнал 73413 (подписной индекс)									
ПВ	место	ли-тер									
«Уральский следопыт» (наименование издания)											
Стоимость	подписки	руб.	Количество комплектов:								
	пере-адресовки	руб.									
на 1999 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда			(почтовый индекс)								
			(адрес)								
Кому			(фамилия, инициалы)								

Уважаемые читатели! Вы можете подписаться на журнал «Уральский следопыт», начиная с любого номера. Жители Екатеринбурга могут подписаться на журнал непосредственно в редакции.

Редакция гарантирует новым подписчикам высылку недостающих номеров второго полугодия наложенным платежом по их заявке.

Журнал
УРАЛЬСКИЙ
следопыт

принимает заявки
НА РАЗМЕЩЕНИЕ РЕКЛАМЫ
Справки по телефону **22-45-01, 22-04-81**

Редакция:
Герман ИВАНОВ
(главный редактор),
Игорь КОЛЕСНИКОВ
(директор),
Юний ГОРБУНОВ,
Анна КОСТРИКОВА
(художественный редактор),
Игорь КУЗОВЛЕВ,
Леонид ШУНЯЕВ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:
Виктор АСТАФЬЕВ,
Кир БУЛЫЧЁВ,
Сергей КАЗАНЦЕВ,
Владислав КРАПИВИН,
Станислав МЕШАВКИН,
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЁБЫШЕВ,
Геннадий ПРАШКЕВИЧ,
Борис СТРУГАЦКИЙ.

Компьютерная вёрстка:
Анна КОСТРИКОВА,

Адрес редакции:
620142, Екатеринбург,
ул. Декабристов, 67
Телефон редакции:
(3432) 224-501

Рукописи принимаются перепечатанными на машинке через 2 интервала, 60 знаков в строке, 28-30 строк на странице. Материалы на дисках рассматриваются в первую очередь. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

По вопросам подписки и доставки обращаться в районные отделения «Россвязьинформа».

Рег. № 441 от 13.12.90
Подписано к печати 12.08.99
Формат бумаги 84x108/16.
Бумага газетная
Печать офсетная.
Усл.печ.л. 8,4
Уч. изд.л. 18,6
Усл.кр.-отт. 8,4
Тираж 2 000
Заказ № 672

Все претензии по ошибкам в тексте предъявлять редакции журнала «Уральский следопыт»
Отпечатано в типографии «Уральские военные вести»
Екатеринбург, ул. Народной воли, 62.

Цена свободная.

Рисунок на 1-4 стр. обложки
Евгения СТЕРГИГОВОЙ.

Материал Ольги КОЛОТОВОЙ читайте на 6-й странице.

ПОБЕДИТЕЛЬ ДРАКОНА
Дьедонне де Гозон